

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ИЮНЬ
2001**

**СИВАН
5761**

№ 6 (110)

ИЗ ЕГИПТА – К СИНАЮ

Пейсах и Швуэс – два основных для нас праздника. В Пейсах произошло не только освобождение, но и рождение нашего народа. Началось оно выходом из Египта, а дарование Торы стало его кульминацией. «И будете вы Мне царством священнослужителей и народом святым».

Ежегодно в каждой общине в дни Пейсаха евреи, читая Агоду, проходят тот же самый путь и испытывают те же чувства, что и наши предки. По этому поводу написано: «В эти дни напоминает и делается». И объясняется: «напоминается» – значит, рассказывается о былом. И обязательно «делается», потому что и в этом году мы чувствуем себя реальными участниками тех событий. Это отличает евреев от остальных народов, для которых праздники – напоминание об исторических событиях. Для нас они тоже связаны с историей и в то же время всегда актуальны: мы сознаем их неразрывную связь с ежегодными, ежедневными проблемами и явлениями.

Хотя сегодня Египет – не конкретное место на карте, а олицетворение рабства в любой точке земного шара, и имя Амана, упоминаемого в Пурим, стало нарицательным именем всех ненавистников нашего народа в любые времена, и Антиох с хасмонеями тоже другие, но каждый праздник дает нам ключи к решению нынешних проблем, и силы нашей повседневной жизни в корне связаны с происшедшим тогда.

Говоря о праздниках Пейсах и Швуэс, о Египте и Синае, мы понимаем, что сегодня нет места на земле, где связанное с ними чувствуется сильнее, чем в России. В Египте не верили в Б-га. «Я – бог. Я сам себя создал», – говорил фараон. И египтяне верили в это, и евреи, ассимилировавшись, тоже. Тогда они находились на самом низком духовном уровне за всю свою историю.

Моше передал фараону слова Б-га: «Отпусти мой народ, чтоб они служили мне». «Служили» связано с получением Торы на горе Синай. Идея освобождения заключалась не только в физическом Исходе из Египта, но и в освобождении от менталитета, проникшего внутрь еврея, от неверия в Б-га, от влияния египтян...

Когда Б-г на Синае сказал каждому еврею: «Я Г-сподь, Б-г твой, который вывел тебя из Египта», – это означало: вывел, чтобы исполняли Его заповеди, признавали Господином только Его. Он не говорил: «Вы освободитесь и будете делать, что захотите». Он имел в виду, что будет рабство, но связанное с высокими ценностями. Такое не ломает человека, а делает его способным приносить святость в этот мир.

Второй закон, полученный на Синае, – «Да не будет у тебя других богов», – запрещал идолов и был продолжением первого. Когда хозяин не человек, а Б-г, Совершенный, Творец мира, это и есть свобода для людей.

40 лет евреи оставались в пустыне, чтобы освободиться от рабства. За эти годы поколение рабов умерло, и в Израиль вошли их дети. Так не должно было быть. Б-г хотел, чтобы евреи сразу вошли в Израиль после Египта. Но их мучили сомнения, они были насторожены, недоверчивы. Сначала им захотелось послать в Израиль разведчиков – Б-г согласился на это. Но они сомневались снова – и это несмотря на все чудеса, которые видели в Египте и на Красном море!..

В Египте Б-г показал, что Он есть на свете. О присутствии Хозяина мира свидетельствовали и сам Исход, и чудо с Красным морем. Все происходящее было символично, например, расступившиеся воды моря – знания, скрытые поначалу. И перед евреями открылась полная картина мира. Они могли видеть Б-га. Самый простой человек, пройдя море, мог видеть больше, чем великий пророк. Так евреи видели дарование Торы. И все равно потом вернулись к своему менталитету: сомневались, опять сомневались... Тогда Б-г сказал, что в Израиль войдут только их дети и те, кто верил в силу Б-га.

Рабство – не только изнурительная работа, оно проникает внутрь человека, проявляется в его зависимости от всевозможных ненужных, вредных вещей. Идолопоклонство мы тоже понимаем не в узком, а в широком смысле слова. Освобождение от рабства, к тому же усугубленного идолопоклонством, – длительный процесс.

О евреях Египта написано, что они сохранили три вещи: свои имена, язык, национальную одежду. Больше ничего еврейского не было! И эти три вещи их спасли. В России тоже были такие вещи: «пятый пункт» в паспорте, язык идиш, еврейские блюда. В других странах, например в Испании, еврейство уничтожила инквизиция; люди скрывали свое происхождение, потому что уже не понимали, что значит быть евреем. Здесь этого не забыли. И когда 10 лет назад случилось такое чудо – падение коммунистического режима, евреи получили свободу. Это и есть выход из Египта.

49 дней понадобилось, чтобы евреи дошли до Синая. На этом пути находимся сегодня и мы, с каждым днем ощущая себя все свободней. Нельзя сказать, что освобождение произошло 10 лет назад. Еще совсем недавно люди признавались мне: они боятся говорить о своем еврействе, стесняются его. Настоящая свобода – это когда еврей может с легкостью говорить где угодно: «Да, я еврей и этим горжусь».

На каком этапе пути от Египта к Синаю мы находимся сегодня, зависит от каждого из нас. Есть такие, кто уже получил Тору и живет с ней, гордится своим происхождением, понимая, что быть евреем – это не страх, не стеснение, а настоящая жизнь. Для того они и выходили из Египта. Есть такие, кому нужно больше времени, не дай Б-г, 40 лет, чтобы понять: да, действительно, здесь многое изменилось. Есть и такие, кто уверен, что коммунизм вернется сегодня-завтра. Они не понимают, что произошли необратимые изменения.

Понятно, что евреи смогли достичь Синая за 49 дней, потому что была помощь свыше, на глазах происходили чудеса. В России, я думаю, чудес не меньше. На Западе много пишут о том, что люди не понимают Путина: человек вышел из КГБ – и вдруг хорошо относится к евреям... Сомнения, сомнения, как и 33 века назад. Но тогда зачем президент три часа провел в Еврейском центре в Хануку?.. В конце концов у него немало дел. Я думаю, это часть сегодняшнего чуда.

Сейчас поддержка свыше проявляется в том, что мы можем открыто учить иврит, Тору, Талмуд, соблюдать Субботу и праздники. В этом году накануне Пейсаха на улицах свободно рекламировалась израильская маца! Еще 5 лет назад люди не были к такому готовы, а сегодня это воспринимается нормально.

Еще одно из чудес. За неделю до Пейсаха в Марьиной роще закончилась маца. А ведь ее завезли в два раза больше, чем в прошлом году! Конечно, еврейские организации много делают для возрождения еврейства, но результат превысил все

разумные ожидания и расчеты. Надо понимать: то, что может Б-г, намного превышает наши самые оптимистические представления.

В Пасхальной Агоде написано: маца – хлеб, который мы ели в Египте, это хлеб бедности и рабства. Далее сказано, что есть и другая маца, которую мы взяли, выходя из Египта: в спешке тесто не успело подняться. Это хлеб Исхода.

Один человек мне рассказывал, как в пору его детства вся семья собиралась дома, чтобы тайно выпекать мацу. Организовать такой процесс нелегко. Это была такая же маца, как та, которую евреи ели в Египте, – она напоминает не о свободе, а о рабстве. А сегодня можно на улицах показывать ее и говорить: «Вот, это наша маца», – теперь она уже еврейский символ свободы. И люди идут по улицам с пакетами, не скрывая, что в синагогах взяли мацу, – хлеб свободы.

Áëàáí úé ðàáèí Dîñèè Áàðè Èàçàð

УРОКИ ТОРЫ

БЕАР

В главе Беар даны законы, которые выделяют особенное время и указывают на его святость. Это каждый седьмой год семилетнего цикла (шмита — «освобождение»), когда земля оставалась под паром и отдыхала, будучи безраздельной собственностью Творца, и каждый пятидесятый год (йовель — «юбилей»), когда свободу получали рабы-евреи, а наследные наделы (за исключением домов в городах, обнесенных стеной) возвращались своим хозяевам (по Своей воле Всевышний раздал уделы сынам Израиля, и никто другой не имел права их присвоить).

Связь двух заповедей выражалась в том, что юбилеем отмечался конец семи семилетних циклов, сам по себе он не считался годом такого цикла. Когда некоторые из колен оказались в изгнании, юбилей потерял свое практическое значение. В его истории можно выделить три периода: 1) времена, когда заповедь юбилея соблюдалась; 2) времена Второго Храма, когда ее не соблюдали, но эти годы все же учитывались для сохранения семилетних циклов; 3) времена (как сейчас), когда Храма нет, и счет семилетних циклов не учитывает юбилейного года.

В беседе Ребе исследуется духовная сущность седьмого и пятидесятого годов и объясняется скрытый смысл трех периодов, которые олицетворяют уровни религиозного сознания.

ЮБИЛЕЙ

«И освятите пятидесятый год, и объявите свободу на всей земле всем жителям ее; юбилеем будет это у вас; и возвратитесь каждый во владение свое, и каждый к семейству своему возвратитесь» (Ваикра, 25:10).

В Талмуде в связи с этим сказано: «Когда колена Реувена и Гада и половина рода Менаше оказались в изгнании, юбилеи были запрещены. Также сказано: “И объяви свободу по всей земле, всем жителям ее”», — то есть только тогда, когда все жители живут на ней, но не тогда, когда кто-то находится в изгнании... (Арахин, 32б, Рамбам, Законы Шмита Вейовель, 10:8).

Несмотря на то что юбилей перестал быть годом освобождения рабов и возвращения владений, Вавилонский Талмуд отмечает, что даже во времена Второго Храма «вели счет юбилеям, чтобы сохранять священный статус годов освобождения» (Арахин, там же; Рамбам, там же, 3). Каждый седьмой год был годом освобождения («шмита»), субботнего покоя для земли, когда она была «освобождена» от засеивания и оставалась под паром. Согласно мнению мудрецов пятидесятый год в этот цикл не входил, поэтому приходилось продолжать считать годы юбилея, чтобы обеспечить соблюдение седьмого года освобождения (шмиты) в нужное время: на седьмой год после юбилея, а не после сорок девятого года.

Тосфот (Арахин, там же) возражают. В Иерусалимском Талмуде сказано: «Когда юбилейный год не соблюдается как юбилейный год, не надо соблюдать и седьмой год как год освобождения» (Швиит, 1:2; Гитин, 4:3). Если так, то во времена Второго Храма, когда юбилейный год не соблюдался, а просто отсчитывался, освобождение седьмого года, шмиты, следовательно теряло силу.

Раши считает (Гитин, 36а), что седьмой год соблюдался во времена Второго Храма только как закон мудрецов. Другими словами, Иерусалимский и Вавилонский Талмуды не противоречат друг другу: Иерусалимский Талмуд утверждает, что субботный год (когда юбилейный год был временно отменен) не обязательно было соблюдать по закону Торы, а Вавилонский Талмуд упоминает, что его тем не менее продолжали соблюдать по указу мудрецов.

Но согласно Тосфот возникает коллизия двух талмудов: Вавилонский Талмуд, утверждая, что седьмой год обязателен для соблюдения по закону Торы независимо от юбилейных лет, противоречит Иерусалимскому Талмуду.

ДУХ И ЗАКОН

Правовые решения первых мудрецов – это не просто результат рассуждений, основанных на житейской логике (Биурей а-Зогар, Ваишлах, 20б). Танаим и Амораим были настолько духовно богатыми людьми, что видели в делах духовный свет и затем воплощали свое видение в интеллектуальных и правовых нормах. Но поскольку их души не были одной духовной высоты, то и практические их решения различались. Это различие и служило источником разногласий (Введение в Танию, ч. 1; Зогар, ч. 3, 245а). Таким образом, можно сказать, что причиной разногласий (согласно Тосфот) между Иерусалимским и Вавилонским талмудами относительно того, должен ли был по Торе соблюдаться седьмой год освобождения (шмита) во времена Второго Храма, являлись различные уровни духовности, представленные этими двумя источниками знаний.

Вавилонский Талмуд находится на более низком уровне. «Он заставил меня обитать в темных местах», – эти слова, считал рабби Иеремия, относятся к Вавилонскому Талмуду» (Сангедрин, 24а).

С точки зрения Иерусалимского Талмуда, представляющего собой более высокий уровень, святость седьмого года (шмита) была неполной без святости юбилейного года. На более низком, Вавилонском уровне, седьмой год был сам по себе совершенен, даже без юбилея.

БЕЗ ЮБИЛЕЙНОГО ГОДА

Когда Второй Храм был разрушен, годы освобождения стали отсчитываться по-новому.

Пока существовал Храм, пятидесятый год не входил в семилетний цикл. Но «в течение семидесяти лет между разрушением Первого Храма и построением Второго и после разрушения Второго юбилейные годы не отсчитывались, исчисляли только (неразрывно) семилетние циклы» (Рамбам, там же, 5).

В чем тогда разница между тем, как мы считаем годы освобождения теперь, и тем, как это делали во времена Второго Храма, когда перестали соблюдать годы юбилея?

В свете высказанной концепции можно сказать: пока существовал Храм, духовный уровень был настолько высок, что, дабы увенчать святость седьмого года освобождения (шмита), нужна была более высокая святость юбилея. Одно время требовалось фактическое соблюдение юбилейного года, затем, как минимум, его отчет. Но когда Храм был разрушен, духовность опустилась до того, что прервалась всякая связь между седьмым и пятидесятым годами освобождения.

СКРЫТОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЕДЬМОГО И ПЯТИДЕСЯТОГО ГОДОВ

Чтобы понять вышесказанное, постараемся найти аналог седьмому и пятидесятому годам во внутренней, религиозной жизни человека.

Седьмой год, время освобождения, олицетворяет «принятие бремени Царства Небесного» (Тамей а-мицвос Ле-а-Аризал, Беар). Оно происходит, когда человек подавляет свое «эго» во имя Всевышнего (битул а-еш) (Ликутей Тора, Беар, 42д). «Эго» все равно существует, но мы должны сдерживать его, лишая голоса. И все же каждый раз, чем ближе седьмой год, тем настойчивей этот голос: «Что же будем есть в седьмой год, когда мы не будем ни сеять, ни собирать урожая нашего?» (Ваикра, 25:20). И это несмотря на то, что «эго» всегда было свидетелем, как Б-г выполняет Свое обещание: «Я пошлю вам благословение Мое в шестой год, и он доставит урожай на три года» (там же, 21), – это «ЭГО» вновь и вновь выказывает беспокойство.

С другой стороны, юбилей являет собой пример полного самоотречения во имя Б-га (битул би-мициус). «Эго» с его возражениями больше не существует. Теперь, не преодолевая себя, человек служит Всевышнему через понимание – настолько полное, что оно разрушает стену самообмана, отделяющую человека от Б-га. «Год свободы» означает свободу от сокрытия правды и от «эго», сковывающего своими цепями.

ДВА ВИДА ПОСЛУШАНИЯ

Каждый из этих уровней имеет свои преимущества. Битул би-мициус, послушание, основанное на понимании, шире. К Б-гу обращен весь человек.

Битул а-еш, или послушание, которого можно добиться усилием воли, проникает глубже внутрь человека, в душе которого происходит напряженная борьба.

Проведем аналогию: существует два вида взаимоотношений между слугой и хозяином. Бывает «простой» слуга, истинное стремление которого – стать свободным, но он продолжает служить, принимая бремя своего положения. И есть «преданный слуга», который служит своему хозяину всем сердцем, с неподдельной искренностью. Послушание последнего полнее – он весь отдается службе; первый же переживает это свое состояние глубже, поскольку его повиновение – результат намеренного подавления некоторых проявлений своего характера. Это требует от него больших духовных усилий.

ТРИ ЭПОХИ

Теперь видна полная взаимосвязь трех периодов еврейской истории с йовелем (юбилеем) и годом шмиты (освобождения).

Пока существовал Храм, соблюдались обе заповеди – духовность еврейского народа сочетала в себе послушание через любовь и понимание с послушанием через

усилие и подчинение. Даже в их покорности была любовь, а усилие совершалось вместе с пониманием. Любовь, преодолевающая себя, возвращалась, чтобы себя наполнить.

Во времена Второго Храма заповедь юбилея уже не соблюдалась, но эти годы продолжали считать. Любовь и понимание по-прежнему имели значение и накладывали отпечаток на служение, основанное на усилении и воле.

Но когда Второй Храм был разрушен, все, что осталось – это год освобождения, то есть напряженная борьба, чтобы подавить собственное «эго» и слушаться ради послушания. Никаких следов юбилея, то есть внутреннего единства, уже не было.

РАЗЪЯСНЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Итак, теперь мы уже не воспринимаем духовные материи в ясном свете понимания. Нам приходится действовать вопреки рассудку, подчиняясь неохотно. Подлинная духовность нам недоступна. И все же истинная внутренняя сила никогда нас не покидает. Сущность души всегда с нами. В теперешнем состоянии духовной тьмы изгнания она все равно подсознательно влияет на нас. И в этом первоисточник противоречий между Иерусалимским и Вавилонским талмудами, связанных с тем, от кого исходит заповедь о соблюдении года освобождения в наше время: от Торы или от мудрецов (то есть на правах закона Торы или только как свидетельство мудрецов о прошлом, когда год юбилея соблюдался) (Гитин, 36б).

Для Вавилонского Талмуда, плода изгнания, соблюдение седьмого года, и как следствие его – служение Всевышнему и «принятие бремени Царства Небесного» происходили сами по себе. Они не были связаны с высшим состоянием юбилея и служения Б-гу, приходящего через любовь и понимание.

По Иерусалимскому Талмуду, стоящему на более высоком уровне духовного сознания, и юбилей, и связанные с ним заповеди продолжали, хотя бы и подспудно, присутствовать. Поэтому он считает, что год освобождения связан с прошлым и соблюдается в память о времени, когда они находились в гармонии с юбилеем во времена Первого Храма.

В такой же мере это является и приготовлением к тем временам, когда все станет как прежде, когда будет построен Третий Храм и придет Мошиах.

БЕХУКОТАЙ

Недельная глава Бехукотай начинается со слов: «Если по установлениям Моим будете вы поступать». Беседа Ребе представляет собой комментарий-размышление по поводу именно этой фразы. Исследуются две важнейшие темы: природа изучения Торы и соотношение между верой и пониманием.

«МОИ УСТАНОВЛЕНИЯ»

Наша недельная глава начинается со слов: «Если по установлениям Моим будете вы поступать» (Ваикра, 26:3). Кто-то может решить, что это указывает на исполнение заповедей, но когда Тора продолжает: «И заповеди Мои соблюдать, и исполнять их», – становится ясно, что об исполнении заповедей говорит эта часть стиха.

Как же тогда объяснить слова: «Если по установлению Моим будете вы поступать»? Это означает, что вы должны заниматься изучением Торы.

Если «по установлениям Моим будете вы поступать» относилось бы к заповедям, мы поняли бы, почему упомянуты были только установления (хуким), без ссылки на другие виды заповедей — свидетельства (эйдос) и законы (мишпотим). Потому что эти другие заповеди, имеющие рациональное объяснение, надо было бы принимать так же безоговорочно и исполнять их, как установления, находящиеся за пределами нашего понимания.

Но раз мы должны понимать, что эта фраза относится к изучению Торы, почему употреблено слово «установления»? Для изучения Торы требуется главным образом рассудок и понимание. Труд заключается не только в том, чтобы учить, механически запоминая детали заповедей, но и в том, чтобы понимать их причины, как они даны в письменной и устной Торе.

Но хотя нам не дано понять установления (как говорит Раши /начало недельной главы «Хукат»/): «Это указ выше Меня; вы не имеете права анализировать его»), они составляют лишь небольшую часть Торы. Большинство заповедей поддаются объяснению.

Сама по себе Письменная Тора во много раз меньше Устной традиции. И понимание Письменной Торы не самое главное: человек может произносить благословение над ней и вызываться к чтению Торы, даже если он не разбирается в том, что читает. Что до Устной Торы, то, чтобы произнести благословение над ней, требуется проникнуть в ее смысл (Шулхан Орух а-Рав, Законы Талмуд Тора, конец гл. 2; Ликутей Тора, Ваикра, «Биур Вело Ташбит»).

Количество слов и стихов в Письменной Торе изначально определено. Добавить ничего нельзя. А в Устной Торе конец не predetermined. Что-то уже раскрыто. Но всегда есть возможность обнаружить новое: «что бы ни раскрыл достойный ученик в будущем» (Иерусалимский Талмуд, Пеа 2:4; Шмойс Раба, нач. гл. 47; Ваикра Раба, нач. гл. 22. Тания, ч. 5, «Улеавин Ператей...»). То есть, ограничений здесь нет. Этим обстоятельством еще раз подчеркивается разница между Письменной и Устной Торой.

Кроме того, и в самой Письменной Торе «установления» – заповеди, причины которых нам неизвестны, – составляют лишь малую часть всех заповедей.

Итак, вопрос встает еще острее: почему в контексте изучения Торы упоминаются только установления? Зачем цитировать меньшую часть, чтобы раскрыть содержание всей Торы? И почему речь идет именно о понимании, если изначально эти заповеди не могут быть поняты?

ИЗУЧЕНИЕ И ВЫСЕЧЕНИЕ

В Ликутей Тора Алтер Ребе объясняет, что слово «установление» (хок) соотносится со словом «высекать» (хакика). Таким образом, использование слова «установление» наводит на мысль о том, что изучение Торы должно быть актом «высечения», слов Торы в душе.

Что же особенного в высечении как в средстве письма?

Во-первых, слова не прибавляются как инородный элемент к тому, на чем они написаны. Скорее они становятся неотъемлемой частью самого предмета.

Во-вторых, и это важнее, буквы не имеют своего вещества. Они существуют благодаря материалу, в котором высечены.

Таким образом, когда наш стих говорит, что изучение Торы должно быть «вырезано» в нас, мы учим, что еврей не просто должен объединиться с Торой. Ведь единство иногда проявляется при объединении двух отдельных предметов (как процесс обычного письма сводит вместе чернила и бумагу). А в процессе обучения этого недостаточно. Напротив, изучаемый объект должен быть «высечен». Это означает, что человек, изучая Тору, должен быть пустым, его «эго» должно молчать, что бы ни случилось. Все его существо должно быть в Торе.

В качестве хорошего примера можно привести Моше – первого из людей получившего Тору. Его самоотверженность была настолько глубока, что он мог сказать: «И дам Я траву на поле твоём» (Дворим, 11:15; Ликутей Тора, Бехукотай, 50а). Б-жественное присутствие говорило его голосом (Зогар, ч. 3, 232а; то же: 7а; Шмойс Раба, 3: 15; Ваикра Раба, 2:3; Мехилта, Шмойс, 18:19). Он был пустотой, наполненной Б-гом.

То же самое можно сказать и о рабби Шимоне бар Йохане, сказавшем: «Не много я видел великих людей. Если их тысяча, я и мой сын среди них. Если их всего сто, я и мой сын среди них. Если их всего двое, то это я и мой сын. Если всего один, то это я» (Сукка, 45б; Сангедрин, 97б). Эти слова – восхваление самого себя, а самовосхваление – не верный путь для праведника. Однако он мог их произнести только потому, что был настолько самоотвержен, настолько наполнен Б-жественным присутствием, что, говоря так, он словно говорил о ком-то другом.

СВЯЗЬ ОБЪЯСНЕНИЙ

Все объяснения в Торе обладают внутренним единством. Интерпретируя «установления» как «высечение», мы скорее дополняем, а не противоречим их точному смыслу – тому, что они являются необъяснимыми законами.

Учить Тору, как если бы она была составлена только из установлений, значит учить ее в состоянии безоговорочной самоотдачи. Это не исключает стремления к пониманию. Действительно, задача состоит в том, чтобы понимать. Но только так, чтобы понимание сопрягалось с обязательством. Не «Я исполню, когда пойму», не «Я пойму, потому что мне нравится узнавать новое», но «Я исполню и, раз мне заповедано, постараюсь понять». В этом состоит истинный «труд», то есть приложение усилий несмотря на искушение получать удовольствия.

Когда изучение происходит таким образом, оно действительно становится «высечением». И тот, кто учит, и Тора, которую изучают, буквально становятся одним целым.

«ДВИЖЕНИЕ»

Это объясняет одну часть фразы: «Если по установлениям Моим будете вы поступать». Но что делать со словом «поступать»? «Поступь», или «движение вперед» (алиха), подразумевает несколько уровней и продвижение с одного уровня на другой. Например, в эмоциональном плане человек «идет» или поднимается с низшего уровня к

более высокой форме любви. Но, разумеется, в абсолютной самоотдаче уровней не существует. Это скорее состояние, а не процесс.

Алтер Ребе пишет, что «продвижение» относится не к обязанности человека, а к его награде. Если человек служит Всевышнему в том и в другом смысле «по Моим установлениям», то награда – «ты пойдешь» – будет всегда больше. А у истинного «движения» нет границ.

ВЕРА И ПОНИМАНИЕ

Тем не менее, обычное прочтение стиха превращает всю фразу «Если по установлениям Моим будете вы поступать» в обязанность человека, а под наградой понимает начало следующего стиха: «То дам Я вам дожди вовремя».

В Ликутей Торе написано, что важнейшие элементы веры находятся на тех уровнях Б-жественности, которые недоступны нашему пониманию. То, что поддается пониманию, необходимо объяснять. Вера начинается там, где кончается понимание.

Это особенное качество еврейской веры. Эта вера находится по ту сторону понимания, а не является его следствием.

Итак, у разума есть свои уровни: «Дни будут говорить, а года дадут мудрость» (Иов, 32:7). И чем больше человек понимает, тем выше он поднимает порог веры. Вчерашняя вера превращается в сегодняшнее понимание.

Поэтому у «установлений» тоже есть свои уровни. То, что вчера было непонятным – установлением, становится объяснимым сегодня, а потому установлением быть перестает. Так, например, Б-г сказал Моше: «Я открою тебе тайну красной коровы» (Бемидбар Раба, 19:6). Для нас красная корова остается установлением. Для Моше с той поры уже нет. Не то чтобы Моше не знал «установлений», просто для него порог непостижимости был выше, чем для нас.

В этом заключается смысл слов: «Если по установлениям Моим будете вы поступать». Изучая Тору, напрягаясь до предела, человек ежедневно увеличивает свое понимание и таким образом поднимает уровень, где заповедь становится «установлением». Это «движение» — шаг за шагом вперед, к высшей вере через глубочайшее понимание.

И будет тогда наградой: «Дам Я вам дожди вовремя... и повел вас с поднятой головой», что является бесконечным «движением от крепости к крепости» будущего откровения, которое ведет, в свою очередь, к тому, что лежит за пределами «движения» – «ко дню, который весь будет Субботой и отдыхом в вечной жизни».

БЕМИДБАР

Эта недельная глава начинается повелением Всвышнего провести перепись евреев. За первые тринадцать месяцев после Исхода из Египта такая перепись производилась трижды. В чем духовный смысл приказа Всвышнего пересчитать Его народ? Почему за такой короткий период перепись населения проводилась трижды? В чем состоит разница между этими тремя переписями? Как

связано это событие с праздником Швуэс, который всегда приходится на время чтения главы Бемидбар? Беседа Ребе дает ответы на эти вопросы.

БЕМИДБАР И ШВУЭС

Глава Бемидбар имеет особое отношение к празднику Швуэс. Вообще каждая недельная глава связана с определенным временем года (Шало, Тора Шебиктав, нач. Ваешев), а Бемидбар обычно читают в Субботу перед Швуэсом (Тосфот Мегила, 31б). Праздник, которым отмечается дарование Торы народу Израиля, называется бракосочетанием евреев с Б-гом (Таанит, 26б). В последнюю Субботу перед свадьбой жениха – это один из этапов его подготовки к женитьбе – вызывают к Торе. Так Бемидбар является подготовкой к заключению этого особого союза между Б-гом и его народом, скрепленного получением Торы.

Эта взаимосвязь проявляется в словах, с которых начинается наша недельная глава, где Б-г приказывает: «Произведите исчисление всего общества сынов Израиля». Чтобы уловить эту связь, надо понять истинную природу переписи населения.

ПОДСЧЕТ

Раши комментирует заповедь следующим образом: «Потому, что дороги Ему (сыны Израиля), Он считает их все время: когда они выходили из Египта, Он посчитал их, когда они морально пали из-за (греха) золотого тельца, Он посчитал их; прежде чем спуститься к ним (в Мишкан), Он посчитал их. Ведь первого Нисана Шатер был воздвигнут, а первого Ияра (следующего месяца) Он посчитал их».

На первый взгляд, комментарий создает три проблемы.

Первая. Человек часто вынимает и пересчитывает то, что ему дорого, как бы заново узнавая свое имущество. Но Б-г знает число детей Израиля, для этого Ему не надо объявлять перепись. Зачем же Он тогда приказал провести ее публично?

Вторая. Почему строительство Мишкана, связанное с проведением переписи, по ее окончании было отложено на месяц?

И третья. Почему эти три переписи отличались друг от друга? Тора не говорит нам, кто проводил (при выходе из Египта) первую перепись. Вторая была осуществлена Моше (нач. гл. Ки Тиса (Раши, 16). А третью Б-г приказал провести обоим, Моше и Аарону (Бемидбар, 1:3). Почему Аарон не участвовал в первых двух?

ИСЧИСЛЕНИЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЛЮБВИ

Попробуем разобраться в сути переписи. Когда люди подвергаются пересчету, они связаны отношениями равенства: величайший человек и самый ничтожный – каждого считают один раз – не больше, не меньше. И если, как говорит Раши, перепись была знаком любви Б-га, она была направлена на то, чем все евреи обладали в равной мере: ни на интеллект, ни на моральные установки, а на сущность каждого – на еврейскую душу. То есть на то, что нам обычно не видно. А значит, цель переписи – это возвысить душу каждого еврея, сделать так, чтобы каждый о ней знал.

Теперь одна из трудностей в понимании Раши исчезает. Он пишет, что Б-г считает свой народ все время. И все же, как отмечает сам Раши, евреи пересчитывались

всего трижды в течение первых тринадцати месяцев после Исхода из Египта, еще один раз (38 лет спустя) во время странствий по пустыне и очень нечасто после этого. (Мидраш отмечает, что до сих пор перепись проводилась всего 9 раз. В десятый раз это произойдет, когда придет Мошиах.) (Танхума, Ки Тиса, 9; Бемидбар Раба, 2:11; Песикта де Рав Каана, Паршат Шкалим). Кто-то может решить, что Раши имел в виду «по особым случаям». Но Раши настойчиво подчеркивает «все время», и подтекст этих слов игнорировать нельзя. Однако теперь мы понимаем, что целью исчисления было раскрыть сущность души каждого еврея. А значит, это откровение имеет глубину, которая делает его неподвластным разрушениям времени: оно действует буквально все время.

ВРЕМЯ И ЕВРЕИ

Когда во времена религиозных преследований еврея насильно заставляют стать идолопоклонником (или совершить любой другой грех, насильно активизируя дурные влечения человека) (Рамбам, Законы Герушин, конец 2 гл.), у него есть возможность выбора. Он может считать, что раз раскаяние стирает все грехи («Ничто не может устоять перед покаянием»), раз он предаст иудаизм лишь на короткое время и раз всегда можно раскаяться, то зачем расстраиваться из-за одного поступка?

Тем не менее, в каждом поколении среди самых разных людей, производящих подобные «расчеты», мы встречаем евреев, готовых скорее расстаться с жизнью, чем хотя бы на одну минуту предать свою веру. Почему? Потому что связь между Б-гом и еврейской душой выше времени (Тания, ч. 1, гл. 25): разорвать ее на одну минуту так же ужасно, как разрушить навек.

В этом заключается смысл слов: «Он считает их все время»: любовь, находящая самовыражение в исчислении, важнее времени и расчетов. Она раскрывает главную особенность еврейского духа, в любую минуту готового к самопожертвованию. И это наследие, это следствие акта переписи определяет еврея «все время».

ТРИ ПЕРЕПИСИ

Теперь разница между тремя переписями, упоминаемыми Раши, становится ясна: они были эволюционными стадиями процесса Откровения. В первом случае еврейская душа была разбужена любовью Б-га, во втором она начала оказывать свое влияние на окружающий израильский мир, и наконец в третьем она проникла во все их поступки.

Первая перепись была проведена во время выхода евреев из Египта, и она подняла у них дух самопожертвования до такого уровня, что они были готовы последовать за Б-гом в незасеянную и бесплодную пустыню (Ирмиягу, 2:2). Но она не задела эмоций (Тания, ч. 1, гл. 31).

Вторая перепись производилась перед началом строительства Мишкана. Она в большей степени достигла ума и эмоций евреев, потому что они готовили себя к работе во имя того, чтобы Шхина – Б-жественное присутствие – обитала в самом их сердце («И построят они Мне Святилище (Мишкан), и Я буду обитать в них»). Но и здесь побуждение шло извне: начать работу заповедал Всевышний, это не было результатом их собственных угрызений совести.

А с третьей переписью населения началось служение в Шатре, когда израильтяне своими собственными действиями привели Б-га в свое сердце. Теперь все их действия служили доказательством союза с Б-гом.

Становится ясно, почему потребовалась задержка в один месяц между завершением строительства Мишкана (в Нисане) и проведением третьей переписи населения (в Ияре). Ибо Нисан – месяц Пейсаха, времени, когда мы признаем Откровение, спускающееся сверху. По Своей милости и доброте, а не благодаря заслугам израильтян, вывел Б-г их из Египта (Ликутей Тора, Бемидбар, 3а). А Ияр – месяц омера, время особых жертв. И этими жертвоприношениями мы вызываем «Откровение, идущее снизу», которое соответствует нашим заслугам, а не только милости Всевышнего.

Подобным образом объясняется и то, почему Аарон принимал участие только в этой переписи населения. Ведь Моше – проводник Откровения Всевышнего, идущего сверху вниз. А Аарон – священнослужитель, поднимавший народ Израиля снизу вверх (Зогар, ч. 3, 20а; 53б).

И во время этой третьей переписи народ Израиля достиг того уровня, когда знания души проникли в его собственные поступки. Теперь и только теперь они могли осуществить «Откровение, идущее снизу».

Таким образом, мы приходим к пониманию связи между главой Бемидбар и Швуэсом. Во время дарования Торы евреи были объединены с Всевышним так, что Б-г послал Свое откровение сверху, а сами дети Израиля поднялись.

Готовясь к ежегодному воссозданию этих событий, мы читаем недельную главу, рассказывающую нам о третьей переписи, когда соединяются два вида Откровения, символами которых являются Моше и Аарон, или месяцы Нисан (приведший к переписи) и Ияр (когда она была проведена).

Воспринимая перепись как знак любви Всевышнего к народу Израиля, мы можем приблизить тот союз, который был заключен во время дарования Торы, когда Б-г взял народ Израиля в жены. Вот так, через Тору Израиль соединяется со Всевышним (Зогар, ч. 3, 93б).

ШВУЭС

Швуэс – день, когда мы вспоминаем о даровании Торы на Синае. В Торе нет явного упоминания о связи двух событий. В ней сказано только: «Отсчитайте

пятьдесят дней (начиная со второго дня Пейсаха)... и провозглашайте в этот самый день: священное собрание будет у вас...» (Ваикра, 23:16, 21). Сейчас мы знаем, что Тора была нам дана 6-го Сивана. А в то время, когда календарь был «плавающим» и начало нового месяца устанавливалось очевидцами новолуния, пятидесятый день – Швуэс – мог выпасть на 5-е, 6-е или 7-е Сивана. Теперь же, когда у нас есть точный календарь, Швуэс всегда совпадает с 6-м Сивана. В Библии тоже есть намек на значимость Швуэса: в отличие от других праздников, слово «грех» не упоминается, когда речь идет об особых жертвоприношениях данного праздника. Это связано с тем, что евреи приняли Тору. И за эту особую заслугу Б-г простил им грехи.

В двух беседах Ребе размышляет о значении события, происшедшего у горы Синай. Какой переворот в духовных возможностях человека совершила Тора? Что нового принес в мир тот первый Швуэс?

Свою беседу Ребе начинает с того, что Сиван был третьим месяцем пути израильтян из Египта в Обетованную Землю. Почему Тора была дана не сразу? Что скрывается за числом три? Разные уровни единства, которого еврей может достичь со Всевышним, — об этом первая беседа.

ТРЕТИЙ МЕСЯЦ

Дарование Торы произошло в Сиван, третий месяц после Исхода. Без сомнения, это событие было частью Б-жественного замысла, а значит, между замыслом и днем, когда событие произошло, между Торой и третьим месяцем, должна быть особая связь. Этот вопрос раскрывается в Талмуде: «Будь благословен Милосерднейший, давший тройную Тору тройному народу через рожденного третьим в третий день третьего месяца» (Шабос, 88а). Число три — лейтмотив цитаты.

Тора состоит из трех частей: Пятикнижие, Пророки и Писания (Тора, Невиим Ксувим). Народ Израиля включает в себя три вида евреев: коэны, левиты и исроэлиты. Моше был третьим ребенком в семье, после Мирьям и Аарона. Тора была дана в третьем месяце, на третий день отлучения еврейских мужей от своих жен.

Почему здесь фигурирует число три? Разумеется, Тора должна была стать единственной в своем роде и раскрыть единство Всеvшнего. Естественней было бы использовать число один.

Посмотрим дальше. Главным событием третьего месяца было само дарование Торы. По существу заповеди не были неким новым явлением. И до этого существовали заповеди: семь законов Ноаха, обрезание, заповеди, данные в Маре. Конечно, Синай изменил природу заповеди (мицвы) (Рамбам, комментарии к мишне, Хулин, конец гл. 7), но сама ее идея не была новой. А Тора была. И разница между Торой и заповедями заключается в следующем (Тания, ч. 1, гл. 23): благодаря заповеди воля человека становится ничтожной перед волей Б-га, как «колесница под наездником», а через Тору мы с Б-гом становимся единым целым. Здесь есть принципиальное отличие. Действительно, у колесницы нет своей воли, кроме воли наездника, но колесница и наездник не единое целое. На Синае произошло коренное изменение: теперь человек мог стать единым целым с Б-гом. И все же прежний вопрос остается: почему число три, а не один стало символом происшедшего?

ДВА ВИДА ЕДИНСТВА

Действительно, Тора была дарована во имя единства. Но что такое истинное единство? Если человек признает Единственного среди многих, то он видит единство во всем многообразии. Если ему известен только один образ существования, то неизвестно, какой будет его реакция, открой он для себя другой. Возможно, он скажет тогда: существуют две реальности – Б-г и мир. Только когда, столкнувшись с различными формами существования, он остается верен мысли, что Б-г – единственная реальность, он действительно познал Единство Всевышнего.

Существует традиционная аналогия. Нельзя узнать, насколько принцу передалось царственное достоинство отца-короля, пока он находится во дворце. Надо поместить его в среду обычных людей. Если и там он будет вести себя как принц, то он действительно настоящий сын своего отца.

Так и с евреем. Не в Святилище, а в многообразном мире проверяется его чувство единства Б-га. Это единство можно сохранить двумя способами. Человек может подавлять все свои ощущения, кроме ощущения Б-га. А может хорошо знать мир и во всем открывать Всевышнего. Второе приводит к более глубокому мироощущению. Человек, подавляющий свои чувства и закрывающий глаза на многообразие мира, верит, что они суть нечто оппозиционное Б-гу, и он должен держаться от них на расстоянии. Целостность такой религиозной жизни нельзя считать ни глубокой, ни надежной.

ТРИ СТАДИИ

Чувство единства Б-га проходит в своем развитии три стадии, которые соответствуют трем месяцам от Пейсаха до Швуэса.

Нисан – месяц Исхода из Египта, когда Б-г открылся евреям. Они «бежали» из Египта в прямом и переносном смысле: бежали от знания мира и были наполнены Откровением свыше. В том, что они отвергали мир, и было единство. Б-г был Единственным: они не знали ничего другого, потому что мир перестал для них существовать.

Ияр, второй месяц, полностью был занят подсчетом омера и самоподготовкой к предстоящим событиям на Синае. Мы воспринимаем себя и свой мир как что-то отдельное от Б-га, а потому требующее подавления. Б-г и мир, как колесница и наездник, были одной волей, но двумя вещами.

Сиван, третий месяц, – время, когда была дана Тора, когда Б-г и мир стали единым целым. Это мгновение подлинного единения: то, что казалось двумя отдельными вещами, превратилось в нечто третье, включившее в себя обе предыдущие вещи и превзошедшее их.

ВЫСОКИЙ И НИЗКИЙ УРОВНИ

Потому Тора и была дана в третьем месяце. Ведь отказываясь от своего собственного сущностного бытия, мы еще не становимся единым целым с Б-гом. Настоящее единство приходит только посредством (изучения) Торы, когда человек и воля Б-га сливаются (Тания, ч. 1, гл. 5). Два становятся одним, единым целым.

Вот почему Моше получил Тору на Синае. Мудрецы говорят, что Синай был избран, поскольку был самой низкой (то есть самой скромной) из гор. Но если требовалась низменность, почему Тора не была дана на равнине или в долине? Потому, что Синай был слиянием двух противоположностей, высокого и низкого уровней, Б-га и человека. И в этом значение Торы.

ТРИ СОБЫТИЯ

Швуэс посвящен тому, о чем мы говорим в молитвах и во время Кидуша в этот день, — «времени дарования Торы». Это день Откровения на Синае.

Спустя много лет в этот же день произошло еще одно событие: смерть царя Давида (Иерусалимский Талмуд, Хагига, 2:3).

В новое время добавилось еще одно: смерть Баал-Шем-Това, основателя хасидизма.

То, что эти три события произошли в один день, не простое совпадение, а Б-жественное провидение. Это знак того, что они внутренне связаны, а именно: первоначальное раскрытие Б-жественного голоса на Синае повлекло за собой более сильное Откровение, инициированное царем Давидом и впоследствии Баал-Шем-Товом. Это три вершины в продолжающемся раскрытии Б-жественного Откровения.

ВСТРЕЧА НЕБЕС С ЗЕМЛЕЙ

В мидраше рассказывается (Шмойс Раба, 12:3) о новом порядке, введенном в действие благодаря дарованию Торы. Давид сказал: «Хотя даже Святейший, благословен будь Он, постановил, что “небеса – это небеса Всесильного, а землю Он отдал людям...”, – когда Он пожелал дать Тору, он отменил предыдущий указ и сказал: “Низшие (миры) поднимутся к небесам, а небеса опустятся к земле. И я возьму на Себя инициативу”». Как сказано: «И сошел Б-г на гору Синай». И дальше: «И сказал Он Моше: “Взойди к Б-гу”» (Шмойс, 19:20).

Важно то, что хотя мидраш цитирует Б-га, говорящего: «Я возьму на Себя инициативу», – и хотя нисхождение Б-га в действительности предшествовало восхождению Моше, он все же упоминает о возвышении земли до нисхождения небес. Поднятие земли было заветной целью дарования Торы, а главное дело должно быть исполнено в последнюю очередь. Несмотря на то, что Моше взойшел после того, как Б-г сошел на Синай, его восхождение было не менее важно. Но чтобы человек мог взойти к Б-гу, инициатива должна была исходить от Него.

НИСХОЖДЕНИЕ Б-ГА

На Синае Б-г впервые сошел в (низший) мир. Да, Он и до этого открывался некоторым людям, особенно праотцам. Но это были чисто духовные события, не затронувшие основу материального мира. А когда «Б-г сошел на гору Синай», эффект ощущался внутри мира. В это мгновение, говорит мидраш (Шмойс Раба, конец гл. 29), «ни одна птица не крикнула, ни одна птица не пролетела», и «голос Б-га не отозвался эхом, потому что он впитывался каждой клеточкой мира». Тора теперь была не «на небесах» (См. Шабос, 89а). Слово Б-га сошло на землю.

Только после этого могла начаться работа по очищению, освящению и возвышению мира на духовную высоту. Задачей еврейского народа было превратить мир

в «сосуд», вмещающий Б-гу. Возможность этого достижения была создана на Синае, в действительности все стало происходить позднее.

Так же, как спуск Б-га в мир начался с Авраама и максимально был осуществлен при Моше, так же и восхождение мира к Б-гу началось после дарования Торы и достигло своей кульминации при Давиде и Соломоне, его сыне, который, построив Храм, поднял еврейский народ на новую вершину на его пути к Всевышнему.

ВОСХОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

С Давидом связаны два нововведения: он стал первым царем, правившим всем народом Израиля (в отличие от Шаула, власти которого, согласно мидрашу (Бемидбар Раба, гл. 4), не подчинялось колено Иегуды); и его династия будет царствовать вечно: «никогда царский сан не будет отобран у потомства Давида» (Рамбам, Законы Мелахим, 1: 7).

Во-вторых, несмотря на то что храм был построен царем Соломоном, он был спроектирован и подготовлен Давидом (I Диврей а-Йомим, 29:2 и далее) и даже назван в честь него (Танхума, Насо, 13; Раши: Бемидбар, 7:1; Шабос, 30а).

И царский сан, и Храм – признаки истинной природы достижений Давида: возвышение мира и восхождение человека.

ЦАРСТВОВАНИЕ

Связь между царем и его подданными отличается от той, что существует между учителем и учениками, она глубже. Тем, чем в сущности является ученик, он большей частью обязан своему учителю, но за пределами класса у него своя жизнь. Власть царя в отличие от этого распространяется на все стороны жизни его подданных, и за неповиновение царю еврею полагалась смертная казнь (Рамбам, Законы Мелахим, 3:8), даже если нарушенная заповедь на первый взгляд не подпадала под те, на которые царская власть распространялась (если, например, царь скажет: «Иди туда-то» или «Не выходи из дома»). Дело в том, что царская власть абсолютна, ее сфера влияния неограниченна, и эта власть подчиняет себе все стороны жизни подданных.

Конечно, это особый вид монархии. Ведь абсолютное подчинение народа своему царю оборачивается полным подчинением Б-гу, Царю Царей (Дерех Мицвотеха, Мицват Минуй Мелех). То есть через монархическую форму правления евреи полностью подчиняются Всевышнему, власть которого абсолютна и распространяется на все аспекты их существования.

Теперь становится понятной разница между принятием Торы на Синае и послушанием Б-гу через идею монархической формы правления, введенной Давидом. Откровение на Синае совершил Б-г: «Я возьму на Себя инициативу». Оно не исходило из людских сердец. И поэтому оно не полностью повлияло на их существование. А идея введения монархии исходит от людей: их подчинение – источник власти царя. Царская власть Давида свидетельствует о новом явлении: добровольном, внутреннем согласии народа полностью подчиниться высшей власти.

ХРАМ

Та же идея возвышения человека и мира заложена в Храме — еще одном памятнике Давида. Существовала разница между Храмом и Мишканом, который израильтяне носили с собой по пустыне. Места, в которых устанавливался Мишкан, не становились сами собой навечно святыми. Переносили Мишкан — с ним уходила святость. Но место, где стоял Храм, остается священным даже после разрушения двух Храмов. И в Мишкане, и в Храме постоянно присутствовал Всевышний, однако только присутствие в Храме постоянно освящало и возвышало землю, на которой стоял Храм.

БААЛ-ШЕМ-ТОВ

Эти два действия: Б-г, протягивающий руку человеку, и человек, стремящийся подняться к Всевышнему, станут одним, когда придет Мошиах, и единство восторжествует. В действительности с тех пор, как нам дана Тора, это единство стало возможным благодаря отмене «указа», разделяющего небеса и землю.

Большим стимулом осуществить это единение стало учение Баал-Шем-Това. Он и хасидизм, созданный им, помогли нам увидеть, что мир наполнен Б-жественным светом, и осознать, что он существует благодаря живущему слову Б-га. Через Баал-Шем-Това мы научились видеть Б-га в мире (Тания, ч. 2, гл. 1). И это возвышение мира Баал-Шем-Тов показал через Тору — Откровение, пришедшее свыше (Тания, ч. 2, гл. 1).

И эра Мошиаха наступит, когда распространится учение Баал-Шем-Това. И сам Мошиах посвятит себя постижению Торы и исполнению ее законов, подобно его предку Давиду (Рамбам, Законы Мелахим, конец гл. 11).

Помимо Откровения в пустыне в Швуэс произошло еще два события, значительно разделенные во времени, а именно — смерть двух величайших людей. Это служит нам напоминанием о том, что Откровение не мимолетное явление, а продолжающийся процесс. В переломные моменты нашего религиозного развития всегда раскрывались новые лики бесконечно многозначной Торы. Синай стал сложным испытанием для еврейского народа, высотой, на которую мы до сих пор продолжаем подниматься. И два человека, о смерти которых идет речь, обозначают важные пункты в развитии нашего ответного чувства, обнаруживая тем самым особое отношение к Швуэсу.

НАСО

Эта глава включает в себя детальное описание процедуры, которую должна была пройти сота — женщина, подозреваемая мужем в нарушении супружеской верности. «Если чья-либо жена уклонится», — эта фраза приводится в Талмуде для подтверждения слов о том, что «человек грешит, только если в него вступает дух глупости». На первый взгляд, связь между двумя фразами раскрывается в игре слов: на иврите слова «глупость» и «уклонится» звучат почти одинаково. Но Ребе в поисках менее очевидной параллели останавливается на традиционном представлении о еврейском народе и Б-ге как о супружеской паре и, следовательно, рассматривает грех как признак неверности. Мы видим, какое значение имеет образ соты для еврея.

ГРЕХ И ДУХ ГЛУПОСТИ

В Талмуде есть высказывание (Сота, 3а) о том, что «человек грешит, только если в него входит дух глупости». В подтверждение этих слов приводится фраза из нашей недельной главы: «Если чья-либо жена уклонится» (Бемидбар, 5:12). Ребе Раяц, объясняя природу глупости (Маамар «Бати Легани», 5710, гл. 3), использует те же самые слова.

В чем связь между ними? Почему именно нарушение супружеской верности среди сотни других грехов наиболее точно показывает, что грех по своей природе всегда иррационален? Ни Талмуд, ни хасидизм не приводят цитаты просто так и не делают из урока представление. Тексты подбираются тщательно, чтобы суть дела была ясна каждому.

В данном случае повод для цитирования лежит на поверхности. Между словами «уклонится» (тисте) и «глупость» (шетут) существует буквальное сходство. Но это не разъясняет загадку полностью. Зачем вообще было цитировать эту фразу? Многие афоризмы мудрецов не выводятся из библейского текста таким образом. Между грехом вообще и нарушением супружеской верности должна быть более глубокая связь, незаметная с первого взгляда.

Есть еще одна сложность. Прелюбодеяние – очень серьезный грех, за который полагается смертная казнь. Очевидно, что неразумно совершать такой грех. Нет оснований делать то, что повлечет за собой настолько тяжкие последствия. Но талмудическое высказывание подразумевает все грехи: и нарушение самых незначительных деталей законов мудрецов, и даже дозволенные действия, совершающиеся не во имя Небес (Тания, ч. 1, гл. 24). И это касается любого человека, отвращающегося от Б-га: такой поступок глуп. Так как же нам отличить глупость мелкого прегрешения от очевидной глупости серьезного греха?

ГРЕХ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ НЕВЕРНОСТИ

Ответ заключается в том, что прелюбодеяние есть прототип всех грехов, это видно в двух отношениях.

Во-первых, по еврейскому закону грех прелюбодеяния может совершить только замужняя женщина. Незамужняя девушка не может быть признана виновной. Отсюда и фраза «Если чья-то жена собьется с пути». Дело в том, что весь еврейский народ уподоблен «жене» Всевышнего. Отношения, установленные между ним и Всевышним на горе Синай, были своего рода брачным союзом. И каждый раз, совершая даже самый незначительный грех, еврей нарушает свои обязательства, «брачный контракт» с Б-гом. Он виноват в нравственной измене, неверности своему Б-жественному партнеру.

Зогар рассказывает (ч. 3, 221а), как некий философ однажды спросил рабби Элиезера: «Если евреи избранный народ, почему они слабейшая из наций?» Рабби Элиезер ответил: «Такова их судьба. Поскольку они избраны, они не могут допускать ни малейшей ошибки — ни духовной, ни в действии. Из-за особого духовного призвания им непозволительно то, что разрешено другим. Еврей сравним с сердцем — самым ранимым и жизненно важным органом: даже незначительный толчок или колебание может стать вопросом жизни и смерти» (там же, 221б; Кузари, Маамар, 2:36; Тания, ч. 4, гл. 31).

Так связаны между собой наш стих о неверности жены и высказывание о духе глупости.

Еврейский народ и Б-г связаны узами вечной взаимной верности, брака, в котором Б-г выступает в роли мужа, инициатора, а мы – в роли жены, хранительницы верности. Даже изгнание не разлучает нас, не становится разводом. В Талмуде сказано (Сангедрин, 105а), что пророк Ишаягу велел десятерым из людей «возвратиться и раскаяться». Они ответили: «Если хозяин продает своего раба или муж дает жене развод, разве могут быть у первого ко второму претензии?» (Другими словами, они утверждали, что вавилонским изгнанием Б-г в действительности дал развод Своему народу и не может больше требовать от него послушания.) Святой, благословен Он, сказал тогда пророку: «Так говорит Всесильный: “Где документ о разводе вашей матери, который я спрятал, или кому из Моих кредиторов Я вас продал? Смотрите, за свои пороки вы продали себя, и за свои грехи ваша мать забыта”. Даже в период разлуки, изгнания, Б-г не сделает другой народ Своим избранным» (Кидушим, 36а; Рашба, Респонсы, гл. 194).

Если верность жены соответствует желаниям мужа (Тана девей Элиягу, гл. 9), значит, даже незначительный грех или разрешенный эгоцентричный поступок – знак неверности еврея и предательства Священной Свадьбы на горе Синай.

Вот почему за словами о глупости греха (любого греха), скорее как объяснение, чем как доказательство, следует фраза из нашей недельной главы. Но почему даже тривиальный грех считается глупостью? Потому, что он разрывает союз между Б-гом и человеком. А почему это происходит? Потому, что неверность врывается в брак Б-га и человека.

ГРЕХ НЕДОЛГОВЕЧЕН

Вторая связь между двумя высказываниями заключается в следующем. Фраза «если чья-либо жена уклонится с пути» относится не к виновной, а только к подозреваемой в прелюбодеянии, если не было свидетелей возможного греха, и «он был скрыт от глаз мужа». Само подозрение обязывает ее принести пожертвование из ячменя, пищи скота (Сота, 15б). Сравнение природы предполагаемого греха с такой пищей унижительно само по себе.

Всю процедуру понять сложно. Если обвинения, выдвинутые против нее, основываются на подозрении, а не на доказательствах, разве нельзя положиться на презумпцию невиновности и верности большинства еврейских жен и снять обвинения? Нельзя, потому что по Торе стандарты верности для еврейских жен настолько высоки, что даже за навлечение на себя подозрений она заслуживает порицания.

Однако этот позор недолговечен. Если после определенной процедуры, позволяющей узнать, насколько обоснованы подозрения, она докажет свою невиновность, то возвратится к своему мужу незапятнанной: «останется она невредимой и будет оплодотворена семенем» (Бемидбар, 5:28).

То же самое происходит и с евреем, согрешившим по глупости. Та пропасть, которую он создает между собой и Б-гом, временна. В конечном счете Он говорит: «Славу Мою (то есть Б-жьей искру, горящую в каждом еврее) не отдам Я другому» (Ишаягу, 42:8). Еврей никогда не отходит от Б-га настолько, чтобы нельзя ему было вернуться чистым и незапятнанным.

В этом заключается второе сходство: как жена, подозреваемая мужем, лишь временно оторвана от супруга, так и разлука с Б-гом, вызванная грехом, заканчивается.

ПЛОДЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ

Тот, кто придает значимость вещам, не связанным с Б-гом, отрицает единство Всевышнего. Анализируя свои грехи, он может впасть в отчаяние: «Б-г покинул меня, и мой Всесильный забыл обо мне» (там же, 49:14). Но надо помнить, что всегда можно вновь приблизиться к Б-гу.

Более того, надо помнить о третьем сходстве между женой, подозреваемой в неверности, и грешником вообще.

Если она объявлена невиновной, честь жены не только становится незапятнанной, но она возвратится к мужу и «будет оплодотворена семенем». Это означает (Сота, 26а; Рамбам, Законы Сота, 2:10; 3:22), что если раньше у нее были трудности при родах, то теперь она легко родит, если раньше у нее были только девочки, то теперь будут и мальчики. Согласно одному мнению у нее будут дети, даже если раньше она была бесплодна.

Эта надежда остается и у человека, который согрешил. Он не должен предаваться меланхолии или отчаянию. Ведь Б-г сказал: «Славу Мою Я не отдам другому». И человек, возвратившись к Б-гу, тоже даст плоды. Он научится любить и бояться Б-га. Он будет стремиться к истинной близости, пока «муж и жена не будут снова вместе» и Всевышний не раскроется в его душе. Это его личное искупление грехов – «начало всеобщего искупления в эпоху Мошиаха» (Тания, ч. 4, гл. 4).

МЫ ПРЕКЛОНЯЕМСЯ ПЕРЕД РОССИЙСКИМИ ЕВРЕЯМИ

По просьбе редакции с г-ном Джоэлем Головенски беседует писатель Владимир Познанский

Директор Российского департамента Еврейского распределительного центра «Джойнт» (США) Джоэл Головенски по профессии юрист. 20 лет он практиковал в Нью-Йорке и 12 – в Израиле. Активный участник жизни нью-йоркской еврейской общины, он возглавлял городскую Комиссию по еврейскому образованию. После переезда в Израиль участвовал на общественных началах в работе совета директоров Еврейского агентства, специализируясь на вопросах еврейского образования. Г-н Головенски – гражданин США в пятом поколении. Имеет двух взрослых дочерей, живущих в Израиле, и внука – израильтянина в первом поколении.

– Американские евреи не так уж активно эмигрируют в Израиль, не то что евреи бывшего СССР и Восточной Европы?

– Да, Америку покидают немногие евреи. Мои мама, сестра с мужем и все друзья живут в Америке. Не так уж много евреев эмигрирует в «землю молока и меда» и из Москвы, в которой, в отличие от провинции, нетрудно найти работу. К тому же политика советского руководства в отношении национальных меньшинств сыграла большую роль в ассимиляции. В результате многие евреи воспитаны на русской культуре, считают ее своей, а потому не желают покидать страну проживания. Говорю это не в осуждение – просто констатирую факт.

– Вы давно в России? Бывали здесь раньше? Если да, какие заметили перемены?

– Я в России полтора года. Но бывал и раньше. Перемены, в том числе в еврейской жизни, огромные. Особенно если вести отсчет с 1956 года, когда СССР посетил мой покойный отец. Он был раввином и возглавлял первую делегацию еврейских религиозных деятелей из-за рубежа. В вашей стране люди боялись быть евреями, они не могли изучать иврит, еврейскую традицию и еврейскую историю, а слово «еврей» в паспорте означало, что это человек второго сорта с ограниченными возможностями при

поступлении в высшие учебные заведения (особенно престижные) и устройстве на работу. Убожество социалистической экономики и глобальная несвобода произвели на отца удручающее впечатление. Ему казалось, что он попал в заколдованный злыми волшебниками мир, где из всех красок осталась только одна – серая.

Сегодня я вижу страну, которая, преодолевая временные трудности, стремится занять достойное место в мировом сообществе. Я вижу евреев, не только не скрывающих свою национальность, а гордящихся ею, свободно посещающих синагоги и национальные библиотеки. Еврейские юноши и девушки имеют возможность изучать иудаизм в более чем ста университетах, расположенных на территории бывшего Советского Союза, собираться в своих молодежных клубах, еврейские дети – ходить в еврейские школы и детские сады, ездить в еврейские лагеря отдыха.

– Незадолго до приезда вашего отца, в 1949-1952 годах, по инициативе Сталина в Советском Союзе была развернута широкая антисемитская кампания, разогнан Еврейский антифашистский комитет, а его члены – еврейская интеллектуальная элита – подверглись жестоким репрессиям. В числе прочих абсурдных обвинений им инкриминировали «преступную связь с буржуазной организацией «Джойнт»...».

– Конечно, это было вранье. Людей обвинили в шпионаже, а «Джойнт» возвели в ранг всемогущей разведывательной организации. К этому бреду можно было бы отнестись с юмором, если бы он не стал поводом для расправы с неповинными людьми. Почему вовлечь в свой кровавый фарс коммунисты решили именно «Джойнт»? На этот вопрос я отвечаю не как представитель этой организации, а как частное лицо. Не исключаю, что моя версия ошибочна.

«Джойнт» функционировал в СССР до 1938-го, то есть в течение 21 года после революции. Это стало возможным потому, что он строго следовал законам страны, всегда информировал о своей деятельности советское руководство и старался не раздражать его. Например, зная, с каким пренебрежением коммунисты относятся к интеллектуалам, наши сотрудники обучали евреев ремеслам. Рабочие профессии помогли им выжить в условиях тоталитарного режима.

А когда нужно было найти козла отпущения, «Джойнт» очень удобно подвернулся под горячую руку «вождя и учителя советского народа и всего прогрессивного человечества». Да и не было в СССР других еврейских «буржуазных агентов».

– Как сегодня работают в России «буржуазные агенты»?

– Главная наша задача – восстановить оборванные связи евреев со своим народом, культурой, традицией. Любым способом, который люди выберут сами, – через религиозные организации, путем культурного обмена или контактов с научными кругами. Например, существует Ассоциация преподавателей иудаики «Сефер», которая объединила всех ученых, работающих в этой области в России. Мы очень гордимся, что помогаем этой организации и различным университетским программам. Только помогаем: руководят ими другие, обладающие необходимыми знаниями инициативные люди.

Когда в 1988 году мы вернулись в вашу страну, обнаружили, что здесь очень много пожилых людей нуждается в материальной поддержке. Нужно было накормить их, одеть, снабдить медикаментами. Этим мы и занялись в первую очередь. Сейчас оказываем помощь 235 тысячам евреев на территории бывшего Советского Союза. Многие из них ежедневно питаются в открытых нами столовых. А тем, кто не в состоянии ходить, горячие обеды привозят домой. Или холодные, которые нужно только разогреть. Одни получают продуктовые посылки ежемесячно, другие – на еврейские праздники. Инвалиды могут рассчитывать на бесплатные костыли и коляски.

Одиночество – страшный враг человека. Поэтому дома у кого-нибудь из членов общины мы организуем встречи пожилых людей. За чаем с булочками и пирожными они имеют возможность поговорить друг с другом. И очень скоро начинают скучать по тем, кто по той или иной причине пропускает такие встречи.

Москва – мегаполис, в котором проживает немало евреев, однако их жизненный уровень сравнительно сносный, поэтому 90 процентов нашей помощи приходится на другие регионы. Особенно те, что расположены в бывших республиках Советского Союза и находятся в значительно более бедственном положении, чем Россия.

– В фильме «Из ада в ад» есть такой эпизод. В голодную послевоенную Польшу «Джойнт» привозит евреям продовольственные посылки. Что вызывает, мягко говоря, негативную реакцию поляков, а вернее, становится одной из причин чудовищного погрома. Вам не кажется, что нынешняя помощь евреям на глазах не менее нуждающихся русских не способствует улучшению взаимопонимания между ними?

– Мы прекрасно понимаем, что, доставляя продукты евреям, необходимо проявлять деликатность в отношении их соседей. Если соседи голодны, помогаем и им – всем, кто находится за чертой бедности, независимо от национальности.

– Работая во многих странах, вы сталкиваетесь с различными трудностями. А есть какие-нибудь, характерные только для России?

– Есть одна трудность. Причем немалая. В России принят закон о едином социальном налоге, согласно которому гуманитарная помощь облагается налогом в размере 35,6 процента. То есть, по идее треть каждой продуктовой посылки, предназначенной людям, находящимся за чертой бедности, должно получать государство.

Господин Сорос обратился к российскому правительству. Смысл его заявления был таким: «Я пытаюсь помочь бедным людям, а вы облагаете их налогом. Желаю успеха, но я заниматься благотворительностью в вашей стране больше не могу». Лично мне непонятно такое решение российского руководства.

Однако что бы ни произошло, «Джойнт» не прекратит свою деятельность добровольно. Мы считаем даже не обязанностью, а привилегией – помогать евреям, где бы они ни находились. Тем более евреям России, Украины и Белоруссии, которые очень многое дали миру. Евреи Америки и Израиля очень многим (если не всем) обязаны российским евреям. Пионеры Израиля были выходцами из России. Литературу на иврите создали они же. Высоконравственный принцип: «Евреи должны помогать друг другу в беде» тоже родился в среде русских евреев. И то, что мы делаем для них, – лишь малая часть огромной благодарности, которую они заслуживают.

– Недавно мы отметили Пейсах, скоро – Швуэс. С одной стороны – Египет, с другой – Синай. Связь событий того далекого времени и истории советского еврейства более чем очевидна. Как вы оцениваете современную жизнь евреев в России? Какой вам видится перспектива? На решении каких задач, на ваш взгляд, необходимо сосредоточиться в первую очередь? Какие в связи с этим задачи вы видите перед собой как представитель “Джойнта”?

– Ситуация с еврейской общиной в России очень напоминает то, что происходило после исхода из Египта. Ждать 40 лет конкретных результатов, к счастью, не пришлось. Мы уже сейчас видим значительное, я бы сказал – невероятное обновление еврейской жизни. В Москве и Московской области сейдеры проводили все еврейские организации. Например, в синагоге в Марьиной роще в сейдере приняли участие более 1000 человек. Это говорит о том, что евреи России находятся на том этапе, когда они не только покинули Египет, но и приближаются к земле обетованной.

В перспективе я вижу расцвет еврейских центров. В Марьиной роще такой уже в действии, скоро будет еще один у Хоральной синагоги. «Джойнт» считает, чем больше будет общинных центров в Москве, тем лучше. Недавно и мы приобрели новое здание для своей организации, идут переговоры о покупке еще одного. Собирается приобрести здание в Москве и Еврейское агентство. Появляются новые общины и общинные центры вокруг Москвы. Один из очень активно работающих центров открыл недавно МЕОД. «Джойнт» играет роль катализатора происходящих процессов. Мы ускоряем их, но сами не планируем.

Поздравляю читателей «Лехаима» с Швуэсом. Будьте счастливы!

ЛЕДНИКИ И ЧЕРНЫЕ ШЛЯПЫ

Рахель Мос

Анкоридж – город на Аляске, неподалеку от залива Кука, с населением 245 269 человек. Более 1/80 из них евреи, точнее 3041 человек, включая хасидского раввина.

Дэвид Грин прибыл на Аляску в 1922 году после того, как прочел «Зов предков» Джека Лондона о здешнем Севере. Сейчас внуки Грина плавают по океану на каяках, древние ледники, бегают и играют в летнем лагере Хабада в Анкоридже.

Перри и Джерри, дети Дэвида, первыми приветствовали раввина Йосефа Гринберга и его жену Эсти, когда они прибыли в Анкоридж в 1991 году. С восточного побережья они перебрались на север, а стоило ли? Сможет ли еврейская жизнь приспособиться к здешним условиям, идти своим чередом несмотря на аляскинский климат?

«С природой не повоюешь, – говорит Гринберг, – и по пятницам почти до полуночи надо дожидаться захода солнца, чтобы встретить Шабос. Тем не менее каждую субботу у нас миньян есть, 40-50 человек. Даже когда температура падает значительно ниже нуля, евреи на Аляске все равно собираются вместе: помолиться, потанцевать, сделать “Лехаим”».

Кошерную еду сюда доставляют самолеты из Лос-Анджелеса (“Вестерн кошер”). Эсти в очередной раз открыла подготовительный класс. Она уже была свидетельницей на кошерной хасидской свадьбе здесь, на Аляске. Что дальше? Станет ли Аляска с ее необъятными просторами и могучими реками крайней границей еврейской

жизни? Что ж, в любом случае Дэвид Грин останется первым евреем, услышавшим здесь «зов предков».

На фото: духовный руководитель религиозной хасидской общины Хабада «Шомрей Ор» и директор Хабад-Любавич Аляски раввин Йосеф Гринберг. Его жена Эсти Гринберг, директор отдела образования. Она руководит подготовительной школой для 25 здешних детей, ешивой и летним лагерем для более полусотни ребят. С ними Менди восьми с половиной лет и трехлетний Леви, которому впервые подстригли волосы.

Хабад-Любавич Аляски по адресу:

1210 East 26th Avenue Anchorage,

АК 99508 907.279.1200

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Читателям нашего журнала хорошо известно имя председателя Союза евреев-инвалидов и ветеранов войны, Героя Советского Союза Моисея Марьяновского. Сейчас, в канун 60-й годовщины начала войны, он рассказывает о двух встречах, случившихся в мирное время, но связанных с военной порой.

Чувствовалось, что Георгий Константинович устал от кривотолков и сплетен, которыми окружили его бывшие «друзья» – нынешние тюремщики.

В домашнем кабинете Моисея Фроимовича за стеклом книжного шкафа две большие фотографии с дарственными надписями – Георгия Константиновича Жукова и Ивана Христофоровича Баграмяна. Моисей Марьяновский рассказывает:

– В июне 1973 года группа ветеранов войны, человек десять, среди которых был и я, приехала к Георгию Константиновичу Жукову, чтобы отметить очередную годовщину Парада Победы. Опальный маршал, отстраненный Хрущевым от государственных дел, жил на подмосковной даче фактически под домашним арестом.

Мы пробыли у него около часа, говорили о войне. Я заметил: в своих суждениях, критическом анализе он был крайне сдержан. Чувствовалось, что Георгий Константинович устал от кривотолков и сплетен, которыми окружили его бывшие «друзья» – нынешние тюремщики.

На прощанье он подарил каждому из нас свой фотопортрет. На моем экземпляре красными чернилами написано: «Герою Советского Союза Марьяновскому на память. Г. Жуков, 21 июня 1973 года». Я бережно храню эту реликвию.

Командарм Иван Христофорович Баграмян, – продолжает рассказ Моисей Фроимович, – славился не только как талантливый полководец, но и как командир, дороживший своими солдатами, и немало сделавший, чтобы облегчить им жизнь на фронте.

Мне, ротному, а потом командиру танкового батальона, встретиться с ним в те годы не пришлось. Наши фронтовые пути не пересекались. А вот в мирное время было однажды так.

Мне неожиданно позвонили: «С вами хочет побеседовать маршал Баграмян!». Иван Христофорович взял трубку и пригласил приехать к нему домой. Жил он на на Арбате, в Сивцевом вражке. Признаюсь, приглашение это меня удивило немало. Однако, поразмыслив, я предположил, что оно, видно, связано с такой историей.

Как-то уже после войны раздался звонок из наградного отдела военкомата: интересовались, служил ли я, будучи командиром танковой роты, на Первом Прибалтийском фронте. Узнав, что не служил, закончили разговор. Однако потом снова позвонили и сказали, что из моего личного дела ясно, что я именно тот Марьяновский, который и нужен. Как оказалось, меня разыскивает награда – орден Красной Звезды, представление было подписано командующим Первым Прибалтийским фронтом маршалом Баграмяном.

Вскоре меня вызвали в наградной отдел и вручили орден Красной Звезды, хотя, как я знал, в свое время меня представляли к награждению орденом Красного Знамени.

При встрече с Иваном Христофоровичем я рассказал ему об этой истории.

– Я должен все восстановить! – заволновался Баграмян. – Наверное, на скорую руку подписал документы, представленные услужливыми штабистами, не разглядев замены ордена.

Я успокоил его:

– Красная Звезда мне дорога тем, что связана с вашим именем, и «восстанавливать справедливость» не нужно. А наград у меня достаточно.

Я пробыл у Баграмяна около четырех часов. На память он подарил мне большую свою фотографию с надписью: «Герою Советского Союза Михаилу Марьяновскому в знак преклонения перед совершенными им подвигами во время Великой Отечественной войны. Баграмян».

А в том, что Красная Звезда мне дорога связью с ним, я душой ничуть не покривил. Таким командирам, как он, многие были обязаны едва ли не жизнью.

Çàì èññë Áëààèññàá Ñí èõáá

НОВОСТИ ФЕДЕРАЦИИ ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

ПАМЯТЬ

В апреле евреи и не только евреи, но и все здравомыслящие представители цивилизованного человечества отмечают День памяти жертв Катастрофы, геноцида европейского еврейства, осуществлявшегося нацистской Германией в годы Второй мировой войны. Миллионы невинных людей погибли в ходе карательных операций, в специально созданных лагерях уничтожения. Василий Гроссман писал: «Это не смерть на войне с оружием в руках, смерть людей, которые оставили где-то дом, семью, пашню, песни, книги, традицию и историю. Это – пресечение древа жизни. Это гибель корней, а не только веток и листьев. Это убийство души и тела народа... Это уничтожение нации».

Едва ли когда-нибудь удастся установить точное число заплативших жизнью за чудовищную нацистскую идею «чистоты арийской расы», масштаб преступления неизмерим. Катастрофа унесла жизни около шести миллионов европейских евреев, половина которых была из Советского Союза. Цифры эти столь велики, что нередко воспринимаются как абстракция, за которой пропадает подлинный смысл этой вселенской трагедии. Поэтому всегда следует помнить, что за каждой единицей из этих миллионов — дети, родители, жены, мужья, любимые, друзья, близкие...

В последние годы апрель в нашей стране для некоторых людей памятен совсем другой примечательной датой – днем рождения бесноватого фюрера. Они считают себя его последователями и при случае демонстрируют готовность продолжить его «дело». Это – «бритоголовые» и им подобные, между прочим совершенно явно поддерживаемые вполне респектабельными внешне «дядями» с толстыми кошельками. Без сомнения, это опасные игры, и во имя памяти жертв второй мировой войны они должны быть пресечены самым решительным образом, чтобы чудовищный урок истории XX века не повторился в нынешнем или последующих веках.

Наша скорбь о жертвах Катастрофы должна стать не только данью памяти, но и предупреждением всем живущим ныне и будущим поколениям. Об этом думают и говорят во всех еврейских общинах России.

СЛЕЗ НЕ СТЕСНЯЛИСЬ...

«I adāēāæèòá íá yò ìì

āāò yì āāèì, à āāè è āāè - èò āāò yì, à āāè è òāō -

īāāōp àì ó ì îēîāí èp...»

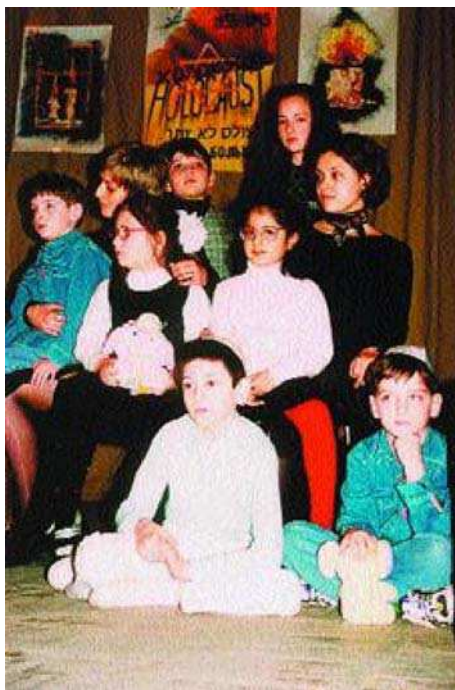
Êî èā ì òîōîā Êî èÿ, 3

С 16 по 22 апреля в Волгограде проходила Неделя памяти жертв Катастрофы. Ученики еврейской школы Волгограда «Ор Авнер», во время пасхальных каникул, провели обширную программу, посвященную этим трагическим памятным дням. На протяжении недели в школе проходили специальные занятия и лекции. Лекторские группы старшеклассников проводили уроки, посвященные Катастрофе, у младших школьников.

О днях памяти, прошедших в Волгограде, нам написала Ципора Маргулис.

В заключительный день Недели памяти в актовом зале Института искусств имени Серебрякова состоялся общегородской вечер. В этом году впервые проект осуществлялся совместно Волгоградской еврейской религиозной общиной, Общинным центром и волгоградским отделением Еврейского агентства в России.

Вечер начался выступлением членов молодежного клуба волгоградского отделения ЕАР, которые подготовили театрализованное представление (сценарий координаторов молодежного отдела О. Филипповой и Е. Гольденберг). Тема Любви ярко прозвучала в хореографической постановке на музыку Энио Марикконе «Одинокий пастух» в исполнении Е. Гуревич и В. Мазина. А на трагическую тему «Дети и Холокост» подготовили музыкально-литературную композицию по мотивам произведений Януша Корчака. Дети, не знавшие ужасов войны, сумели пропустить через свое сердце, прочувствовать трагедию еврейского народа. В роли Учителя выступила преподаватель русского языка и литературы школы В. Гремаловская.

Детская вокальная группа под руководством преподавателя музыки С. Колобродовой исполнила песню «Горит наш бедный городок». В заключение выступления дети зажгли на сцене свечи.

«номером», лишенным всяких прав. Им дано было лишь одно право – «вылететь в трубу крематория».

В одном из блоков был штабель обуви, отобранной у заключенных. В этой серой массе было очень много детских туфель, ботиночек. Сколько же детей погибло...

Мы видели жилые трехъярусные нары с бумажными матрасами, набитыми стружками... Но даже такое подобие спального места имели далеко не все. Многие заключенные, в первую очередь евреи, располагались прямо на полу. Грязь, холод, отсутствие какой-либо гигиены приводили к массовым болезням, которые никто и не собирався лечить. Больных приканчивали уколами фенола или топили ночью в ванне.

Особо ужасные условия были в еврейском бараке. Больным не давали даже питьевой воды. Все они были обречены. Но прежде чем они попадали в газовые камеры, зубной врач проверял ротовую полость, чтобы вырвать золотые зубы... А в одном из блоков мы увидели листок с заявкой от некоей фирмы на 20 кг человеческих волос!..

Все мы читали книги и смотрели фильмы о зверствах фашистов, о массовом уничтожении евреев и других «неполноценных» народов. Но увиденное в Штуттгофе потрясло больше всего...

Мы благодарны организаторам этой поездки, прежде всего главному раввину Калининграда Давиду Шведику, а также нашему экскурсоводу Ежи Гембицкому, который от имени руководства музея пригласил нас на открытие памятника жертвам Катастрофы 13 мая 2001 года.

Увы, далеко не все, кто причастен к массовому уничтожению заключенных в лагере Штуттгоф, получили по заслугам. Да и какой приговор может воскресить убитых! Нам же остается одно: выполнить свой долг перед погибшими – помнить о них и передать эту память детям и внукам. И, конечно, лучшим памятником павшим станет новая еврейская община, которая сегодня воссоздается на территории СНГ.

Вот только некоторые события последних месяцев, ставшие знаменем возрождающейся на наших глазах еврейской жизни.

70 НОВЫХ ЧЛЕНОВ ОБЩИНЫ

Весной нынешнего года благотворительный центр «Милосердие» при Еврейском общинном Центре Волгограда проводил акцию по выявлению тех, кто подпадает под определение «жертвы нацизма». Акция «Мониторинг по программе жертвы нацизма» была организована по поручению «Джойнта» в связи с решением суда Нью-Йорка по управлению средствами швейцарского фонда. Сотрудники и волонтеры благотворительного центра приняли активное участие в решении этой благородной задачи. Большую помощь оказала и администрация Волгограда. На протяжении всей акции рекламные объявления передавались бесплатно в программах городского и областного радио. Были обнаружены 70 человек, не знавших о существовании и деятельности общины.

Так что община растет. А значит, увеличивается число людей, ставших ближе к родной традиции. Многие из них нуждаются в поддержке. Часто они испытывают не только дефицит общения, но и материальные затруднения. Выявлены люди с тяжелыми заболеваниями: им необходимы лекарства, лечение, операции. Община заботится о таких людях, старается им помочь. Центр «Милосердие» принял решение оказать новым 70 подопечным благотворительную помощь в виде продуктов питания первой необходимости. Продовольственные наборы были предоставлены всемирной организацией «Помощь и утешение».

Центр «Милосердие» обращается во многие благотворительные организации, однако зачастую ответа не получает. При определенной финансовой поддержке можно было бы сделать для нуждающихся людей гораздо больше.

**27 апреля Днепрпетровскую еврейскую общину посетил
Чрезвычайный и Полномочный посол США на Украине
Карлос Паскуаль.**

Посещение еврейской общины состоялось в рамках официального визита посла Соединенных Штатов в Днепропетровскую область, которая является одним из наиболее важных и экономически развитых регионов Украины. Карлос Паскуаль осмотрел недавно открытую после восстановительных работ Хоральную синагогу «Золотая Роза». Архитектор реконструкции А. Дольник и член президиума попечительского совета общины Д. Мишалов рассказали высоким гостям о неограниченном значении синагоги как духовного центра еврейской общины Днепропетровска. Сопровождающий посла Соединенных Штатов заместитель губернатора Днепропетровской области Сергей Бычков отметил, что не только евреи гордятся возрожденной синагогой – «Золотая Роза» стала гордостью всех жителей города, символом культурного и духовного возрождения всех народов, живущих на Украине.

Посол США Карлос Паскуаль осматривает Хоральную синагогу «Золотая Роза»

В библиотеке еврейского общинного центра состоялась встреча посла США и заместителя губернатора Днепропетровской области с членами попечительского совета, активистами и лидерами еврейской общины. Члены попечительского совета Д. Мишалов, Ю. Киперман и М. Шляк рассказали г-ну Карлосу Паскуалу историю возрождения еврейской общины, о ее сегодняшнем дне, поделились планами на будущее. А среди ближайших проектов – строительство первого в СНГ «Дома для пожилых» и уникального музея истории Катастрофы и еврейских общин. Управляющий делами общины А. Фридкис подчеркнул, что своими успехами община обязана единству и сплоченности всех ее членов, активности Днепропетровских

бизнесменов, благотворительной помощи международных организаций, таких как фонд «Ор Авнер», «Джойнт», ВЕОПУ и многие другие.

На строительстве медицинского Центра. Главный раввин р. Ш. Каминецкий, зам. губернатора С. Бычков, посол США К. Паскуаль, глава ВЕОПУ р. Э Авцон.

После встречи в синагоге посол Карлос Паскуаль в сопровождении заместителя губернатора Сергея Бычкова, главного раввина Шмуэля Каминецкого и членов еврейской общины посетил строительство Американского еврейского медицинского центра. Этот центр возводится Всемирной еврейской организацией помощи и утешения совместно с госдепартаментом Соединенных Штатов. Глава ВЕОПУ раввин Элизер Авцон рассказал о ходе строительства, об уникальном значении центра, который не только будет оказывать медицинскую помощь тысячам жителей города Днепропетровска, но и станет качественно новой ступенью в здравоохранении Украины.

Посол Соединенных Штатов посетил крупнейшую в Европе еврейскую школу «Ор Авнер – Хабад-Любавич», побывал на уроках, побеседовал с учениками и преподавателями.

На встрече с лидерами еврейской общины. Рассказывает член президиума попечительского Совета Д.Е. Мишалов

В интервью еврейской телевизионной программе «Алеф» г-н Карлос Паскуаль сказал: «Я восхищен всем увиденным. Здесь работают настоящие профессионалы, которые посвятили себя благороднейшему делу служения другим людям. Переступив порог синагоги, я ощутил трепет, почувствовал, что здесь совершается великое чудо возрождения. Побывав на строительстве медицинского центра и в еврейской школе, я почувствовал, что в Днепропетровске происходит реальное возрождение еврейской жизни на благо не только евреев, но и всех жителей города».

*Пресс-центр еврейской
общины Днепропетровска*

ТРУДНО БЫТЬ ПЕРВЫМ

Санкт-Петербургскому еврейскому детскому саду «Хая-Мушка» 10 лет

К концу 80-х – началу 90-х годов в России почти полностью были утрачены древние традиции еврейского народа, а людей, которые их никогда не забывали, осталось очень мало. Тем, кто встал у истоков возрождения еврейской духовности, было ясно, что путь к нему может начаться только через обучение и воспитание детей и молодежи.

В 1991 году видный общественный деятель Луиза Бреслер создала в Санкт-Петербурге первый в стране еврейский детский сад. Трудно даже вообразить, сколько препятствий пришлось ей преодолеть: отсутствие специального помещения и квалифицированного персонала, предубеждения отдельных чиновников и целых государственных структур, сложности с финансированием и многое другое. Тем не менее, детский сад был открыт.

Он начинался с одной небольшой группки детей, но вскоре информация об этом незаурядном событии распространилась среди евреев города – дети стали прибывать. Заботу о них взяли на себя посланник Любавичского Ребе, ныне главный раввин Санкт-Петербурга Менахем-Мендл Певзнер и его жена Сара. Благодаря их постоянной опеке детский сад превратился в теплый, подлинно еврейский дом, которому присвоили имя супруги Любавичского Ребе Хай-Мушки.

За минувшие 10 лет в детском саду начинали свое приобщение к еврейской жизни свыше 200 детей. Многие из них живут и учатся в разных странах мира. Сегодня здесь воспитываются 40 ребят. Для них созданы прекрасные условия: благоустроенное помещение, утопающая в зелени территория для игр и прогулок, кошерное трехразовое питание.

Садик укомплектован квалифицированными сотрудниками, большинство из них работают здесь со дня открытия. Опытные педагоги и воспитатели с высшим образованием учат детей ивриту, английскому языку, рисованию, лепке, приобщают к еврейским традициям. Большое внимание уделяется музыкальному образованию и спорту.

А как отмечают в детском саду все традиционные праздники! На конкурсе сценариев еврейских праздников, состоявшемся в прошлом году, сценарий Пурима детского сада «Хая-Мушка» занял почетное второе место.

Педагоги стремятся воспитать у детей чувство уважения к старости, традиционное для еврейского народа. Ребята приходят в дома евреев-инвалидов, вручают подарки ветеранам, выступают перед ними. Часто с концертами они бывают у подопечных благотворительного центра «Хэсэд Авраам».

Детский сад сотрудничает со многими еврейскими организациями города, прежде всего с религиозной общиной, благотворительным центром «Хэсэд Авраам», обществом ветеранов войны. Большую помощь детскому учреждению оказывают различные еврейские организации и фонды. Благодаря американскому распределительному комитету «Джойнт» здесь создан семейный клуб для родителей. В его планах встречи субботы (Каболас Шабас), праздничные вечера, семинары. При содействии «Джойнт» в садике установлен отличный компьютер. Осваиваются и внедряются компьютерные методы обучения детей.

Праздник 10-летия детского сада «Хая-Мушка» происходил в одном из красивейших зданий Санкт-Петербурга – бывшем дворце графини Шуваловой. Поздравить педагогов и ребят с юбилеем пришло около 300 гостей, в том числе бывшие воспитанники детсада, а ныне учащиеся еврейских школ. Мать-основательница Луиза Бреслер для участия в праздновании прилетела из Израиля; ее встретили с особенной теплотой.

Вечером петербургское телевидение транслировало репортаж об этом чудесном празднике.

È. Ðàçðàí,

äèðàèòíð ääðàèíèã ääðíèã ïäää «Õäÿ-Ï óóèä

КОШЕРНЫЙ МИР ДОНБАССА

Кошерное питание, от которого были отлучены целые поколения евреев, возвращается в Донецк. Но если раньше, с середины 90-х годов, его завозили в виде гуманитарной помощи или с оказией из Израиля и стран Западной Европы и, понятное дело, не каждый день, то теперь Донбасс становится центром кашрута. Нет на Украине ни одного областного центра, ни одного города, куда бы ни поступали молочные продукты из Донецка. И это еще не все: их теперь ждут в России. По крайней мере, в Красноярске о них знают не понаслышке.

Марьинка – небольшой городок под Донецком. На карте кошерного мира Марьинский молокозавод появился сравнительно недавно. Но уже сегодня объемы выпускаемой кошерной продукции можно считать промышленными – несколько тонн в неделю! Но и это не предел.

Радует ассортимент. В кратчайшие сроки, выражаясь языком производителей, «освоены» ряженка, кефир и биокефир, сметана и масло, несколько видов йогуртов с вишневыми, банановыми и персиковыми добавками.

Снабженная печатями кашрута, готовая продукция разлетается быстро. И хотя ее производство требует дополнительных затрат, цены на молокопродукты не превышают магазинные.

Весь процесс от дойки (и даже еще раньше, когда коровы проходят медосмотр) до появления на конвейере готовой продукции осуществляется под постоянным наблюдением машиахов. Кошерен сам труд, кошерно и сырье. Так, например, закваски, выписанные из-за границы, снабжены сертификатами кашрута главных раввинов стран-производителей. Самое современное оборудование Марьинского молокозавода соответствует мировым стандартам.

А с чего все начиналось? Многие сомневались: смогут ли продукты, произведенные в Донбассе, отвечать высоким требованиям кашрута? Реально ли регулярно получать добавки-ингредиенты с сертификатами кашрута?.. Вдохновителем идеи нового производства стал главный раввин Донбасса и председатель Всеукраинского комитета по кашруту, действующего на Украине с 1993 года, Пинхас Вышецкий. Перелом в сознании людей – его несомненная заслуга. Кураторы молокозавода Леонид Луках и Евгений Зеленский, главный технолог производства Людмила Близно создали все необходимые условия для работы машиахов, а перед этим, естественно, все заводское оборудование, перешедшее на выпуск кошерной продукции, было откошеровано.

Донецкий бизнесмен Юрий Ткач, ставший связующим звеном между раввином и заводом, рассказывал: «Когда я познакомился с равом Вышецким, он увлек меня своими идеями. С его благословения все и закрутилось. Решающую роль здесь играет его авторитет, коммуникабельность и бешеная работоспособность, переходящая в одержимость».

А скоро в Марьинке будет производиться и кошерный майонез. И не только, ассортимент будет расширяться. Потом и на других предприятиях Донбасса начнется выпуск кошерных кетчупа, маргарина и конфет.

А. Едвигіа

«ДЕТИ ДОЛЖНЫ ВСПОМНИТЬ ТО, ЧТО ИХ ОТЦЫ СТАРАЛИСЬ ЗАБЫТЬ»

Еврейская община Кировограда одна из самых больших в Днепропетровском регионе. У нее давние традиции. На рубеже XIX и XX веков в Елисаветграде (так назывался в ту пору Кировоград) евреи составляли значительную часть населения. Жизнь кипела: дети учились в хедерах, работали ешивы, на средства общины возводились синагоги...

Однако с приходом большевиков все изменилось. Коммунистический режим сделал все, чтобы здесь не осталось ни одного человека, с гордостью говорившего: «Я – еврей». Последнюю действующую синагогу закрыли в 20-х годах. Еврейская жизнь ушла в подполье. И прошло немало времени, прежде чем стены «Дома собрания» вновь услышали традиционную еврейскую молитву.

Около 7 лет назад, благодаря усилиям главного раввина Днепропетровской области Шмуэля Каминецкого, началось возрождение еврейской общины Кировограда. А в августе 2000 года в городской общине появился духовный лидер – реб Дан Закута, выпускник ешивы «Мерказ Гутник» в Израиле. На Украину раввин приехал с женой Сарой и новорожденным сыном Мойше. «Я был приятно удивлен многочисленностью Кировоградской еврейской общины, которая насчитывает более 3000 человек, – сказал раввин Закута. – А великолепное здание синагоги произвело на меня незабываемое впечатление».

Молодой раввин привнес в еврейскую жизнь города ни с чем не сравнимую атмосферу идишкэйт, еврейской духовной традиции. Как и в других городах бывшего

СССР, в Кировограде выросло не одно поколение людей, оторванных от своих корней. Раввин Закута говорит, что основная цель его деятельности – восполнить этот огромный пробел в воспитании, «помочь детям вспомнить то, что их отцы когда-то старались забыть».

Постепенно евреи начали собираться в синагоге на субботние и праздничные молитвы. Стало доброй традицией участие раввина Дана Закуты в программе «Теплый дом». А недавно он поделился с членами общины радостной новостью: на ежедневные молитвы в синагоге стал регулярно собираться миньян.

В многотрудном и благородном деле возрождения идишкэйт активно участвует и супруга раввина Сара. Два раза в неделю еврейские женщины приходят к ней на занятия. Несмотря на многочисленные семейные заботы Сара с удовольствием беседует с ними о недельных главах Торы, о подготовке к очередному празднику, об основах кашрута и рецептах еврейских блюд.

Самым значительным шагом в возрождении еврейской жизни города стало открытие общеобразовательной еврейской школы «Ор Авнер-Хабад-Любавич». Председатель наблюдательного совета центра «Ор Авнер» рав Меир Стамблер и президент школы рав Дан Закута рассказывают: не все было гладко на первых порах. Многие родители сомневались, стоит ли отдавать ребенка в новое учебное заведение: ведь речь идет об очень важном шаге в жизни – не только об образовании ребенка, но и его судьбе. Была проведена большая подготовительная работа, на встречи с руководством школы приходили целые семьи, включая дедушек и бабушек.

И вот 15 января 2001 года состоялось открытие школы. Первыми начали работать младшее учебное и дошкольное подготовительное отделения. Десятки малышей наравне с обязательной школьной программой углубленно изучают иврит, английский, еврейскую историю и традиции. Отдыхают дети в уютных игровых комнатах. Невозможно переоценить и значение бесплатного кошерного питания. В школу и обратно домой учеников доставляет автобус. Раввин Закута рассказал, что в ближайших планах руководства расширение младшей школы, организация обучения детей старшего возраста и создание еврейского детского сада. Необходимость этих шагов очевидна, ведь стать учениками еврейской школы сейчас хотят сотни детей, и проблема недостатка помещений существует уже сегодня.

Подводя предварительные итоги своей деятельности в Кировограде, раввин Дан Закута сказал: «Пожалуй, самое важное – это появление у людей огромного интереса к еврейской духовной жизни, стремления узнать как можно больше, ощутить свою принадлежность к народу Торы. И я хочу сказать слова искренней благодарности главному раввину Днепропетровской области Шмуэлю Каминецкому и президенту Федерации еврейских общин Украины, представителю фонда “Ор Авнер” раввину Меиру Стамблеру за помощь и поддержку в моей работе».

*È. Dîi ài îá èmî tēi èò àëîm ûé àèðàèòîð Î áúáàèí ài èÿ èóáàèîèèò ðàèè ài çí ûò îáúèí
Ái ài ðîi àò ðî ài èi à ðàèi î*

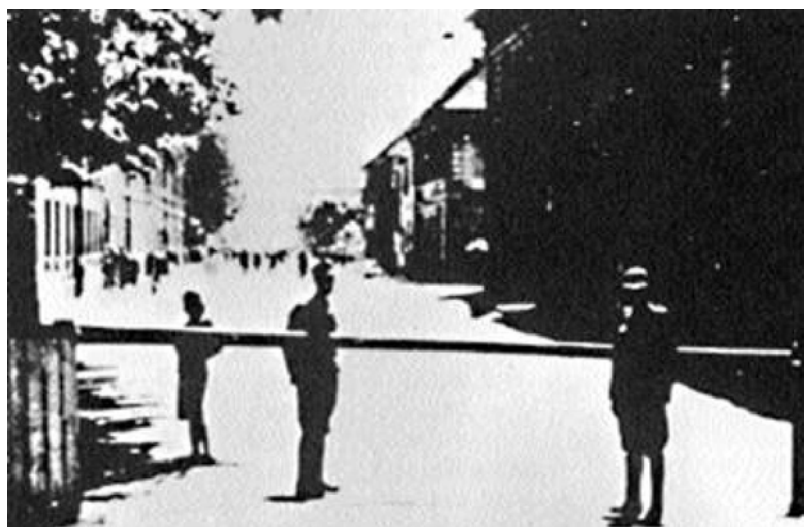

Марк Китайгородский, Лазарь Медовар

ТЕРЕЗИНСКИЙ «РАЙ»

Вечера Памяти жертв Катастрофы в апреле 2001 года прошли во многих столичных залах: в ТЮЗе при участии главного раввина России Берла Лазара, в Доме кино и других. Особенным событием этих дней стала выставка «Театр в Терезине. 1941–1945. Все жанры, кроме трагедии», экспозиция которой, открытая в ТЮЗе, затем – с 29 апреля по 8 мая – проходила в Московском еврейском общинном центре в Марьиной роще.

Эта выставка, поразившая людей многих стран, в России оказалась впервые. Ее привезла писатель и историк Елена Макарова (Иерусалим) при поддержке МЕОЦ, Посольства Израиля в Москве, Еврейского агентства в России, Израильского культурного центра, Еврейского распределительного фонда «Джойнт». Что такое Терезин и его театр?

На улице Терезина. Лето 1942 года

ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ

Пожалуй, немногим знаменит в истории Чехии Терезин, а в историю европейских евреев он бы и вовсе не вошел, если б не немецкие фашисты: в 1941 году они избрали его местом для реализации одной из самых изощренных по своей жестокости идей. Терезиенштадт, как переименовали они на немецкий лад чешское название, стал одним из самых трагических мест в истории Катастрофы.

Нацисты устроили здесь транзитный лагерь-гетто, куда привозили евреев из Протектората Богемии, Моравии и других стран Европы. Гитлеровские идеологи задумали создать «показательный» лагерь. И терезинское гетто действительно не было

похоже ни на какие другие учреждения этого рода. По указанию Эйхмана, лично курировавшего его, он был наделен всеми внешними атрибутами «вольного еврейского города». «Еврейское самоуправление» (совет старейшин), иудейское и христианское богослужения, больницы, почтамт, суд, библиотеки, банк, театр, кабаре, лекционная деятельность... Особенно был важен театр! Надо было профессионально срежиссировать этот «еврейский спектакль», чтобы продемонстрировать всему миру, что фюрер большой гуманист и заботится о евреях. Специально для них в живописном месте в 60 километрах от Праги, столь любимой и значимой в истории евреев, создан город, где они могут не только жить, работать, учиться, молиться своему Б-гу, но и реализовывать таланты!..

По особому распоряжению Эйхмана в Терезин доставляли видных деятелей искусства: художников, музыкантов, режиссеров, артистов, писателей. С их помощью немцы, снимая пропагандистские фильмы, в которых еврейские актеры и особенно дети с довольными лицами пели песни, разыгрывали сценки, создавали видимость того благополучия, которое было способно убедить посланников Международного Красного креста: да, Гитлер заботится о евреях!..

Отказывающихся участвовать в съемках немедленно отправляли в Освенцим.

Среди заключенных Терезина оказались главный раввин Германии Лео Бек и главный раввин Дании Макс Фридригер.

Тогда в Терезине произошло невероятное: любовь к искусству на пороге смерти сплотила узников, аккумулировала в них огромные творческие силы, неподвластные страху. Люди жили последние годы, часы, дни на пике творческого совершенства. По сути, они играли свои роли не столько перед людьми, сколько перед лицом Небес. И они не плакали, а смеялись!

Из терезинского кабаре: «Крепость оборонного значения всегда была готова дать отпор врагу, однако никто на нее не покушался. Кроме евреев. Им удалось взять ее приступом. Да вот как вывести отсюда свои войска?..»

Такой мощной творческой еврейской жизни на малюсеньком клочке земли, наверное, не было никогда и нигде. С 1941 по 1945 год было сыграно свыше 600 спектаклей, написано более 100 музыкальных произведений, созданы тысячи рисунков и картин, изданы сотни страниц детских иллюстрированных журналов и взрослых юмористических, исписаны 1000-страничные дневники, запечатлена хроника событий и размышлений, сотни статей, пьес, критических статей, прочитано больше 2500 лекций... Люди так предавались искусству, что забывали, где они находятся.

Из воспоминаний бывших узников.

«Театр заменил нам реальную жизнь, он стал мерой наивысшей свободы, которую мы смогли достичь», — Ян Фишер, актер в Терезине, режиссер.

«Если актер не являлся на репетицию, считай, его больше нет. Но все, что мы делали, мы упорно связывали с неким счастливым будущим... В Терезине невозможно было написать трагическую пьесу и поставить ее», — Людек Элиаш, актер в Терезине, режиссер.

Еще в конце марта 1944 года, когда уже тысячи узников Терезина были отправлены в печи Освенцима и Майданека, на театральных подмостках городка в его

музыкальном кафе шла «Женитьба» Гоголя в талантливейшей, по воспоминаниям бывших узников Терезина, постановке Густава Шорша. Спектакль шел под музыку Брамса и Дворжака, с участием знаменитых в Европе музыкантов. В этот же день выступал симфонический оркестр под управлением В.Кона. Для детей устраивался полдник с песнями и плясками... И это далеко не весь терезинский «репертуар» одного только дня — 13 марта (понедельник) 1944 года.

А вот другой день: «Летучая мышь» И. Штрауса, вечер чешских композиторов, «Песни и устные истории» Й.Сметаны-Линденбаума, «Песни для лютни» в исполнении таких выдающихся музыкантов, как Мелли Вайс, Курт Кляйн, Зеев Шек. Утром и вечером дуэт Майера-Саттлера, в полдень — легкая музыка в исполнении оркестра под руководством Церини...

Столь бурный «театральный сезон» был обусловлен еще и тем, что в апреле в Терезине ждали очередной комиссии Международного Красного креста, сопровождать которую намеревался сам Эйхман, руководитель «еврейского отдела» третьего рейха. Этой комиссии придавалось особое значение: в мир уже просочились сведения о решении фашистами «еврейского вопроса» (не последнюю роль в этом сыграл визит Михоэlsa в США, его рассказы о зверствах немцев на оккупированных территориях СССР).

Визитеры Красного креста прибыли в Терезин много позже, чем их ожидали (в конце июля 1944 года), и нацисты хорошенько «подготовились»: десятки тысяч узников гетто были отправлены в Освенцим, Дахау, Берген-Бельзен – вопрос о перенаселенности города был решен.

Подготовка к встрече комиссии шла по всем правилам тоталитарного режима. Репетиции будущих встреч отработывались так же, как это делалось при подготовке судебных процессов в СССР в 1937 году. То есть тщательно отработывались детали поведения «актеров» и «статистов» для встречи с комиссией. Весной 1944 года в городе были разбиты клумбы, открыты новые кафе — райская жизнь!

Конечно, при такой подготовке не составило труда создать рекламный фильм «Новая жизнь евреев под защитой Третьего рейха». Этот фильм сыграл зловещую роль в истории Холокоста: как было доказать, что «хроника» отрежиссирована? Зрители рассматривали улыбающихся людей — от детей до стариков, слушали музыку в исполнении прекрасных музыкантов, видели выставки детских рисунков, афиши театральных постановок с пьесами Жана Кокто («Голос человека»), репетициями «Сватовства» и «Медведя» Чехова, лучших пьес Карла Чапека, «Женитьбы» Гоголя... Где и когда могли мечтать евреи о такой жизни, о таком театре?! А спектакли для детей, кукольный театр!..

Из записок Ярослава Дубски: «Создать кукольный театр в Терезине казалось задачей непредставимой. Найти место, приготовить сцену, кукол сделать, декорации, найти осветителя... Да еще и пьесу написать. Отрепетировать роли, научиться обращаться с марионетками... На подготовку первого спектакля ушло несколько месяцев. Но зато тысячи детских глаз сияли — ведь детям в Терезине приходилось тяжелее всех. Мы отыграли 22 спектакля, и тут у нас отобрали помещение. И мы больше не могли выступать. Одно утешение — мы успели хоть что-то сделать для детей».

В качестве реквизита использовалось все, что попадалось под руку: деревяшки, куски материи, бочки, даже консервные банки. Декорации рисовали сами.

А какие были лекции! «Ханука», «Праздник Пурим», «Дни покаяния»... Ни ужасающие условия жизни, ни нависшая над городком смерть не признавались оправданием для снижения качества чего бы то ни было самими «горожанами»: уровень – европейский стандарт!

Откуда зрителям «Новой жизни евреев» – инспекторам, приехавшим из Красного креста, было знать об истинных правилах жизни терезинского гетто? Например, что евреям запрещалось за чем-либо обращаться к охранникам СС, вообще жандармам, попытка ухода с территории лагеря, бегство карались расстрелом на месте. Узники были разделены по полам: мальчики до 12 лет жили с матерями, после 12 переходили к отцу. О семейной жизни не могло быть и речи. Мужчинам иногда разрешалось заходить в женский лагерь, но прежде надо было получить специальное разрешение коменданта... Чего стоит один только пункт устава гетто: «Свободное плевание строжайшим образом запрещено». Не говоря уже о том, чтобы ходить из казармы в казарму!

Кстати, о казармах. Небольшая историческая справка.

В XVI веке Терезин был местом оборонного значения: здесь была крепость, предназначенная для защиты границ Габсбургской империи, и до создания на этом месте еврейского гетто города не было — только крепость, на территории которой находилось немало казарм. Тем, что появился здесь город, история обязана нацистам!..

Предвидя поражение и возмездие, в апреле-мае 45-го фашисты пытались замести следы. Как и в других лагерях, они убивали заключенных и сжигали документы. Из 150 тысяч евреев-узников гетто Терезина в живых осталась лишь пятая часть. А от 620 сыгранных там спектаклей – две с половиной минуты киноленты...

В мае 1945-го Терезин был освобожден войсками маршала И. Конева.

Годы, десятилетия в бывшем СССР о Терезинском гетто, преисполненном фарса, обмана, трагедии, знали немногие и немного. Освенцим, Бухенвальд, Майданек – только о них говорили в доперестроечные времена, причем как о лагерях межнациональных. Да, в них были не только евреи. Но сколько в них было евреев!.. О Терезинском концлагере не говорилось потому, что это был «чисто еврейский» лагерь. Только при перестройке о нем в России пошла тихая молва, тогда как в мире было известно давно.

Сегодня тема концлагерей не менее, а еще более актуальна, чем в предыдущие годы, ибо желающих доказать, что Холокоста не было вообще, с каждым днем становится все больше.

За те дни, что выставка экспонировалась в МЕОЦе, ее посетили свыше 2 тысяч человек. Приходили не только поодиночке, но и целыми экскурсиями, в том числе из еврейских и других столичных общеобразовательных школ. Одно из самых ярких впечатлений побывавших на выставке – фильм Е. Макаровой «Да будет жизнь».

Посетили выставку и бывший узник Терезина Иосиф Абкович, и Евгения Физдель, освобождавшая лагерь-гетто в 45-м.

Актеры Восковец и Верик в музыкальной комедии «Мир за колючей проволокой». 1933 год

Сцена из спектакля «Робин Гуд». 1932 год.

Актеры Восковец и Верик в спектакле «Осел и тень»

Плакат Ф. Зеленки к «Миру за колючей проволоке»

Карел Швенк (справа) и Мирек Франк. 1940 год.

Заклучительная сцена оперы «Брундибар». Декорации Ф. Зеленки. Кадр из нацистского фильма. 1944 год.

«Все смешалось в душе – радость от того, что смогла прийти в свой культурный центр, не скрываясь, смотреть выставку, связанную с трагедией моего народа».

Л. Пирн

«Спасибо вам. Мне кажется, вы сделали очень важную работу, люди должны знать, что происходило в мире.

Дина, школа №1311

«Материалы выставки напоминают то тяжелое время, когда нас истребляли. Организаторы этой выставки способствуют тому, чтобы это не забывалось и не повторялось. Спасибо.

Л. Харитонов

«Гордость и боль за народ, талант и творчество которого не смогла сломить нечеловеческая, звериная, тупая ненависть.

Н. Подолская

«Преклоняемся перед мужеством и жизнелюбием этих людей – евреев! Люди, помните, это не должно повториться никогда! Большая благодарность Елене Макаровой за ее нечеловеческий труд!

Ф. Галицкая, участник ВОВ. Э. Барский

Евгения Физдель: «Когда мы освободили Терезин...»

Евгения Адольфовна Физдель в Москве известный врач, лечит инвалидов Великой Отечественной. «Диспансерный врач ИВОВ» – именно такая табличка висит на ее кабинете в 172-й городской поликлинике. «Врач ИВОВ» – легендарный человек, ее судьба достойна книги. Вот лишь маленький фрагмент этой судьбы.

Окончив медицинский институт, в 1944 году Евгения Физдель оказалась на войне, и судьба распорядилась так, что в мае 45-го она была в частях, которые освобождали Терезин.

«Тот день, когда я впервые оказалась в Терезине, до сих пор кажется мне самым страшным в моей жизни, — рассказывает она. — И сегодня охватывает дрожь, когда вспоминаю это зрелище, хотя с того дня прошло уже 56 лет. В Терезине была еврейская интеллигенция из Германии, Италии, Франции, Австрии, самой Чехословакии... Люди буквально выползали из казарм. Истощенные. Страшные. Подростки передвигались на четвереньках, старики обхватывали колеса наших машин, целовали их... Это был ужас! Еще долгое время казалось: никогда больше не улыбнусь!

В конце войны в Терезин из окрестных лагерей свозили больных тифом, туберкулезом и другими инфекционными заболеваниями. Просто свозили и бросали. С группой врачей мы разместились в Судетских казармах. Там был сыпной тиф. На следующий день меня назначили начальником пропускника. Ситуация была трагическая и опасная: огромное количество больных, болезни протекали на фоне крайнего истощения; выйди они из лагеря, могла начаться эпидемия во всем городе. Надо было лечить этих тяжело больных, спасать.

Представляете, люди дожили до победы, но у них не было возможности вырваться из гетто: карантин! Удерживать их было очень сложно. Вы представляете себе дороги Европы после победы?.. Это потоки людей – выживших, освобожденных людей! Если бы в эти потоки влились инфицированные больные...

В те годы возглавлял эпидемиологическую службу майор Лев Иосифович Геренштейн, опытный эпидемиолог. Он и возглавил эпидемиологическую службу в Терезине. Одессит, друг моего отца, он знал меня с самого детства. Я знала его дочь – актрису театра Моссовета Наташу Ткачеву. У нас был обычный армейский госпиталь, но мы делали все, что было необходимо.

В Терезине было две крепости: в малой содержались политические заключенные, в большой было гетто. И ни одного случая заражения тифом мы не допустили. В городе заболеваний тоже не было. Ну а потом чешское правительство устроило нам торжественный прием...

И все же, когда я думаю о Терезине, чаще всего вспоминаю первый день. И глаза людей – стариков, детей, переживших такую войну и оказавшихся обреченными, когда появилась надежда на новую жизнь...».

Слушая Евгению Адольфовну, я вспоминал слова американского раввина Авраама Клаузнера, капеллана армии США, они запомнились мне на всю жизнь: «Освобожден, но не свободен – таков парадокс судьбы еврея. В концлагере он был полностью поглощен надеждой на спасение. Эта надежда и была его жизнью, за нее он готов был страдать. А когда его спасли, эта надежда улетучилась, поскольку нового источника надежды еврей не дали. Страдание продолжает быть неотъемлемой частью еврея».

И.Е.

«Большое спасибо. На выставке не только одни евреи. Я – русская, но мне все близко.

Т. Полякова

«У меня погибли в войну все родные, и я с болью в сердце смотрела фильм и выставку. Дай Б-г, чтобы никогда не было этой страшной войны и люди жили в мире.

«Левит»

Иосиф Абкович: «Я выжил, потому что очень хотел жить»

Путь узника фашистских лагерей Иосифа Абковича был долгим-долгим. Он начался едва ли ни с первого дня войны, прошел через Бирнау, Освенцим, Бухенвальд, Ляйтмерит... Последним пунктом оказался Терезин. Иосиф Абкович попал сюда всего за несколько дней до его освобождения.

Вот что он вспоминает.

«Мне казалось, что после Освенцима и Бухенвальда ничего страшней уже не увижу. Но в Терезине ужас был совсем другой. Люди, получившие свободу, оказались запертыми в стенах крепости: эпидемия!

Нас в Терезин гнали пешком из Ретсдорфа. Тогда молодой, я был среди немногих, кто пришел, вернее, приполз туда живым. Мне очень хотелось выжить, вернуться к родным, в Гродно. Я не допускал мысли, что их уже нет в живых, а когда вернулся, оказалось, что из 17 членов нашей семьи в живых я остался один... Что было потом? Ссылка на работы в шахты Донбасса, тюрьма в Гродно и в Минске, но, слава Б-гу, это длилось только около 2 лет.

В Терезине были одни евреи. Когда я пришел в казарму, кто мог, подошли ко мне, в общем приняли хорошо. Они спросили, почему у меня, кроме номера из пяти цифр, еще большой треугольник. Я объяснил: в Освенциме так метят евреев.

Все, кто мог хоть как-то передвигаться, каждый день подходили к окну и смотрели на улицу, чтобы не потерять надежду выйти из этих казематов. Однажды я услышал русскую речь. Стоявший за воротами сержант спросил охранника-чеха – он единственный охранял весь лагерь, – почему не выпускают людей. И даже громко скомандовал, чтобы нас немедленно выпустили. Но тот ответил: «Они – тифозные, надо лечить...»

Что было дальше, мы уже знаем из рассказа Евгении Физдель. Иосиф Абкович был одним из тех, кого эта женщина спасла. Спустя 56 лет эти люди встретились на выставке, посвященной Терезину.

И.Е.

Елена Макарова: «Дело, в которое вложена любовь»

Е. Макарова, р. Купер, С.Визенталь на открытии выставки в Вене. 1999 год.

М.К. Расскажите немного о себе.

Е.М. Я родилась в Баку, а в 1961 году, когда мне было 10 лет, наша семья переехала в Москву. Здесь окончила Литературный институт имени Горького. Первая моя книга прозы вышла в «Советском писателе», мне тогда было 25. Потом выходили другие

книги, четыре из них по искусству терапии «Лечение искусством». У меня есть еще одно образование: я скульптор.

М.К. Кто ваши родители?

Е.М. – Инна Лиснянская и Григорий Корин – оба поэты.

М.К. Как тема Катастрофы вошла в вашу жизнь?

Е.М. Это связано с темой «Лечение искусством». Я начала свои исследования с рисунков детей Терезина. Хотелось понять, откуда у них, попавших в лагерь еще в раннем детстве, не знавших, что такое жизнь в семье и погибших в коце концов, такое правильное, полноценное отношение к жизни. Об этом я писала в своей книге «Рисунки детей концлагеря Терезин», она вышла в Москве в 1989 году. Тогда же я задалась вопросом, почему у советских детей, которые учились рисовать на уроках в школе, детей с благополучным детством такое неполноценное отношение к жизни? Рисунки многих нынешних детей отражают больное сознание, а у детей Терезина – наоборот. Эти исследования и привели меня к изучению истории терезинского лагеря.

М.К. Что вас заставило обратиться к рисункам именно детей концлагеря?

Е.М. 15 лет я работала с больными детьми — онкологическими, аутистами и, кроме того, со здоровыми, «среднестатистическими» детьми. Вторые меня сильно удручали. И я решила обратиться к примеру «среднестатистических» детей в концлагере. Я не хочу сказать, что они рисуют лучше или хуже. Выяснилось, что их работы очень высокого уровня. В смысле свободы. Об этом феномене я написала несколько книг.

М.К. Скажите, отклик на эту выставку, ее эффект превзошли ваши ожидания?

Е.М. Думаю, нет. Дело, в которое вложена любовь, так или иначе найдет дорогу к людям. Все это делалось с большой любовью, поэтому люди и идут.

М.К. Как вы относитесь к фильму Спилберга «Список Шиндлера»?

Е.М. Мне гораздо ближе другой фильм — Клода Ланцмана «Шоа». Я дважды его смотрела, хотя он идет 8 часов.

М.К. Мне показалось, в Израиле тема Холокоста в последние годы приобрела несколько иное звучание, чем прежде, когда считалось, что ее надо замалчивать ради душевного здоровья новых поколений.

Е.М. Вы правы. И, на мой взгляд, это произошло потому, что старые люди начали говорить. Раньше они молчали, чтобы не расстраивать своих детей, потом внуков. А сейчас, когда прошло уже достаточно много времени, они нашли в себе силы, желание и мужество говорить.

М.К. О Холокосте вы писали книги?

Е.М. Вместе с мужем и еще одним автором мы сделали книгу для Оксфорда, в которой рассказывается о западно-европейском еврействе в период с 42-го по 44-й год.

Она издана на английском языке. И я получила грант, чтобы перевести ее на русский. Это будет книга, подобная «Архипелагу ГУЛАГу».

М.К. Какое впечатление на вас производит обновляющаяся еврейская жизнь в России?

Е.М. Мне кажется, это очень важно для пожилых людей. Молодым проще уехать, а пожилым нет. Очень сложно после долгой жизни в такой тяжелой век, который выпал на их долю, взять — и просто переместиться.

М.К. О ваших учителях...

Е.М. У меня был один учитель в жизни – Владимир Павлович Эфроимсон – выдающийся генетик, человек, познавший тюрьмы, ссылки и все же всегда остававшийся верным себе. После его смерти я уехала в Израиль. Сейчас работаю в центре Визенталья в Лос-Анджелесе, и однажды я встречалась с ним. Это было в 99-м году, на открытии выставки, которая у меня там проходила. Ему было 90 лет...

Симон Визенталь. К имени этого великого человека XX века в нашей стране относились враждебно. Прошедший 12 (!) нацистских концлагерей и чудом уцелевший, он был освобожден из лагеря Маутхаузен в мае 1945 года. Тогда при росте 180 см он весил чуть больше 40 кг. Визенталь нашел в себе силы и мужество возглавить Центр поиска нацистских преступников. В том, что многие из них были найдены, даже Адольф Эйхман, решающую роль сыграл он.

Все это не помешало «Литературной газете», органу Союза писателей СССР, 10 марта 1970 года опубликовать потрясающую по своему цинизму статью «Шпионская контора “Визенталь и Ко”». Впрочем, сегодня табу с его имени снято, и очень хочется верить, что когда-нибудь его книга «Справедливость, а не месть» будет издана в Москве на русском языке.

А вот те слова, которые произнес Симон Визенталь вскоре после освобождения из концлагеря: «Таким, как я, людям дома не нужны. Мы потеряли больше, чем дом, мы потеряли больше, чем семью, – мы потеряли веру в человечество, в дружбу, в справедливость. А без всего этого я не могу начинать сначала».

Но Визенталь начал сначала. Значит, человеческая дружба и справедливость в этом мире живы. А значит, жива Память. И свидетельство тому выставка, с успехом прошедшая в МЕОЦ.

М.К

ИЗ ЕГИПТА – К СИНАЮ

ОТКРЫТЬ КНИГУ

Ááááí úé ááááí Ááááé Ááááé Éáááá

Я думаю, перспективы евреев России намного больше, чем в других странах. Пережившие насилие, теперь в условиях свободы они могут сделать намного больше. В людях накопился большой потенциал.

Я праздновал Пейсах в Италии, в Америке, но до России по-настоящему не чувствовал, что такое рабство: мир, где я жил, считался свободным (хотя никакое место нельзя назвать свободным до прихода Мошиаха).

14 лет назад я увидел, в каком страхе здесь жили евреи. С первой минуты чувствовалось, что ты здесь никто. В зале прилета было непривычно темно, а на паспортном контроле меня разглядывали семь минут, ничего не спрашивая, не объясняя – чтобы вызвать у человека неуверенность, страх.

Мы привезли из Израиля кошерную мацу. На таможне она была в диковинку, пришлось объяснить: такая у нас еда. Эту мацу евреи держали, как золото, берегли, старались сохранить до следующего года.

Самое большое впечатление на меня произвели евреи, подпольно сохранявшие еврейские традиции, можно сказать, они жили «внутри посольства». В то время многие собирались, чтоб никто из чужих не знал, тесным кругом и хотя бы несколько часов жили в атмосфере свободы. Я видел, что евреи из «посольства» за соблюдение своих обычаев были готовы на все, потому что они поняли: их опора и настоящая жизнь – это еврейство, и кроме веры им ничто не может помочь. Никто не думал, что в такой стране произойдет это чудо, и очень многие вернуться к вере, к еврейству. Каждое утро надо благодарить Б-га за все эти чудеса и использовать возможности, которые они нам открывают.

Я думаю, самое главное сейчас для большинства евреев бывшего СССР – это получить Тору: чтобы люди открыли для себя эту Книгу, учились, знали больше о своих традициях, истории. Тогда мы будем жить с настоящими ценностями – ценностями Б-га.

Евреи будут здесь всегда, как в любой точке земного шара. Наша задача – дать им чувство настоящей общины, чтобы в каждом маленьком городке, сколько бы евреев

там ни было – 20, 50, 100, – кипела настоящая еврейская жизнь, встречали Субботу, праздники, чтобы дети могли учиться в еврейских и воскресных школах. Чтобы каждый мог гордиться, что он еврей.

ВЕЛИКОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Ааі аааеііі іе аеааеаеаіа Ааааеаеаіа ааіі о іаа аа а іаіііе Еааіе Оі ааа

Недавно я услышал интересное высказывание: «Еврейская жизнь – это треугольник, каждый угол которого символичен. Верхний угол – еврейский народ, правый – Тора, левый – земля Израиля». Нижние углы естественным образом связаны с верхним.

Становление евреев как народа и его духовное возвышение неразрывно связаны с исходом из Египта. Многие тысячелетия каждое из поколений вновь и вновь проходит этот путь. Мы сейчас на таком историческом отрезке, когда особенно отчетливо видно: происходит обновление, по масштабам и надеждам сопоставимое с окончанием плена, в котором находились наши далекие предки. Обрушился, наконец, «железный занавес», и перед народами бывшего СССР и его восточноевропейских сателлитов открылась широкая зеленая улица с двусторонним движением. Улица в свободный мир, который долгие десятилетия находился по ту сторону социалистической зоны тоталитаризма.

Последние десять лет отмечены невиданным ранее исходом евреев на историческую родину, и это я считаю самым великим чудом нашего времени, которое, думаю, будет продолжаться еще не менее десяти лет.

После сорока лет странствий по пустыне евреи получили Тору на горе Синай. После семидесяти лет притеснений и унижений их современные потомки получили возможность беспрепятственно воссоединиться в Земле Обетованной со своими братьями и в полной мере ощутить радость жизни на своей, Б-гом данной родине. Само существование государства Израиль дало тем, кто остался в странах рассеяния, мощнейший стимул для национальной самоидентификации.

Один из членов нашего молодежного еврейского клуба на вопрос, как он вернулся к своим корням, ответил: «В пять лет я впервые услышал от родителей о своем еврействе. Тогда это не произвело какого-то особого впечатления. А когда я побывал в летнем еврейском лагере, то совсем по-другому стал относиться к своей национальности. Я почувствовал себя настоящим евреем и стал убеждать родителей соблюдать Субботу и питаться кошерной едой». Удивительная вещь: сын с раскрепощенным благодаря новым историческим условиям сознанием воспитывает угнетенных принудительной

ассимиляцией родителей!.. И это убедительное свидетельство того, что в наше время психология меняется гораздо быстрее, чем во времена Моисея...

Другой пример. В том же молодежном клубе была девушка, с раннего детства знавшая о своей национальности. Как и многие, она скрывала ее от окружающих – из страха оказаться в положении человека второго сорта. Но в какой-то момент она осознала, что скрывать свои корни унизительно, и нашла в себе смелость пересилить страх и заявить: «Я – еврейка». И у нее распрямились плечи, ведь она принадлежит к древнему талантливому народу! Освободиться от внутреннего рабства ей помогло одно из многочисленных еврейских объединений, существующих сейчас в России. Каждая из организаций имеет собственное направление работы, но все они служат главной цели – помочь евреям по рождению стать евреями в полном, историко-культурном и религиозном смысле.

Чтобы достичь Синая сегодня, не нужно сорока лет – в этом великое преимущество нашего времени.

ВОЙНА С СОБОЙ

Àèðàéòíð íáðàçíáàòáéííí íáí óáí ò ðà «Í èáíáé-Í ð», í ðáçéááí ò óí èáíðíé ò áò à «Óí ðà-Í ð Èáðòá áéáéí » Ááááéíý Í áéáááðééé

Один из великих раввинов современности Элиягу Деслер в своей книге «Миктав Элиягу» говорит о цикле еврейских праздников, что рассматривать их нужно не как что-то преходящее, а как нечто концентрическое, спиралевидное, устремленное вверх. Представим себе такую спираль: человек идет по кругу – Рош а-Шона, Суккос, Пурим и т.д. На каждой из этих «станций» с ним происходит нечто, что способствует его совершенству. В Рош а-Шона судится все живое. В Суккос человек становится «битул а-еш» — он устраняет в себе все материальное, открываясь воле Всевышнего. В Симхас Тойра он поднимается еще выше, – это праздник, когда он принимает Тору не из страха, а из желания. Затем Ханука, Пурим и, наконец, Пейсах, «Ициат Мицраим» – выход из Египта.

Основная задача евреев была не в физическом выходе из Египта. «Ициат Мицраим» дословно «выход Египта». Вот сущностная идея галута: не человек выходит из него, а галут из человека. Это работа над собой.

Тора называет точную дату Пейсаха и Суккос, но о Швуэсе сказано только, что от Пейсаха до него надо отсчитать 49 дней, или 7 недель. Это означает, что праздник Швуэс бывает только после того, как проделана та самая работа.

Дарование Торы определяют два термина: «Матан Тора» и «Каболас Тора». «Матана» – подарок, ради которого человек ничего не делает, получает его просто так.

«Кабола» – получение, связанное с «кибул» – объемом. Если человек не создаст в себе объем, резервуар, он не сможет ничего принять. Так и стакан с водой: чтобы наполнить его другим содержимым, воду придется вылить. Только вылив ненужное, можно влить необходимое. Поэтому получить Тору мы можем, только пройдя через самоочищение в Пейсах. Создали сосуд – в него и помещается дар.

Человек, пройдя через все «станции», осмыслив каждый пункт своего пути, достигает определенного духовного уровня. На следующий год, идя через те же станции, он уже другой, изменившийся, и продолжает меняться (образно говоря, он поднимается в гору по дороге, которая называется «серпантин»). Дословный перевод Рош а-Шона – глава изменений. Это глава всех изменений, которые произошли с человеком в течение всего года. И это Судный день. Человек судится за все те изменения, которых он добился усилиями воли.

На каком этапе пути от Египта к Синаю находится сегодня российское еврейство, говорить сложно. К сожалению, оно расколото на разные группы, лагеря – это одно из наших проклятий. Но сейчас я хочу сказать не об этом. Основная проблема сегодня связана с еврейским самосознанием. Мало кто из евреев, проживающих на территории бывшего СССР, еще в недалеком прошлом представлял себе иудаизм, еврейскую историю, культуру. Но было некое еврейское мироощущение, передающееся с материнским молоком. И все же по большому счету никто не мог оценить, что есть еврейство как таковое. Сегодня ситуация, на мой взгляд, стала в определенном смысле еще хуже. Та глубина, которой характеризовалось не только российское еврейство, но и вообще интеллигенция в СССР, сегодня ушла на второй план.

С доступом к материальным ценностям, свободе, как ни странно, многие вещи, связанные с интеллектом, духовной жизнью, обесцениваются. Так и в западном обществе, в США: у очень многих людей, особенно слабых, такие вещи отодвигаются на задний план. Чтобы изменить ситуацию, необходимо образование. Говоря о воспитании еврейского поколения, надо иметь в виду не только детей, но и взрослых.

Сегодня, на мой взгляд, одна из проблем, связанная с воспитанием взрослых, заключается в том, что их некому воспитывать. Как правило, это люди с высшим образованием. Они в принципе готовы воспринимать идеи Торы, Талмуда, Мишны, все то, что связано с еврейством в гуманитарном, культурологическом плане. Более того, они хотят это воспринимать, но уровень подачи должен быть высоким.

К сожалению, специалистов, которые могут найти с ними общий язык, на территории Москвы, страны, слишком мало. Проблема гигантская, разрешение ее очень непросто. Конечно, здесь многого можно добиться благодаря самостоятельной работе. Сейчас стали доступны книги по традиции. Но, берясь за них, надо отдавать себе отчет: без знания иврита, изучая лишь переводы, невозможно глубокое понимание традиции.

Что касается детского образования, то часть семей сегодня стоит перед серьезной дилеммой: в какую школу отдать ребенка – в еврейскую или нееврейскую? Люди знают, что с точки зрения среднего образования хорошие нееврейские школы способны дать ребенку больше. Как выбирать?.. Для большинства такого вопроса вообще нет: они отдают детей в нееврейскую школу.

Еще проблема. Школа «Мигдал-Ор» имеет отличную репутацию, мы заняли высокое место по рейтингу в России – 25-е среди всех российских школ. И что же? Сегодня в нееврейских школах Москвы, я думаю, есть пара тысяч галахически еврейских

детей, потенциальных наших учеников, но мы понимаем, что к нам идет в лучшем случае несколько процентов. Та же проблема у всех еврейских организаций: на все мероприятия приходят одни и те же люди. И становится ясно: еврейская интеллигенция нам пока недоступна. Почему? Думаю, ответ один: еврейские организации сегодня не выдержали экзамен на престижность.

То, что делается, не просто непрофессионально, а непрестижно. И здесь играет роль всё: качество, продуманность, отлаженность, организационный уровень, преподавательский, административный состав и т.д. Я позволяю себе это говорить, потому что мы сами на этом рынке. В нашу систему входят несколько учебных организаций: общеобразовательная школа, университет, ешива, общежитие для детей, еврейская община. Мы чувствуем себя частью еврейского целого и критикуем себя в том числе.

На мой взгляд, исключительно с помощью образования мы можем решить проблему оторванности от родных традиций. И мы ее начали решать. Только через нас за 10 лет существования «Мигдал-Ор» как системы прошли сотни, а может, уже и тысяча учеников, которые теперь не только сами живут как религиозные люди или хотя бы уважающие еврейские традиции, но растят в этом духе детей. Есть сотни еврейских семей, которые пошли по правильному теперь уже в их понимании еврейскому пути.

Многие организации жалуются на проблему финансирования. Эта проблема не существовала бы, если б люди, обладающие средствами, были воспитаны в еврейском духе. Поэтому, на мой взгляд, вопрос образовательный, он же воспитательный, стоит широко во всех аспектах. Пока не будет создана одна большая цепочка от детского сада до мощного университета и дальше – с возможностью предоставить еврею разнообразную, богатую общинную жизнь, сложно будет даже призывать человека остаться жить в этой стране, если он всерьез пришел к еврейству (как правило, в этом случае люди испытывают потребность уехать). И не нужно его винить: общинная жизнь здесь пока еще не может дать ни ему, ни его детям всего необходимого.

Наша позиция заключается в том, что каждый человек сам определяет себе место для жизни. И кто уезжает, и кто остается – те и другие должны найти себя там, где они будут жить. Чтобы люди могли, в частности в Москве, создавать семьи, воспитывать детей, нужна целая инфраструктура. С моей точки зрения, сегодня она просто в зачаточном состоянии. Более того, люди по-настоящему религиозные, которые хотят остаться жить в России, практически не имеют такой возможности. Да, питание налажено, но образование для детей еще далеко от должного.

По сравнению с тем, что было 10 лет назад, в стране есть свобода. В некотором смысле это плюс, в некотором – минус. Лет 15 назад, когда я еще жил в Москве, к нам приезжал в гости рав Симха Кук, главный раввин города Реховот. Посмотрев как мы живем, боремся с КГБ (хотя тогда сложности были уже небольшие по сравнению с 60–70-ми годами), он сказал, что существует два вида борьбы человека с обстоятельствами. Есть «мелхемет а-дохак» и «мелхемет а-ецер». Первое – это война, связанная с притеснением, принуждением, когда на тебя давят внешние обстоятельства. Она дает эффект пружины, которую сильно сжимают, но как только уберут руку, она тут же распрямляется и бьет. Советский режим давил на еврея, и он хотел быть евреем.

Среди людей, изучающих Тору, были буквально десятки, которые действительно серьезно этим занимались. На нас давили: кто-то шел в тюрьмы, кого-то избивали, мучили, выслали, заперли в сумасшедших домах... Это было давление извне.

Из-за внешнего давления человек мог внутренне себя мобилизовать и весь потенциал направить на отпор этому давлению.

Второе понятие – «мелхемет а-ецер», когда война происходит не с внешним, а с внутренним давлением – со своим отрицательным началом. Представьте себе: человек сидит в ешиве, учит Тору. Обстоятельства говорят ему: выйди отсюда, нужно кормить семью, пойти в банк, заниматься текущими вопросами... Собственное внутреннее начало не дает тебе быть самим собой, уводит от того, чтобы в полной мере реализовать свое еврейство. Рав Симха Кук сказал: приехав в Израиль, вы познакомитесь с этим явлением и увидите, что когда на тебя ничто не давит, нет сложностей внешних, обнаруживаются сложности с самим собой, и эта война бывает самой тяжелой.

Поэтому я сказал вначале, что сегодня проблем намного больше и более серьезных. Что мешает человеку быть евреем сегодня? Только его внутреннее отрицательное начало. В какой степени он не может его побороть, в такой же он не сможет приблизиться к еврейству. Не только с точки зрения знания, но и изменения своего сознания, своих поступков.

Трудно прогнозировать, что будет в России. Еврейство как таковое никогда не сможет отойти от идеи, связанной с Торой. Другого цемента у нашего народа уже не будет. Мы можем делать лишь то, что возложено на нас, делать с большой верой не только в религиозном смысле, но и с верой в наш народ.

Я люблю свой народ, я его часть. Это во многом определило мою жизнь, подтолкнуло к изучению традиции. «Ничто не устоит перед желанием», – написано в «Пиркей Овос». Я убедился в этом на собственном опыте.

В БУДУЩЕЕ – С ОПТИМИЗМОМ

Γὰρ αἱ οὐε ἀδοεῖν, ἰδὲ αἱ οὐ ΟΑΓΠΙ εἰσὲε Αἰῶς

До сих пор не могу забыть прекрасный Пейсах в Еврейском общинном центре в Марьиной роще. Очень важно не только, чтобы был центр, важно, чтобы в нем кипела жизнь. Здесь проходят еврейские праздники, проходят выставки, встречи, здесь же состоится очередной съезд ФЕОР.

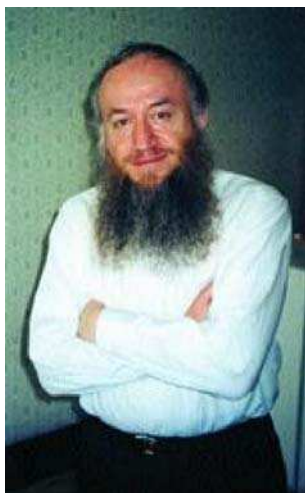
Что касается будущего евреев в России, то я смотрю в него с оптимизмом. Всю свою сознательную жизнь я был связан с еврейством – и будучи руководителем Камерного еврейского музыкального театра, и когда гастролировал по всему миру и видел жизнь еврейских общин во многих странах: от США и Канады до стран Южной Африки и Австралии. Имея возможность сравнивать, я пришел к выводу, что наша общинная жизнь при желании может быть лучше, чем там. Здесь так много талантливых людей, изголодавшихся по еврейской культуре, способных достойно ее представлять!

Величайшее завоевание перестройки – свобода выбора. Каждый сам решает, где ему жить, уехать или остаться. Опыт показывает, что немало людей возвращается в Россию, и я уверен, что будущее у евреев здесь есть.

Наша задача не стонать и жаловаться на трудности, которые, что и говорить, есть, впрочем как и у всех в России, а делать что-то конкретное, полезное. В последние годы стали широко отмечаться еврейские праздники. Для Федерации еврейских общин это еще и колоссальная работа, в которой участвуют сотни людей, занятых обеспечением и доставкой кошерной еды, мацы, тфилин, книг, – всего необходимого. За полтора года существования ФЕОР проведено более 70 концертов в общинах по всей России, включая Дальний Восток и Сибирь. В этом году мы проводим уже второй фестиваль творчества еврейских общин: первый состоялся в Биробиджане, нынешний – в Казани. Съезжаются талантливые люди из разных общин страны. Конкурсы клезмеров, создание еврейского театра в Костроме (его спектакль «Шалом, солдат» видела еврейская Москва, и теперь труппа показывает его в общинах) и многое другое – все это и есть движение вперед. Наша важнейшая задача – обеспечить возможность полноценной еврейской жизни для всех евреев, которые остаются жить в России.

Нас интересуют не только еврейские, но и интернациональные проекты. Большой проект благотворительного Фонда поддержки еврейской культуры «Атиква» «Мы снова вместе» посвящен Дню независимости России. Деятели искусств всех национальностей побывают в центрах федеральных округов, где пройдут концерты, всевозможные встречи. Наша повседневная работа и есть залог оптимизма, связанного с будущим евреев России.

МЫ ДОЛЖНЫ СТАРАТЬСЯ ТАК ЖИТЬ

Àèðàèòíð ðùññéíýçú:-ííé í ðíáðàì í ù «Ýø à Ñíðà» á Èçðàèèá Ýèèýñ Ýññàñ

В конце 60-х годов я жил в Вильнюсе и знал об Исходе из Египта разве что из книги Зенона Косидовского. Однажды мне рассказали о гематрии — одном из способов извлекать скрытый смысл ивритских слов, суммируя числовые значения их букв, и о том, что согласно ей Египет (на иврите Мицраим) и СССР — одно и то же. Я это понимал шкурой, а не головой: мы жили в Советском Союзе. Желание уехать тогда казалось неосуществимым. Но позже я присоединился к борьбе за выезд.

Наша семья не сильно отличалась от многих еврейских семей. В Пейсах мы покупали мацу, но это не значит, что у нас соблюдался Пейсах. И все же именно в семье мне дали самое главное — еврейский «фундамент»: ощущение того, что я часть еврейского народа и что еврейский народ — это одна семья.

В 1971 году я начал изучать иврит и выучил его за два года. Тогда и появилось сознание, что жизнь по заповедям и есть единственно приемлемая для меня жизнь. С помощью книг и людей пожилого возраста, которые не побоялись делиться со мной тем, что знали с детства, я стал соблюдающим евреем и с 1977 года начал преподавать традицию молодым.

Помню свой первый программный урок, он состоялся вскоре после Швуэса. Тогда мне был 31 год. Я жил в Москве, входил в группу отказников и еврейских активистов и до этого уже проводил пасхальный сейдер, выступал на всех наших собраниях, мы выезжали в Овражки (под Москвой) отмечать еврейские праздники. В этой среде я был неформальным раввином.

В этом году я проводил сейдер в очередной общине, которую мы создали в Израиле. В системе «Эш а-Тора» я занимаюсь организацией общин для выходцев из бывшего СССР в Израиле. Эта община уже четвертая, в ней 60 семей. Приехав, люди должны чувствовать себя комфортно, жить еврейской жизнью, работать каждый в своей области, а Субботы и праздники соблюдать вместе.

Я очень горд, что все члены общины за уроки и участие в праздниках (за трапезу) платят деньги, а не получают их, как все еще практикуется здесь. Когда я вижу, что евреям дают деньги за то, что они приходят на урок Торы, или слышу, что платят, чтобы они приходили в синагогу для миньяна (минимальное число евреев для проведения

общественных молитв), то сколько бы меня ни убеждали, что иначе они не придут, я думаю, здесь что-то по большому счету не так. Одним из первых моих начинаний в Израиле было установление платы за урок. Причем, это деньги достаточно значимые для уровня жизни в Израиле. В этом году члены нашей общины полностью оплатили сейдеры. Для меня это принципиально: отношение к традиции должно быть честным.

В Агоде мы читаем: каждый человек обязан чувствовать себя вышедшим из Египта. Я вышел из Египта – это значит надо мной только один хозяин, Творец мира. Я несу в мир Его слово, о Нем пою.

Получение Торы – праздник Швуэс. Я не делаю акцент на том, что мы должны ощутить себя стоящими у горы Синай: я знаю, моя душа там находилась. А сейчас я здесь, Всевышний послал меня в этот мир, и я хочу отпущенные мне дни заниматься Торой. Не менее важно, чтобы другие люди тоже занимались вместе со мной или с кем-то другим и восприняли Тору как руководство к действию. Если, приняв ее, я помогаю сделать это другим, значит, у меня есть Швуэс. У меня были сотни, даже тысячи учеников. Большинство из них стали учителями. Надеюсь, то же будет и с их учениками.

Мы идем к Торе, это очевидно. Надо, чтобы человек старался каждый день черпать мудрость Торы. А для этого необходим иврит – «золотой ключик» каждого еврея. Я настаиваю на изучении иврита: никому не удалось постичь и на миллиметр мудрость Всевышнего без иврита. Без знания языка ты знаешь о Торе, но не Тору.

Здесь, в России, сегодня реально все можно, со стороны государства нет никаких препятствий, поэтому все препятствия только в нас самих. Что это за препятствия, которые мы выстраиваем сами? Да, осталась внутренняя цензура, внутренняя закрепощенность, но гораздо больше меня заботит другое. Это коррумпированность, цинизм, отсутствие идеализма, нищета философии и философия нищеты. В синагогах платят деньги за миньян! Как можно платить за то, что евреи ходят в синагогу? Если еврей нуждается, потерял работу, надо помочь ему найти работу, а гуманитарная помощь снимает ответственность с человека.

Духовные учителя должны направить молодежь на помощь пожилым людям. Всевышний помогает тем, кто помогает другим, – это Его благословение. Если ты отдаешь другим людям свое время, свои усилия, деньги на благотворительность, тебе Всевышний дает здоровье, силы, деньги – вот формула успеха. Каждый человек должен отдавать 10 процентов дохода на цдоку, и эти деньги пойдут на помощь нуждающимся. Пока этого в России нет, настоящего успеха не будет. Детей нужно воспитывать на примере добра, а не коррупции.

Надо развивать еврейские качества. Человек должен быть совестливым, преклоняться перед Всевышним и стараться идти его путями. Жить по законам Торы – это фраза. Я не видел человека, который бы не спотыкался, не имел слабостей. Мы не можем ни о ком сказать, что он живет по законам Торы. Мы должны стараться так жить.

Нужно жалеть людей, в Талмуде об этом сказано. Но между коррумпированностью и культурой подаяния дистанция огромная. Люди должны понять, что такое делать добро, а не только получать.

В Швуэс празднуется годовщина получения дополнительной души нашего народа. У каждого из нас есть дополнительная душа. У каждого, как я говорю, есть

дополнительная емкость, которая наполняется мудростью Торы. Если мы ничего не делаем, то гремим пустотой на весь мир.

Я очень нетерпелив: до 120 лет мало осталось, и я переживаю – как мало я сделал в этой жизни! Я вижу тысячи людей, пришедших к Торе, но и сотни тысяч не пришедших. Мне нечему радоваться, меня это тревожит.

Ī àòáðéàèü ĩĩããòĩáèèè:

Đ. Ī ài èðà,Ā. Ī ĩçĩ ài ñèé,Ā. Āĩ ðĩáĩĩĩĩ

Я БЫЛ № 99176

איך איז געווען איך געווען

Воспоминания бывшего малолетнего узника фашистских лагерей смерти Освенцим (Аушвиц), Гроссрозен и Нордхаузен

Я думаю, в моей жизни наступил самый ответственный период. Размышляя о прожитом и оценивая почти 53 года «сверхплановой», подаренной мне судьбой жизни, я прихожу к мысли, что годы после 11 апреля 1945 год были для меня временем хорошей, интенсивной, порой нелегкой жизненной школы.

В конце 1942 года в возрасте 12 лет после гибели родителей я остался совершенно один, и в течение последующих лет, особенно с 1942 по 1945 годы, сама жизнь учила меня жить и добиваться маленьких, но важных побед. Уже в те годы, пытаясь оценить ту или иную ситуацию, я доискивался до истины и думал: почему мир устроен так, что есть победители и побежденные, есть угнетенные и поработанные, есть мародеры, убийцы, головорезы в фуражках с эмблемой в виде человеческих черепа и костей?.. Тогда я не находил ответа на эти вопросы.

Фашизм как чудовищная чума XX века зародился во вполне цивилизованной стране Европы – Германии. Гитлер, придя к власти в январе 1933 года, смог осуществить свои кровавые планы из-за разобщенности и нерешительности ведущих стран мира того времени. Главы правительств Англии, СССР, США проводили выжидательную политику. И только захват нацистами большей части Европы, в том числе и бывшего СССР, побудил вышеназванную троицу создать в 1942-1943 годах антигитлеровскую коалицию. В итоге она разгромила фашизм только в 1945-м, заплатив при этом огромными человеческими потерям и – миллионами жизней и еще очень многим.

Мысли об этом неоднократно побуждали меня еще и еще раз оценивать увиденное и пережитое в годы второй мировой войны. В продолжение этих тяжелейших лет я мечтал об одном: во что бы то ни стало выжить и рассказать людям о том страшном, очевидцем и участником которого я был.

Я видел, с какой жестокостью уничтожали целый народ только за то, что его представителям суждено было родиться на свет евреями. Были и в прошлом экзекуции и погромы, но Гитлер превзошел все злодеяния минувшего. Решение так называемого «еврейского вопроса» он рассматривал как основную цель своей жизни, о которой он официально известил мир в своем «труде» «Майн кампф» («Моя борьба») еще в середине 30-х годов.

Есть вещи и деяния, которые человечество никогда не сможет забыть, никогда не сможет простить. Это – фашизм 30–40-х годов. Пройдут годы, века, а цивилизация снова и снова будет обращаться к прошлому. История не знает будущего без прошлого. И сейчас, спустя более полувека после Катастрофы, человечество все еще не утрачивает ощущения, что в истории XX века остаются «белые пятна». Кто как не мы можем и обязаны поведать правду о пережитом? Кто, если не мы, расскажет молодому поколению о жизни отцов и дедов, матерей и бабушек, о частице истории самого жестокого века? Многие авторы – историки и политики, по разным причинам нам не всегда могут изложить всю правду о тех или иных событиях. Жестокая цензура прошлого и сейчас порой хозяйничает в наших умах, и мы иногда с великой осторожностью и боязнью подходим к рассказу о жизненных коллизиях прошлого. А ведь факты, как известно, упрямая вещь. И архивы еще долгие годы будут для нас источником правдивых сведений о прошлом. О чем-то можем поведать и мы, живые его свидетели.

Посетив в последние годы два всемирно известных музея, посвященных Катастрофе, – Освенцим и Яд Вашем, я утвердился в мысли, что слишком рано закрывать тему второй мировой войны. Чем глубже я изучаю опубликованные труды о ней, тем со все большей отчетливостью предстают предо мной дни минувшие.

Вот некоторые цитаты из книги известной польской исследовательницы Хелены Кубки «Дети и молодежь в концлагере Освенцим»: «Особо трагична была судьба детей и молодежи в концлагере смерти Освенцим. Детей отбирали у матерей и умерщвляли их на глазах самыми коварными методами – удар по голове, сброс в горящую яму. Этот садизм сопровождался ужасными криками еще живых родителей. Трудно, невозможно установить число погибших детей.

Однако по общей численности транспорта, количеству вагонов в составах можно подсчитать, что только в Освенциме погибло 1,3–1,5 миллиона детей, по большей части еврейских, цыганских, привезенных из Польши, Белоруссии, Украины, России, Прибалтики, Венгрии, Чехии и других стран».

Далее автор приводит статистические материалы архивов: «Первый транспорт прибыл в Освенцим в марте-апреле 1942 года из Словакии, затем из Франции. Так, с 27 марта 1942 года до 11 сентября 1944 года только из Франции прибыло 69 больших и два меньших состава, где находилось около 69 тысяч человек, в том числе 7,4 тысячи детей». А ведь были в те годы составы с евреями из Бельгии, Германии, Австрии, Норвегии, Голландии, Югославии, Греции, Италии и особенно большие из Польши.

В итоге по оценке историков многих стран (имеется официальная статистика) из более чем 6 миллионов уничтоженных евреев до 50 процентов приходится на жителей Польши, где до 1 сентября 1939 года проживали более 3 миллионов евреев.

Геноцид целого народа в 1933–1945 годах оставил тяжелый след в истории. Еще не все имена и фамилии погибших известны и обнародованы, не все злодеяния фашизма раскрыты. Кто может дать ответ на вопрос: сколько гетто было на территории

Польши, Белоруссии, Украины? По имеющейся оценке, только на территории Польши было 400 гетто, но до сих пор остаются неизвестными имена всех жертв. По Белоруссии, Украине вообще отсутствуют подобные оценки.

Дорога, по которой прошли чудом уцелевшие узники в 1941–1945 годах, тяжела и сложна, она для каждого сложилась по-своему, и многие наши собраты – большая часть бывших узников – не дошли до конца этого страшного пути.

Я не могу забыть эпизоды лагерной жизни в Освенциме 1943–1944 годов. Перед глазами – виселица на апельпляце и станок, где мы получали свои «порции» ударов. Мне пришлось пройти и «Politische Abteilug» – политический отдел, где ударами плетки меня «наградил» бывший комендант концлагеря оберштурмбанфюрер Рудольф Гесс. Из моей памяти не стерлось обличие обер-врача – садиста в белом халате Йозефа Менгеле, на совести которого бесчисленные малолетние жертвы. Я уже многие годы ношу с собой портреты этих двух извергов, чтобы показывать людям. Всегда со мной фото, сделанное 1 февраля 1943 года, где я изображен в трех видах в полосатой форме, полученное мною из архива Освенцима еще в 1965 году.

Приведу одну цитату польского писателя Игоря Неверли – бывшего узника Освенцима. Он писал: «Правда Майданека или Освенцима – это трудная правда, а для тех, кто прошел через это – очень личная правда. Мне кажется, что отображение этой правды во всей ее сложности станет возможным лишь в произведениях будущих поколений. Она, эта правда, будет подлинная, как смерть, и уже не будет отравлять».

Кратко расскажу о своем тюремно-лагерном пути длиной в 1375 дней и ночей, начало которому положила война.

Начало войны запомнилось мне на всю жизнь ночной бомбежкой 22 июня 1941 года. Гродно, где мы жили, – пограничный город, стал жертвой фашизма в первый же день войны. Это была легкая добыча: город был окружен и взят без особого сопротивления. Покинуть его каким-либо способом было практически невозможно.

До начала войны мы жили обычной мирной жизнью. Отец, единственный кормилец семьи, портной высшего класса, имел свою небольшую мастерскую на улице Ожешко. Проживали мы рядом – в двухкомнатной квартире на улице Городничанской (затем Энгельса), 12. Отец был родом из Варшавы, а мать (девичья фамилия Любич) – из Гродно. В семье было трое детей – старшие сестра и брат и я. Хорошо помню, как уже в июле 1941 года евреям запрещалось ходить по тротуарам. Мы должны были пользоваться

только проезжими дорогами. Вскоре появились и желтые «звезды Давида», которые нас обязали пришивать к верхней одежде.

Гродненские гетто (их было два) появились сразу же, летом 1941-го. Окруженная колючей проволокой, ограниченная территория была для нас, мальчишек, барьером, который мы часто преодолевали и уходили в город к полякам на поиск продуктов в обмен на одежду, ценные вещи, что родителям удалось сохранить. В эти гетто были согнаны не только жители города и близлежащих районов, но периодически туда поступали и еврейские семьи из Польши, Прибалтики, более отдаленных стран – Австрии, Чехии.

Первое время работоспособных мужчин использовали на разных работах в городе и области. Затем стали отбирать группы людей якобы для переселения. Потом мы узнали, что их расстреливали недалеко, в деревне Колбасино, которая была превращена в братскую могилу, не единственную в области. В гетто по причине голода, холода и болезней ежедневно умирали десятки, сотни мирных граждан. Их тут же хоронили возле домов, где они жили. Периодически проводились расстрелы и повешения, которые продолжались до конца 1942 года. На них сгоняли население гетто.

В конце 1942-го гетто было ликвидировано. Заключительный период ликвидации осуществлялся по особому плану. Ежедневно людей железнодорожными составами вывозили в концлагерь смерти. Я с родителями тоже попал в один из таких составов. В этот период уже поступила информация об «окончательном решении еврейского вопроса», которое должно было завершиться по плану Гитлера в 1943 году. Именно на этот период приходится «пик» работы многочисленных крематориев в Освенциме, Майданеке, Трешлинке. В этих трех концлагерях-«миллионщиках» уничтожено более 6 миллионов человек.

Запомнился мне пеший поход под конвоем от гетто до железнодорожной товарной станции. Нас погрузили в вагоны с верхними зарешеченными окошками. Каждый вагон, после того как в него загружали до 120 человек, закрывали и опломбировывали. Без воды и пищи в до предела переполненных вагонах мы из Гродно со скоростью пассажирского поезда мчались через Белосток, Варшаву, Лодзь, Катовице в Освенцим.

В вагоне можно было только стоять, и потому уже вскоре после отъезда у многих было обморочное состояние. Без всякой надежды на жизнь люди умирали в тяжких муках и страданиях. На вторые сутки в вагоне были штабеля трупов, и по ним нас, детей, продвигали к окошкам, с которых родители пытались сорвать решетки. Наш эшелон двигался практически без остановок. Ночью на перегоне между Лодзью и Краковом меня на ходу поезда выбросили через окошко.

Я хорошо помню слова родителей: «Живи, Толя, живи», их поцелуи и слезы, оборвавшиеся внезапно. Я оказался в снегу под откосом железнодорожной насыпи. И сразу уснул, а, проснувшись, наелся вдоволь снега. Было утро. Я пошел в лес в поисках пищи, но прежде сорвал и закопал желтые звезды. На мне была теплая куртка и синяя буденовка с красной звездой. В то время это был любимый детьми головной убор, теплый и красивый, я дорожил им еще и потому, что сшит он был умелыми руками моего отца. Видимо, я бродил по лесу несколько дней, пока не был схвачен «шущполицаями». Они во мне увидели партизана или их связного и решили передать в руки гестапо. Хорошо помню, как вели меня по улицам города Катовице под дулом автомата, как многие прохожие кричали: «Партизан! Большевик!». Мне тогда еще не исполнилось 13 лет.

В гестаповской тюрьме в Катовице я пробыл более двух месяцев, мне и сейчас страшно вспоминать о них. Допросы проводились практически ежедневно. Были пытки, побои, угрозы, но я старался крепче держаться за хрупкие жизненные надежды. Оказавшись в камере вместе с пожилыми поляками, я сразу ощутил их заботу. Они ежедневно умирали, но не сдавались. Это они старались ради моего спасения внушить мне: «Ты не еврей, и они никогда не смогут это опровергнуть. Ты – белорус». Я усвоил их совет. Это и спасло мне жизнь, да еще заботливое отношение ко мне судьбы.

На допросах я так и отвечал: «Я – белорус», рассказывал, что отстал от поезда и ищу родителей, что родился в Польше, знаю польский и немного белорусский. Можно долго описывать тюремную жизнь, но тюрьма и есть тюрьма. Помню, что у меня брали кровь на анализ, врачи обследовали меня, и все уговаривали признаться и указать место расположения партизан. А как я мог это сделать, если ничего не знал? А если б и знал, то не сказал бы. Приговор гестаповцев был однозначным – лагерь смерти Освенцим.

И вот 1 февраля 1943 года я в арестантском вагоне прибыл из Катовице в Освенцим. (В 1965 году я получил официальное подтверждение об этом из архива музея на польском языке вместе с моим фото.) Сразу по прибытии нас отправили в баню, где постригли, побрили, накололи на левой руке номера, одели в полосатую форму и деревянные колодки. После всех этих процедур я превратился в «Heftling» – заключенного под № 99176 с буквой «R» – белорус.

Лагерная жизнь людей, имена которых заменяли номера, описана многократно в изданиях Польши, Израиля, других стран, и потому нет смысла повторяться. Расскажу лишь о некоторых моментах лагерной жизни 1943 – 1944 годов. (В этом лагере смерти, ставшем могилой более чем 4 миллионам человек, многие годы работает всемирно известный музей.).

Сначала мы прошли карантин в восьмом блоке, где нас учили «азбуке лагерной жизни». Это были тренировочные дни: нас строили в шеренги, мы шагали «в ногу»,

выполняли команды – «рехтс ум», «линкс ум», «мюце ап», «мюце ауф», «шнеллер» (направо, налево, снять шапку, надеть шапку, быстрее) и т.п. Шагать в деревянных колодках на босу ногу очень тяжело – мозоли и кровоточащие раны не заживали. Через две недели нас распределили рабочими бригадами по блокам. Некоторое время я был в 24-м блоке (чердак). Везде трехэтажные нары, соломенные матрацы, тонкие одеяла. Режим: подъем, кава, «аппель», то есть проверка, отправка на работу. Днем снова проверка и особый «аппель» вечером – нас пересчитывали по блокам, и блоковые СС лично отдавали ежедневный рапорт коменданту лагеря. Очень долго приходилось стоять, ибо пересчитать и свести воедино 25–30 тысяч узников было не легко. Зимой люди мерзли. Вскоре всех малолетних узников – детей и подростков 9–15 лет – собрали в 18-м блоке в подвале. Наш «капо» – старший блока, немец с зеленым «винкелем» (треугольник вершиной кверху), был особо жестоким человеком. Его крики и удары заставляли нас повинаться беспрекословно, ибо расправа ожидала за малейшее нарушение. В лагере нас опекали старшие узники, помогали чем могли: едой, одеждой, важным советом.

Работал я в строительных мастерских – «Bauleitung Wersteten» – учеником маляра, другие вроде меня – учениками электриков, кровельщиков, сантехников. Такая работа нас устраивала: мы были рядом со старшими узниками, готовыми всегда и во всем помочь. В основном должность мастера занимали политические узники – поляки, немцы, фольксдойчи, чехи, словаки, очень редко – русские. Мастерские расположены были близко к основному лагерю, но каждый день дважды приходилось строем шагать через главные ворота, над которыми было написано: «Arbeit macht frei», «Jedem das seirrt» – «Работа делает свободным» и «Каждому – свое». Ни один узник, оставшийся в живых, не забудет этого никогда. Фашисты гордились такими лозунгами, планомерно выжимая из нас силы. Уже через 3–4 недели лагерной жизни человек худел и превращался в ходячий скелет.

Однажды утром, не предвидя никакой беды, мы были приведены под конвоем в мастерские, но к работе так и не приступили. Гестаповцы, ничего не объясняя, начали избивать нас прямо в строю, крича «швайне» – свинья. Мы ничего не могли понять. Чуть позднее стало известно, что накануне на мясокомбинате, где мы ремонтировали подсобные помещения, пропала свиная полутуша. Кто и как ее украл, выяснить не удалось. Фашисты спохватились слишком поздно. Нас всех строем привели в политический отдел лагеря (Politische Abteilung). Допрашивали поодиночке, избивали до потери сознания.

Помню «станок», к которому узника привязывали ремнями: включался мотор, станок начинал вращаться, а человека избивали плетками. Избитого уносили на носилках. Меня допрашивали на польском языке. «Ты еще слишком молод, – были первые слова, – скажи нам, кто украл мясо, и мы тебя отпустим на волю, ты только скажи правду». Я им ответил: «В лагере я еще ни разу не видел и не ел мяса. Никакой туши свиньи у нас в мастерских не было». Получив свою «порцию» ударов, я был вынесен на носилках. Затем всех нас, окровавленных, повели в лагерь и поместили в 10-м блоке, где, как и в 11-м, были устроены одиночные камеры, имелись спецустройства для пыток и стена смерти, у которой расстреливали узников после допроса. В конце концов один из старших узников взял вину на себя, его жестоко избили и на глазах у нас расстреляли. Через некоторое время нас отпустили по своим блокам. После этого я еще больше возненавидел фашистов.

Старшие товарищи после случившегося оказывали нам особое внимание и заботу – подкармливали и лечили. Со временем я стал догадываться, что в лагере существуют подпольные организации. Нас порой использовали для передачи записок, оповещения узников. Учитывая мои знания польского, русского и белорусского языков, меня направляли в те или иные блоки, где можно было получить какую-то информацию. Благодаря этому я подружился с русским военнопленным Виктором Липатовым (его лагерный номер 128808), встречался с поляком Юзефом Циранкевичем, видел генерал-майора Дмитрия Михайловича Карбышева, Александра Лебедева, которые возглавляли подпольные организации.

Следующий эпизод связан с тем, как меня поймали в воротах лагеря. За поясом было 3 батона вареной колбасы. Я выполнял поручение узников: во что бы то ни стало доставить колбасу в лагерь для поддержания больных. Долго меня готовили к этому – примеряли, обвязывали веревками, и казалось, что никто и никогда ничего не заметит. Но либо кто-то донес, либо просто собаки учуяли мой груз. Когда я вместе с другими проходил главные ворота лагеря, меня вытащили из шеренги и повели на апельпляц, где всегда стояли виселицы, станок для избияния. Меня поставили на табуретку под виселицей и приказали держать колбасу в руках. Так я стоял несколько часов, ожидая смерти.

Трудно передать словами то, что со мной было в те часы. Узники 18-го блока, с которыми я жил, были уверены, что я погибну. Но свершилось чудо, я так считаю. В этот вечер проверка затянулась на многие часы. Возможно, проводились незапланированные чудовищные акции в связи с подходом большого количества составов, и крематории не справлялись с работой, не знаю. Разъяренный и слегка пьяный, комендант лагеря Рудольф Гесс, подойдя, начал избивать меня своей плеткой, крича «швайне», «ферфлюхте швайне» – свинья, проклятая свинья. Я упал, колбаса свалилась, я пытался подняться, но удары продолжались, и я снова падал. Через некоторое время он остановился. Может быть, Гесс уже выполнил свой план работы и изрядно устал? Но он вдруг с криками «ляус, шнеллер» погнал меня к блоку, где мое место еще пустовало.

Мои страдания, а затем освобождение, в которое никто не верил, запомнили многие узники, особенно оказавшиеся вблизи места действия, около виселицы, в колонне 18-го блока. И сам я тоже долго не мог поверить в случившееся чудо. А может быть, Гесс просто пожалел меня, маленького, истощавшего от голода и других невзгод?.. Такие мысли приходят мне иногда в голову. Юзеф Циранкевич приходил ко мне, хвалил за мужество. Подобных эпизодов в лагерной страшной жизни случалось много. Узники знали, что обречены на гибель, что из этого лагеря живыми не выходят.

Часто в лагере проводились акции по отбору ослабевших узников. Они осуществлялись обычно в выходные дни или после вечерней проверки. Всех по блокам раздевали догола, пропускали через так называемую баню и комиссию, состоящую из врачей и эсесовцев. Обливая холодной водой из брандспойта, нас приводили в чувство и по одному направляли на осмотр. Технология отбора была проста – здоровых направо, больных и ослабевших – налево. Тут же записывали номера только «левых». Это был сигнал: завтра уже не направят на работу, их ожидает смерть в крематории. Нередко бывали случаи подмены некоторых узников, ибо регистрацию больных проводили гражданские врачи (поляки, фольксдойчи), которые были связаны с руководителями подполья.

Жесткие правила лагерной жизни приучили нас к борьбе за самосохранение, к дружбе, взаимопомощи и взаимовыручке. Нередкими были случаи самоубийств – люди не выдерживали побоев, унижений, тяжкого труда, издевательств, голода и холода и уходили из жизни, вскрывая вены, бросаясь на колючую проволоку, по которой проходил ток высокого напряжения, и т.п. Мы уже привыкли к режиму лагерной жизни. Акции фашистов продолжались. Были и побеги из рабочих команд. Тогда убитых узников и их еще живых товарищей помещали на апельпляце для всеобщего обозрения.

Вторая мировая война была в разгаре, фашисты отступали, а мы были обречены.

В конце августа 1944 года нас построили в колонны и направили сначала пешком, а потом на открытых железнодорожных платформах в концлагерь Гроссрозен, недалеко от Бреслау (ныне Вроцлав). Это небольшой лагерь, расположенный в горах, и мы работали главным образом в каменоломнях. Условия жизни были тяжелейшими. Охранники – власовцы проявляли особую жестокость. Здесь не было никакой медицинской помощи. У меня на шее сохранились шрамы от фурункулов, которые мне вскрывали старшие узники лезвием и промывали мочой. Погодные условия сказывались на здоровье узников. Ежедневно на специальных тележках трупы увозили в крематорий.

В феврале 1945 года нас опять перегнали, теперь в концлагерь Нордхаузен – у концлагеря Дора у Магденбурга. Он находился в промышленной зоне. Нас разместили в

пустующих ангарах. Спали на бетонном полу. Кормили один раз в сутки запаренной неочищенной брюквой. Мы уже не работали: голодные, озябшие, больные мы едва передвигали ноги и ждали окончания войны.

В один из дней начала апреля 1945 года американская авиация бомбила Магденбург, в том числе и наш ангар. Плотность огня была очень высокой, и день превратился в ночь. Многие погибли. Я уполз с двумя узниками, и, переползая из воронки в воронку, укутываясь найденными одеялами, мы, наконец, добрались до стога сена. Легли спать, но передохнуть не удалось – нас обнаружили гитлерюгенды, вооруженные автоматами, с собаками. Они разметали наш стог. Позже мы узнали, что нас предал «остарбайтер» – русский или украинец. Один из нас имел неосторожность под утро выйти из стога и попросить у него хлеба и какой-нибудь пищи.

Нас снова погнали в лагерь, но повторилась бомбежка, и мы скрылись в лесу. На этот раз мы уже обзавелись оружием (гранаты, автоматы), подобранным в лесу. Вырыв окопы, мы спрятались в них, накрывшись ветками. Так мы встретили американские войска.

Нас накормили и передали в госпиталь. Это было 11 апреля 1945 года – мой второй день рождения. Нас взвесили, и я узнал, что в мои неполные 15 лет вешу 15 килограммов 300 граммов. За нами ухаживали, лечили и хорошо кормили. Предлагали поехать на постоянное жительство в США.

Теперь я думал только об одном: скорее бы поехать домой, надеялся увидеть своих родных. Через 5–6 недель по нашей просьбе нас перевезли в советскую зону и передали в лагерь для перемещенных лиц во Франкфурте-на-Одере. Здесь нас продолжали лечить, проверяли и готовили для отправки на родину. Везли нас на автомобилях с походной кухней через Польшу до Ковеля, где отпустили по домам.

В Гродно я добрался в августе 1945 года. У меня не было ничего, кроме котелка, одет я был в американский свитер. От железнодорожного вокзала я шел пешком по улице Ожешко хорошо знакомыми местами. Открыв калитку родного двора, я вошел,

меня встретила собака и сразу, к моему удивлению, узнала. Услышав лай, выглянула дворничиха и повела меня к себе. Она рассказала, что в нашей квартире вся мебель на месте, а живет в ней пани Стефания Шурковская. Затем она повела меня в квартиру на первом этаже, в которой проживала семья полковника Матвея Кислика. Я рассказал им о себе, и они стали заботиться о моем трудоустройстве и жилье.

Вскоре исполком официально вернул мне родительское жилье, меня определили учеником повара в ресторан «Неман» на улице Энгельса, 20. Пани Шурковская уехала к своей дочери в Варшаву, а я начал новую жизнь, теперь уже трудовую. Первое время, по словам пани Шурковской, я вставал ночью и во сне воспроизводил лагерные команды «мюце ауф», «шнеллер» и другие. Меня обследовали врачи. Я получил свидетельство о рождении, а затем, уже в 1946 году, первый паспорт. Фотография того года у меня сохранилась.

Прошли годы, но в памяти моей не померкло прошлое, особенно период 1941–1945 годов. В целом жизнь сложилась удачно, не считая сложностей, без которых ее не бывает. Я выучился, стал профессором. Меня всегда сопровождали хорошие, добрые и отзывчивые люди, а я старался быть похожим на них, оставаясь в то же время самим собой. Я жил и живу по принципу – делать людям добро, всегда и во всем помогать нуждающимся, непременно выполнять намеченное – свои планы и программы. Я никогда не стремился к накопительству. Нашу семью несколько раз выгоняли из дома, не позволяя взять с собой что-либо. Я видел много горя, несправедливости, равнодушия, чванства и тому подобного как в детстве, так и взрослым.

...Уровень жизни наших бывших малолетних узников постоянно снижается, и этому не может быть оправданий. Люди, доживающие свой век, должны жить в достатке – они это заслужили. Мы продолжаем надеяться на лучшее. Известно, что жизнь – это борьба, и в ней всегда есть победители и побежденные. Мне часто приходят на память слова генерала Дмитрия Карбышева: «Люди, будьте бдительны, мы победим». Это было сказано в феврале 1945 года. Жизнь продолжается.

В декабре 1989-го мы создали Полтавское отделение Союза малолетних узников Украины, и я являюсь его председателем. У нас на учете состояли более 600 человек, в том числе 55 бывших узников концлагерей смерти. Начиная с 1994 года, все получили так называемую компенсацию в размере 600-1000 немецких марок. Нас приравнивали к участникам и инвалидам войны и даже к участникам боевых действий. Однако ни льготы, ни поступающая изредка материальная помощь не позволяют доживать век в достатке. При этом ежегодно уходят из жизни по 20 и более человек.

Однако мы живем надеждами на лучшие времена. Надежда умирает последней.

À îôîðî äáí èè èñîîüçîááî ù ðèñîî èè

Èîñîòà Áàó

ОДИН ИЗ НИХ, СЛУЧАЙНО ВЫЖИВШИЙ...

(Воспоминания о сорок девятом годе)

Ἀεὶαὶ εἰ εἰδ᾽ Ἐἰδ᾽ εἰεἰᾶ

«Знаменитое стихотворение К. Левина “Нас хоронила артиллерия” ходило по рукам всей литературной Москвы первых послевоенных лет. Левин, элегантный независимый холостяк, жил литературными консультациями, печататься не старался... По мнению Слуцкого – один из лучших поэтов фронтового поколения, запоздало присоединившийся к их плеяде».

Ἀεὶαὶ εἰ Ἀεὶοῦαίεἰ.

Ἐς ἰδαεἰεἰᾶεἰ εἰεἰεἰοῦεἰεἰᾶ

Ἐἰεἰεἰοῦεἰεἰᾶ Ἐεἰεἰᾶ ἰεἰεἰεἰεἰεἰεἰ «Ἰοῦεἰεἰεἰ».

Стихи он писал с детства, но, сын врачей, по семейной традиции летом 41-го поступил в медицинский институт и после первого семестра был взят в противотанковое училище. Командовал взводом сорокапятков – сорокапятимиллиметровых противотанковых пушек, бивших по немецким «Тиграм» и «Фердинандам» прямой наводкой и с самой короткой дистанции. В такой артиллерии мало кто выживал. Оттого ее и прозвали «Прощай, Родина!». За четыре месяца фронта Костя был дважды награжден орденами Отечественной войны обеих степеней и дважды ранен: сначала в голову, затем ему миной оторвало ногу. В двадцать лет, сердце и красавец, он стал инвалидом.

Провалившись с год в госпиталях, Костя услышал о существовании Литературного института и выслал документы в Москву. Приняли его со скрипом. Стихи показались приемной комиссии мрачноватыми. Так, в «Реквиеме Валентину Степанову» были строки:

È ì àò àðè ðáòò ìí ìòáí èéííú
È, ì íæáò, íá òíéúéí èéííú ðáòò,
È áúðò ìáú á ÷ àðéòð áðáúí
è äðàéííí
Íðäèí èáí í íã Áíã çíáòò.

Разумеется, смущали комиссию не столько строки о Боге, сколько неясность: не портрет ли вождя, кроме икон, рвут со стен матери? Однако лето сорок пятого было сравнительно либеральным, и, снизойдя к его боевой биографии, комиссия зачислила Костю на первый курс. Так мы с ним познакомились и, хотя он был четырьмя годами старше, подружились.

Учился Костя хорошо. Лекций не прогуливал. Четким, с легким наклоном почерком конспектировал все, что читали профессора (по этим конспектам лентяи всего курса готовились к экзаменам). То ли за войну соскучился по учебе, то ли был с детства упорен и трудолюбив, но студента прилежнее Кости мне встречать не приходилось, хотя я перебивал во многих вузах.

Невысокого роста, стройный, он всегда был подтянут. Армейская форма без погон сидела на нем ловко, а уж в штатском и при галстукке он был невероятно элегантен. Лишь едва заметная хромота напоминала о ранении, но никто не верил, что у него нет ноги. Протез немилосердно натирал культу, однако Костя ни за что не пришел бы в институт на костылях.

Жил он бедно и в углах – не по Достоевскому в углах, а в самых реальных углах, то есть снимал в хозяйской комнате койку и тумбочку. Так продолжалось пять институтских лет и еще двенадцать – спустя. Доходы у него были скромные: стипендия и мизерная инвалидная пенсия. Отец и мать – они давным-давно развелись – помогали ему как могли, но возможности их были ограничены.

Однако Костя на судьбу не жаловался. Наоборот, старался выглядеть победителем жизни. В пивных (а в дни стипендии мы заглядывали в пивные принять сто грамм с прицепом, то есть вливая водку в пиво) он вечно с кем-нибудь дрался.

– Ты как Байрон, – говорил я. – Тот, чтоб не комплексовать из-за хромоты, переплыл Ла-Манш... Но пожалей вывеску.

– Байрон – своей тоже не жалел, был кулачным бойцом, – отвечал Костя.

Сходство с Байроном – хромота, дерзость, драчливость, успех у женщин и, наконец, поэтический дар – ему явно льстило. Он даже написал стихотворение «Дон Жуан»:

*Ââ:ââî è îî îîî î îé öëÿâé
 Îî äîîúîá õîäè ò îî Î îîéââ
 Â î:âî üîîðîé, â î:âî üî ÿäîé öëÿîá
 Â î:âî üîîáçè:âî îé ò îîéâ
 Êâî îî áîé? Êîîâîîâî èëüââââî,
 Êèè îéîîâðî îîîîððâî?
 Ââîðâðî? Âîðâîîî Âðâîî?
 Òâé èè ÿò î ââæî î öæ äëÿ ââî?*

Это стихи сорок шестого года. Но и через двадцать лет он писал о том же:

*Îâî úéîé, îâîîîé, îâîðîé,
 Â âîî-òâèè â:âî-òî îîéâî,
 Ê òâîðâîââî äîâî äèèâðîé
 Òî äîððâîðâîîéèâîðü îî.

 Îî õüöèè èç äîîæâîî îâ
 Ââ âèèè î, èó:öâî îâð.
 Ê âî ò öæââðîâî öèè çâîî üÿ:
 Òîéîâîîé äçâðð èâîîéâ,
 Ê îîéâ, è æâæââ çâââîî üÿ,
 Ê òâî î îâ:âîî äðâââ*

В первые литинститутские годы он много работал, настойчиво искал свою тему и свою интонацию, обращаясь то к Северянину, то к Симонову, то к Пастернаку, то к Твардовскому. Но среди этих разнородных, разношерстных влияний уже мелькало что-то свое.

Стихотворение «Нас хоронила артиллерия...», несмотря на явные заимствования из Пастернака, многие молодые поэты знали наизусть, говорили о нем, спорили. Оно было написано от имени поколения павших. Там были строки:

Îâèî èç îèð, îéó:âéîî âîæèâèé,

È èèøüíîîî ãðòíî ïðèçíàí áúë,

В òàè è ðààèñü' èç áúëíã,

Êíòíðíã ÿ íáëþàèè.

В áúë ñèóíàé, ÷àí èàæáúë òðàòèé,

Çèííàí ÿòíàá ÷àí øãñòíé.

В ñ-ãñòüü òàè-òàèè íáãñòðàòèè,

Äà, äàæá íá íãííé Øãñòíé!

.....

Í î äàæá á òãñ èðíãããíò äàèüõ,

Äãá áúøèà ñ ãðòü íá èãðíããè,

Øãáü, íãðíã, òãáü, ñòðãããèã,

В í èèíããà íá çãáúãèè.

Неожиданное сочетание Северянина с Твардовским. Но каких только коктейлей не знала наша поэзия! Однако в этом стихотворении уже прорезалась своя тема!

Êíããà, ñòüí óàøè áíèüá çàòúèèá

Êðíãããé òðüíéíé, á î áüòá

Ñ íðíòèãíòáíéíãé áóòúèèé

В ííèçííã òáíé íá æèãíòá

Í á î ãñòü, íá ÷ãñòü íá ííèáãðáíé,

Í á ñèããà è íá èðíãí ãðóçáé,

Äðóããà ñ ãðòííá ææãííã

Íðæãè í íá òãèíãí èíñòáé.

Áúèà òí æàæããããèíãü

Êíã-òí íãðãããèòü

Íãñòüá ÷èñòíí ííèáóí èðãü,

Í íá ãíãíèòáí è ñãðãü,

Í î ï ðããî ò ó ñãî þ èõí è òü
Β áúë í á èó:σά, í á õðããðãã
Î î õ ï ðëíá, î î õ ñëääò,
Î ñò à ò éá í à σáé á à ò à ðãé,
Áî ï áéáí í íé σãñòü ÷ à ñ á í î äðÿä
Β áúë í á èó:σά, í á äíáðãã
Í î, ééããò á á í ðí ò è á ï á ñ
Β î î èç í î ä ÿ ò î ò ò á í é á ðããí
Ñ ã ð þ ÷ áé æ è ä é î ñ ò ü þ «ÈÑ».

Борис Слуцкий, опровергая ходячее среди темных слоев мнение – власти всемерно подпитывали его – мол, евреи не воевали, – написал в середине пятидесятых замечательные стихи «Про евреев»:

Éããí á î éí î á äî þ á ò,
Áá ðããí á ðããé í î á äí ðããò.
Β á ñ á ÿ ò î ñëü σ á è ñ á à ò ñ ò á à,
È ñëí ðí ñ á ñ á ï î ñ ò à ðã þ.
Í î á ñ á í è é ó ä á í á ä à ò ü ÿ
Î ò é ð è é á: «Á á ðããé, á á ðããé!»

И в других стихах Слуцкого эта тема зазвучала мощно, широко и убедительно. Но все-таки задолго до Слуцкого к ней прикоснулся Константин Левин, за что и поплатился.

На Костино стихотворение нашим сокурсником была написана пародия. Приведу ее первую строфу:

Î ù í á í ðí ñ ò è ò æüü î ñ ò à ðããí,
Í á ðããé ä ä ÿ ñ ï é í á é á é
× ò í á ï ñ é ç à ò ü? Β á ú é á á ðããí,
Í î ÿ ò î á é á í î ä ä æ á ò á é..

Что, кстати сказать, неверно: внешность у Кости была среднеевропейская.

Года через полтора на институтском вечере поэзии Костя прочел эти стихи, и тут студенты – члены партбюро почуяли: пришел их звездный миг. В «Золотом теленке» Ильфа и Петрова есть фраза: «Параллельно большому миру, в котором живут большие люди и большие вещи, существует маленький мир с маленькими людьми и маленькими вещами».

И вот эти партийные студенты, как на подбор, бездари, поняли, что начавшаяся антикосмополитическая, а по сути юдофобская кампания открывает им путь в большой, как считали они, мир Союза писателей, где они могут сразу стать фадеевыми и софроновыми. Им это не удалось – и поделом. Подлость не всегда оплачивается, и сегодня имена тех институтских громил никому ничего не скажут.

Не исключаю, что помимо карьерных их переполняли и другие чувства. Безусловно, Костя их раздражал и своей франтоватостью, и байронизмом, и несомненным успехом у студенток всех пяти курсов.

Итак, партбюро постановило изгнать Константина Левина из института и комсомола, и в тот же день навязало свою волю комсомольскому собранию. За долгую жизнь мне пришлось повидать немало подобных шабашей. Должен сказать: редко кто держался с таким достоинством, как Костя Левин на этом собрании. Он сказал, что не чувствует за собой никакой вины, чем еще пуще обозлил громил и карьеристов. Они привыкли к униженным покаяниям. Совсем недавно они изгнали из института защищенных кандидатскими степенями и профессорскими званиями преподавателей-евреев, и, наслаждаясь их жалкими самоговорами, радостно над ними глумились. А нам, сидевшим в зале студентам – евреям ли, полуевреям или просто нормальным людям, было горько и стыдно за себя и за этих заслуженных людей.

А тут перед всем собранием стоял ничем не защищенный инвалид войны и спокойно утверждал свою правоту. И это многих из нас обнадеживало. Тогда, в сорок девятом, я Костю защитить не мог, но мучившие меня чувства откликнулись позднее. С 1966 года я подписывал, начиная с дела Даниэля и Синявского, все письма в защиту осужденных. В марте 1977 года, когда за защиту академика А.Д. Сахарова меня исключали из Союза писателей и его секретари бесновались не меньше активистов сорок девятого года, пример Кости Левина во многом мне помог.

Гражданское мужество, с которым держался Костя Левин, по тем временам было неслыханным, и оно запомнилось многим. Поэт Евгений Винокуров спустя лет сорок рассказывал об этом моей жене, с которой тогда работал в «Новом мире», и всё удивлялся, как у Кости достало сил выдержать такое: ведь его никто не защищал.

Однако это было не совсем так. Один человек за Костю все же вступился. Это был заместитель директора по хозяйству, участник гражданской войны, полковник Львов-Иванов. Ходили слухи, что первую фамилию ему присвоил за храбрость то ли Фрунзе, то ли Троцкий.

Когда речь зашла об исключении Кости из комсомола, он сказал:

– Я так понимаю: главную обязанность советского гражданина Константин Левин выполнил – храбро воевал, потерял ногу. А в стихах не разбираюсь, со стихами решайте без меня.

Деятелей партбюро это огорошило, и, чтобы не создавать себе лишних сложностей в высших инстанциях, они согласились на строгий выговор с формулировкой: достоин исключения.

Окрыленный неожиданным поворотом дела, Костя попытался восстановиться в институте и на другой день отправился в Союз писателей. Там сказали:

– Принесите стихи – разберемся.

Однако стихи о том, что он был евреем и не встретил счастья даже на одной Шестой, нести было бессмысленно. А таких стихов, которые могли бы понравиться в Союзе писателей, у Кости не было. И тогда он за несколько дней написал стихотворений двадцать. По оснастке, рифмам и ритму они были неплохи, чего никак не скажешь о содержании. Одно, помню, посвящалось речи Вышинского в ООН:

Áá ðàçáàðò úááàò, ñëíáí î çí àì ý,

Í ðíçááàò è è ã ì è í ááí í áñè è ñ è ä ä ð.

– Окстись, – сказал я Косте, когда он показал мне эти строки. – Где и в какой газете гоминдановский солдат найдет эту речь? И, если для тебя она не знамя, почему она знамя для него?

Другое стихотворение было о Генеральном секретаре французской компартии:

Ñáíáíáí è áðááè ð ã ð í á á: í í þ í è,

Í á çàò ð í á í í è í à Í áð-Èàò á;

Á è ð à þ ù á è í ä ñ á ç á í á ñ è è ò ð è á ó í è,

È í ä ä ð ñ ò á è í é í á è è ä ä ð Ò í ð á;

Примерно о том же были и остальные стихи. Прочитавший их Лев Ошанин резонно спросил:

– А почему он прежде писал другое? Это заставляет сомневаться в искренности вновь представленного.

Целый год без стипендии, с просроченной пропиской, несколько раз попадая в милицию, Костя ходил в Союз писателей, пока его не принял Алексей Сурков, тогдашний второй секретарь, посочувствовал ему, но попросил принести другие стихи, более нейтральные.

Костя их тоже написал, но прошло не меньше года, пока Сурков, а он, когда мог, пытался помочь, – было и это в нем, было! – преодолев немалое сопротивление писательских и литинститутских функционеров, восстановил Костю на заочном отделении.

И тут – странная вещь – Костя еле-еле, на одни тройки сдал пропущенные сессии и госэкзамены. Что-то в нем сломалось. Костюм и обувь он по-прежнему чистил

тщательно, а вот охота к учебе и даже к чтению – а ведь какой был книголюб! – у него пропала: началась стойкая абулия – болезнь воли.

Мы Костей были близкими друзьями. Загадка его судьбы мучит меня до сих пор. Я все еще пытаюсь понять, что же его сломило.

Фронт? Но там он себя показал храбрецом: воевал в самом опасном роде войск, заработал за четыре месяца два ранения и два ордена (на самом деле – три; но представление на третий – Боевое Красное Знамя – за то, что он из своей крохотной пушечки подбил немецкий «Тигр», пока Костя валялся в госпиталях, затерялось).

Ампутация ноги? Протез, в самом деле, вечно натирал, культя без конца гноилась, несколько раз Костя ложился в больницы, но все-таки до самой смерти ни разу не вышел из дома на костылях.

Комсомольское собрание? Но он держался на нем так, что на долгие десятилетия стал недостижимым примером для многих и казнь эту выдержал.

Конечно, и фронт, ранение, и шабаш сорок девятого отняли у него немало сил и нервной энергии, хотя Костя никогда не позволял себе распускаться и ни разу даже в самых горячих спорах не повышал голоса.

И все-таки мне кажется, что главную роль в этом надломе сыграли двадцать написанных впопыхах для Союза писателей стихотворений. Нельзя писать то, во что не веришь, во что не вкладываешь душу. Особенно это опасно в молодости, когда в твоей работе еще нет прочного задела, и тебе еще не на что опереться. Стихи Ахматовой о Сталине не сломали ее, хотя крови ей – свидетельствую лично – попортили немало.

Для своего диплома Костя отобрал с десятков стихотворений. Их высоко оценил Ярослав Смеляков. Он привел Костю к Симонову, тогда главному редактору «Литературной газеты». Симонов тоже написал рецензию на Костин диплом. Но даже эти два отзыва (а Симонов в тот год был председателем государственной экзаменационной комиссии) с трудом преодолели упорство литинститутского начальства, и Косте за дипломную работу еле-еле натянули тройку.

Летом пятидесятого года Симонов послал Костю в командировку по тем местам, где воевал Костин взвод, с заданием написать поэму. Костя написал первый вариант вещи. Ее редактировал Ярослав Смеляков. Но вскоре Смелякова арестовали. Симонов тоже ее редактировал, несколько раз встречался с Костей, но, в конце концов, должен был признать, что поэмы не получилось.

Зарабатывал Костя на жизнь в литературной консультации Союза писателей. В те времена каждый пишущий стихи мог отправить в комиссию по работе с молодыми свои произведения и получить развернутый ответ. Константин Левин считался мастером таких ответов. Он внимательно читал тексты и, представляя, что за каждым стоит человеческая судьба, анализировал их с присущей ему логикой и доброжелательностью.

В этой комиссии его ценили, любили: недаром работавшая в литературной консультации Людмила Георгиевна Сергеева после Костиной смерти составила книгу его стихов, что сделать было вовсе не просто. Многие стихи не были Костей записаны. Некоторые из них я диктовал по памяти моему другу, редактору Костиной книги, Виктору

Фогельсону. Без его стараний и самоотверженности Людмилы Сергеевой этот посмертный сборник не вышел бы.

Много помогал Косте и Борис Слуцкий: доставал всякие составительские работы, литературные записи, даже однажды уговорил дирекцию Театра на Таганке заключить с Костей договор на инсценировку об Отечественной войне. Но Костя к работе даже не приступил. Деньги пришлось возвращать. И тогда огорченный Слуцкий сказал свою знаменитую фразу:

– Еврейский народ настолько обрусел, что даже создал своего Обломова.

Последние три года Костя провел на Каширке. У него открылась редкая для мужчин болезнь – рак грудной железы. Операция не помогла, многочисленные сеансы химиотерапии – также, и он умер в конце 1984 года. Ему было шестьдесят лет.

От Константина Левина ожидали многого. О том, что он смог сделать, сложись его жизнь иначе, о его своеобразном даровании лучше всего, на мой взгляд, скажет одно восьмистишие. Оно вошло как в книгу, так и в евтушенковские «Строфы века».

Эти восемь строк я впервые услышал не от Кости, а от Бориса Слуцкого. В году шестьдесят девятом неожиданно утром Слуцкий пришел к нам домой, прочел их наизусть и сказал:

– Такие стихи никто другой не напишет. Я их запомнил сразу.

В устах Бориса это была высшая похвала.

Áúě ŷ ōī ōđ è çàσæě á đáññò í đái «Éàì à».

À çàσæě í í:áì ó- í đíŕíæě í èì í.

Đái í đéáññò đéé è áñæé è íáí à ááì à

Áñ æđáèà, áñ æđáèà í íñđáæ äúì à

В çàσæě, í íãŷááé, çáéçàé, áúì éé.

Í íñéááé, í íãŷéŷé, í íéóđéé, áúì σæě

В äááí í èç èãú èç áíëüŕíé áúáúé

É ò áéíŕ ōáí í é í à đđái à áúæéé..

ОН ПОМНИЛ ТОЛЬКО, ЧТО ОН ЕВРЕЙ

Ėāī ēā Ėīāāēū

Подлинная история в письмах

Собирая материалы по истории геноцида евреев на всей территории бывшего СССР, я, казалось бы, был готов ко всяким неожиданностям, самым невероятным по своей жестокости фактам, впрочем, как и к примерам иного звучания – примерам мужества и отваги людей, спасавших обреченных, рискующих своей жизнью, жизнью близких... Не знаю, какое лицо у войны. По-моему, не женское и не мужское. Даже уверен, что у войны нет лица.

Не так давно я участвовал в Международной конференции «Россия и уроки Холокоста» (надеюсь, настанет час, и прозвучит наконец тема «Латвия и уроки Холокоста»). Так вот, на той конференции, что проходила в Москве, ко мне подошла невысокого роста миловидная женщина (оказалось, как и я, окончившая Белорусский университет), ее глаза так и светились добротой.

– Я – Фрида Рейзман, председатель Белорусского общества бывших узников гетто. Я читала ваши книги. Может быть, вас заинтересует эта история.

И она протянула мне письмо.

Ī ēññ ī īāāāā

«Уважаемая госпожа Рейзман!

Я доброволец в мельбурнском еврейском музее Холокоста. Вчера к нам пришел человек с очень необычной судьбой и попросил помощи. Все мы, работающие в музее, бывшие жертвы фашизма, но его судьба даже нам показалась несколько невероятной. Вот история его жизни вкратце.

Он не знает ни своего имени, ни фамилии, даже не знает, сколько ему лет. Единственное, что он знает и помнит всю свою жизнь, это то, что он еврей. Когда началась война, его семья жила в селе Кайданово. Позже он узнал, что оно переименовано в Дзержинск и находится недалеко от Минска. Когда немцы пришли в Кайданово, всех евреев загнали в гетто...

Как-то вечером мама сказала, что завтра их всех расстреляют. Он хотел жить и убежал ночью... Пошел по селам, просил хлеба, какой-то мужчина узнал его, схватил за руку и привел к солдатам, которые расстреливали евреев. Мужчина сказал, что мальчик – еврей и его тоже надо расстрелять. Солдаты, к которым мужчина привел мальчика, были латыши. Они убивали партизан и евреев.

Один из солдат завел мальчика в комнату и там оставил. Утром этот латыш снова появился в комнате, и мальчик спросил:

– Дядя, а когда вы меня убьете?

Солдат посмотрел на него и ушел, а затем вернулся не один. С ним были еще несколько солдат-латышей.

– Мы уходим отсюда, – сказал один из солдат. – Хочешь пойти с нами?

Он согласился. Они за ним смотрели, как за собственным сыном. После войны они отправили его в Ригу, и он воспитывался в латышской семье. Никто никогда не спросил его о национальности... Когда его приемная семья эмигрировала в Австралию, она взяла его с собой. Они хотели его официально усыновить, но он не согласился.

– Я – еврей, – говорил мальчик, – и им останусь.

Дорогая госпожа Рейзман, все, что хочет узнать этот человек, так это установить свою настоящую фамилию... Всех родных его расстреляли наутро после того его побега из гетто. Он помнит, что отец был кожевником, единственным кожевником в этом селе. Помнит, что рядом с хатой всегда сушились шкуры, и отец делал из них разные вещи. Кто-нибудь на селе должен помнить имя единственного кожевника, может быть, даже имена его детей. Пожалуйста, от всего сердца молю вас, помогите этому человеку. Он не хочет умереть, имени своего не знаячи...

Библиотекарь-доброволец А.П. 21.8.96». (Я решил не называть имени и фамилии этой благородной женщины. – Л.К.).

Ї еііі і ааііа

«Уважаемый Леонид, здравствуйте!

Итак, сразу по существу дела, заинтересовавшего вас. Получила письмо из Мельбурна – оно шло ко мне целых восемь месяцев, но Б-гу было угодно, чтобы оно не потерялось... Прочитав письмо, я стала искать в Минске людей, знающих кого-либо из Дзержинска. Мне подсказали, что во второй больнице работает лаборанткой женщина из Дзержинска. Я пошла к ней. Она мне дала координаты учительницы английского языка. Зовут ее Люба. Она еврейка, очень давно живет в Дзержинске. Вот тогда я и поехала туда. Была у этой Любы. Она мне все рассказала. Она приехала после войны в Дзержинск работать и жила на квартире – не поверите! – отца этого австралийского мальчика! Отец чудом спасся от расстрела. Он женился. Имел во втором браке двоих детей. Люба показала мне дом, где до войны жили эти люди. Указала адреса двух старожилов, которые помнили отца с довоенных времен... “Я тоже бывала у них, – сказала Люба. – В 1963 году Гальперин, – так я узнала его фамилию, – с семьей переехал в Минск. А в 1974 году он умер”.

Я, Леонид, была на кладбище, где похоронены Гальперин, его жена и дочь. Была на месте расстрела евреев... Нашла сына Гальперина от второго брака... Обо всем этом я сообщила в Мельбурн... С уважением, Фрида. 12.07.97».

Ї еііі і ааііа

«Дорогой Леонид!

Вы просили подробнее написать вам о еврейском мальчике, попавшем в Австралию. Что я и делаю.

Почему письмо шло ко мне 8 месяцев? Из-за ошибки в адресе. У меня квартира 115, а на конверте было указано 15... Но люди добрые, белорусы из 15-й квартиры, сделали все, чтобы меня найти... В предыдущем письме я не рассказала вам о случае, который может произойти один раз в тысячу лет. Наверное, так было угодно Б-гу... Слушайте.

Я готовилась к поездке в Дзержинск после получения письма, когда ко мне пришел человек, оказавшийся издателем книги “Трагедия евреев Белоруссии в годы Второй мировой войны”. Он пришел ко мне, чтобы выяснить некоторые детали, связанные с изданием второй книги на эту тему. В ходе разговора я спросила его, знает ли он кого-нибудь из Дзержинска.

– Я сам оттуда родом, – ответил он, – и мой отец..

Тогда я прочитала ему письмо из Австралии. Надо было видеть, что произошло дальше... Я и мой муж стали замечать, что человек этот буквально вращается в кресло, на котором сидел... Одним словом, выяснилось, что отец этого человека из Австралии скорее всего и его, Эрика Гальперина, отец! Так оно и вышло, Леонид! Так, кажется, бывает только в сказках. Эрик рассказал, что его отец чудом спасся, опять попался к фашистам, и они отправили его в Освенцим... Но он выжил. После войны женился на женщине, у которой погибло четверо детей...

Отец горько переживал смерть своей первой семьи... В новом браке у него родились Эрик и его сестра, умершая в 25 лет от лейкемии...

Вместе с Эриком мы побывали в Дзержинске. Мы узнали имя человека из Австралии, имя его матери, год его рождения, примерно, правда.

Итак, человек из Австралии – это Эля Гальперин.

Мы с Эриком дали телеграмму в Мельбурн, просили прислать фото. Когда пришла фотография, исчезли последние сомнения: человек из Австралии как две капли воды похож на своего покойного отца... Потом состоялся телефонный разговор между Минском и Мельбурном. Между Эриком и его сводным братом Элей, не знающим ни слова по-русски, он говорит только по-латышски и по-английски. Помогла переводчица. Когда она перевела: “Здравствуйте, братик...”, – оба заплакали...

Эля носит новое имя – Алдыс, он считается латышом, хотя сам себя считает евреем.

Этим летом Алдыс с женой собирается приехать в Минск на встречу с братом. По дороге они посетят Латвию. Посылаю вам адрес Алдыса... С уважением, Фрида. 19.03.98».

Ī ēnī ī ÷ āō āīdō īā

«Уважаемый Леонид, в связи с тем, что вы интересуетесь историей братьев Гальпериных, сообщаю следующее. Историей этой заинтересовались две кинофирмы двух стран – Японии и Англии. Хотят снять фильм. В мае этого года Алдыс и его жена вылетают в Лондон (там живет и работает их сын Марк), затем они будут в Германии, затем в Латвии и, наконец, в Минске. Еще раз высылаю вам их австралийский адрес...

Леонид, я смотрю телевизор: показывают шествие легионеров, они у нас хорошо поработали в годы геноцида... Я верю, что Латвия найдет в себе мужество найти правильный путь, не станет возводить на пьедестал тех, кто этого недостоин... Ваша Фрида. Апрель 98-го».

Я пытался найти в Риге фирму, людей – кого-то, кто заинтересовался бы судьбой тех, о ком рассказано выше. Увы, Латвия не поднимает эту тему...

ПЕРО ВОИСТИНУ ДЕЙСТВЕННОЕ АВТОМАТА

Ėàçàðũ Ĩ àũĭ ààð

60 лет назад фашистская Германия напала на Советский Союз — началась Великая Отечественная война, продолжавшаяся четыре года и закончившаяся, как известно, полным разгромом Германии, подписанием ею акта о безоговорочной капитуляции.

«Yðàĭ áóðã àũũàò ðèĕĭĭ àøĭ ũé àĭé

ñ ĭ àĭ ò àĭ è.

Ĩ ĭ àũò ĭ àĭ ðààĭ è ĭ àé àũ.

Yòĭ ã ðÿ: àÿ àò àé à...»

Ĩ. Ėàèèĭ èĭ

«Ĩ àðĭ Yðàĭ áóðã àũ èñò èĭ ó

áũĕĭ àà

éñò àũĭ ĭ àĭ ààò Ĩ ĭ àò à».

Ĩ àðø àé Ė. Áàãðàĭ ŷĭ

Сжигание 20 тысяч книг в Берлине ночью 10 мая 1933 года.

Среди имен, с которыми связана победа в этой великой войне, почетное место по праву занимает имя Ильи Григорьевича Эренбурга. Его публицистический талант проявился особенно ярко, когда он, военный корреспондент газеты «Красная звезда», находясь на передовой, не только писал как очевидец понятным всем языком – его статьи были дополнительным оружием бойцов, поднимали их дух, вселяли уверенность в победу.

В этом году исполнилось 110 лет со дня его рождения.

«Всякий из нас, людей, переживших войну, – пишет Константин Симонов, – хорошо помнит, какую огромную роль в годы войны играла военная публицистика Эренбурга, как высоко ценили ее читатели и на фронте, и в тылу, с каким нетерпением, открывая “Красную звезду” и “Правду”, искали на их страницах очередное выступление Эренбурга». И далее: «Надо к этому добавить, что и масштабы всего сделанного Эренбургом во время войны, и мера того влияния, которое имела его работа на умы и сердца военных читателей, и острота и сила его страстного публицистического пера, и то неутомимое постоянство, с которым он писал о самых сложных, самых драматических темах военных дней, – все это вместе взятое, в соединении с его несравнимым публицистическим талантом, по праву сделало его любимцем сражающейся армии, а шире говоря – сражающегося народа».

Этот отзыв К. Симонова лишь один из многих. О колоссальном значении творчества Эренбурга военной поры писали виднейшие политические деятели, военачальники, дипломаты, писатели. О нем, писателе, журналисте, написано и продолжает появляться множество воспоминаний, статей, книг.

Главный редактор «Красной звезды» тех лет Давид Ортенберг писал в своих воспоминаниях: «Тираж нашей газеты в ту пору был относительно небольшим, его не хватало для многомиллионной армии. Однако у Эренбурга читателей было больше. Его статьи вырезались, передавались по цепи, хранились, перепечатывались фронтовыми и армейскими газетами, передавались по радио, издавались листовками». Листовки с текстом Эренбурга доходили до людей в глубоком фашистском тылу, до военнопленных в немецких лагерях, даже до узников лагерей смерти.

«Его статьи читались сразу же после сводки Информбюро, а то и раньше, поскольку сводку узнавали еще до “Красной звезды” из дивизионной и армейской печати, – писал Сергей Наровчатов. – Эренбургские статьи, фельетоны, заметки проглатывались залпом. Возбуждающая сила строк поражала своей мгновенностью и безотказностью. Ненависть к фашистам у солдат была естественна и неостановима, но эренбургские строки обостряли, нацеливали и давали ей, вместе со всероссийским и всесоветским, всечеловеческое обоснование».

До сих пор бытует легенда о приказе одного из командиров партизанского отряда (по другой версии – командира батальона) – «Статьи Эренбурга на самокрутки не пускать!». «Не знаю, – пишет Ортенберг, – существовал ли он в действительности, такой приказ, я его не видел, но, если это даже легенда, она о многом говорит, и прежде всего о популярности Эренбурга».

Возможно, это – легенда. Но то, что писателю посвящали свои «боевые счета» снайперы, его зачисляли почетным гвардии красноармейцем в списки танковой бригады, в боевой расчет пулеметной команды, авиазвена, батареи, подтверждено документально. Приказы об этом с приложением красноармейских книжек и других документов во множестве приходили в редакцию газеты. Бойцы считали, что писатель находится рядом с ними в атаке, в бою.

В своей книге «Это остается навсегда» Давид Ортенберг отмечал: «Все наши редакционные работники ходили в шпалах, а потом в погонах со звездочками. Были полковниками, майорами, капитанами. Единственными нашими корреспондентами, у которых не было звания, были А. Толстой и И Эренбург». Когда об этом заводили разговор с Ильей Григорьевичем, он отшучивался: «Считайте меня рядовым необученным...»

Конечно, в его адрес поступало огромное количество писем. Трудно представить, как при колоссальной загруженности Эренбурга можно было все их прочитать. Но когда его спрашивали, неужели он и отвечает своим корреспондентам, он твердо отвечал: «Всем. Без исключения. Это все – мои друзья».

В «Красной звезде» Илья Григорьевич начал работать с первых дней войны. К этому времени ему исполнилось 50 лет, он был уже известный писатель с мировым именем, долго жил за границей, имел большой жизненный опыт. Лучше многих он понимал, что такое фашизм и его «идеология».

Эренбург был свидетелем того, как фашизм набирал силу, и за два года до прихода Гитлера к власти (1933 год) это предсказал. Он видел, как горели в Берлине костры, на которых сжигали книги, видел погромы, учиняемые фашистскими молодчиками, не понаслышке знал изуверские расистские законы, бедствия и унижения, которые принесли в завоеванные страны гитлеровцы. Он вплотную столкнулся с фашизмом в объятая гражданской войной Испании, где был корреспондентом. Наконец, он видел вступление немецких войск во Францию и описал это в своем романе «Падение Парижа».

Этот роман, состоящий из нескольких частей, предполагалось издать в Москве, куда писатель возвратился из Франции в конце июля 1940 года.

В своей знаменитой книге «Люди, годы, жизнь» Эренбург рассказывает, что, приехав в Москву, он написал Молотову, тогда народному комиссару иностранных дел, прося о встрече: хотел проинформировать его о положении дел во Франции, настроениях немецких офицеров и солдат. Но Молотов его не принял. Почему?..

В Москве в то время, по выражению писателя, настроение было скорее свадебное. Недавно – 28 сентября 1939 года – был заключен германо-советский договор о дружбе. Газеты писали, что между Советским Союзом и Германией установились дружеские отношения. Само слово «фашизм» было устранено из лексикона.

Многие известные друзья Эренбурга, которых он упоминает в своей книге, как и он сам, ненавидели фашизм, но их голоса не были услышаны. Мало того, – «Были и такие писатели, журналисты, – пишет Эренбург, – которые считали, что я рассуждаю не как советский гражданин – слишком долго жил во Франции, привязался к ней, рисуя гитлеровцев, “сгущая краски”. Однажды я услышал также такие слова (в то время диковинные): “Людям некоторой национальности не нравится наша внешняя политика. Это понятно. Но пускай они приберегут свои чувства для домашних...”. Меня это поразило. Я еще не знал, что нам предстоит».

На премьерe в еврейском театре Эренбург встретил дважды Героя Советского Союза Я.В. Смушкевича – легендарного генерала Дугласа, как называли его в Испании, где он командовал республиканскими воздушными силами. Там они и познакомились. Теперь они обсуждали, как опыт Испании сможет помочь в надвигающейся войне... А за две недели до нападения Германии Смушкевича по ложному доносу расстреляли. Такая же участь постигла и многих других.

А Эренбурга перестали печатать. Его имя вычеркнули даже из списка советских писателей, книги которых были переведены на иностранные языки. В «Известиях» – газете, где он в свое время проработал семь лет, прямо сказали: печатать его не будут. Набор книги об Испании в типографии был рассыпан. Только в газете «Труд» согласились напечатать очерки, но в них ничего нельзя было писать о немцах, можно было только ругать «французских предателей» (Петена и других).

Редактору журнала «Знамя» В. Вишневскому удалось получить разрешение на печатание первой части «Падения Парижа». Однако слово «фашизм» пришлось убрать, а лозунги демонстрантов «Долой фашизм!» заменить на «Долой реакционеров!»...

Чтобы заработать на жизнь, Эренбург стал выступать, читая отрывки из романа. Однажды его захотел послушать советник германского посольства. Читать при нем Илья Григорьевич отказался, дипломату сказали, что вечер закончился.

Но 24 апреля 1941 года все переменялось. Эренбургу позвонил Сталин. Сказал, что прочел начало «Падения Парижа» и нашел роман интересным. «Сталин спросил меня, собираюсь ли я показать немецких фашистов, – вспоминал писатель. – Я ответил, что в последней части романа, над которой работаю, война, вторжение гитлеровцев во Францию, первые недели оккупации. Я добавил, что боюсь, не запретят ли третьей части, – ведь мне не позволяют даже по отношению к французам, даже в диалоге употреблять слово “фашисты”. Сталин пошутил: “А вы пишете, мы с вами постараемся протолкнуть и третью часть”...»

Разумеется, о звонке узнали повсюду, и редакции стали просить фрагменты романа.

Видимо, Сталин понял, с каким «заклятым другом» в лице Гитлера он имеет дело и хотел воссоздать и усилить антифашистские настроения. Он считал, что у него есть еще время. Но оно было упущено – 22 июня немцы начали войну, на советские города обрушились бомбы.

«Мы сидели у приемника, – пишет Эренбург, – ждали, что выступит Сталин. Вместо него выступил Молотов, волновался. Меня удивили слова о вероломном нападении. Понятно, когда наивная девушка жалуется, что ее обманул любовник. Но что можно было ждать от фашистов?.. Мы долго сидели у приемника. Выступил Гитлер. Выступил Черчилль. А Москва передавала веселые, залихватские песни, которые меньше всего соответствовали настроению людей. Не приготовили ни речей, ни статей: играли песни... Потом за мною приехали – повезли в “Труд”, в “Красную звезду”, на радио, позвонили из министерства обороны».

На борьбу с фашизмом Эренбург положил все силы, весь талант, сделав свое перо, по образному выражению маршала И. Баграмяна, «действительнее автомата».

К нему обратились и ведущие зарубежные органы информации: им нужно было достоверное и объективное освещение событий. «Никогда в жизни я так много не работал, – вспоминал Эренбург первые месяцы войны, – писал по три-четыре статьи в день; сидел в Лаврушинском и стучал на машинке, вечером шел в “Красную звезду”, писал статью в номер, читал немецкие документы, радиоперехваты, редактировал переводы, сочинял подписи под фотографиями... Начали приходиться телеграммы из-за границы; различные газеты предлагали мне писать для них: “Дейли геральд”, “Нью-Йорк пост”, “Ля Франс”. Шведские газеты, американское агентство Юнайтед Пресс. Приходилось менять не только словарь – для красноармейцев и для нейтральных шведов требовались различные доводы. Чуть ли не ежедневно я выступал по радио – и для советских слушателей, и для французов, чехов, поляков, норвежцев, югославов».

Так же напряженно Илья Григорьевич работал и во все дни, месяцы и годы войны. Его работоспособность удивляла даже его коллег по газете, хотя и сами они работали не щадя сил. Об эренбургской «работоспособности, равной таланту», писал его друг, писатель Евгений Петров.

Кроме «Красной звезды» статьи Эренбурга печатались в «Правде», «Известиях», «Комсомольской правде», «Красном флоте», фронтовых и армейских газетах, журналах «Красноармеец», «Пропагандист», «Смена», «Ленинград»...

Автор монографии «Публицистика Ильи Эренбурга против войны и фашизма» (М.-Л., 1965) А. Рубашкин подсчитал, что за годы войны Эренбург опубликовал в

отечественных газетах и журналах более 1000 статей, очерков, заметок, фельетонов. Он еще не знал о статьях, написанных для зарубежных агентств. А таких оказалось свыше 300. Считается, что с учетом всех публикаций за 1418 дней войны Эренбург опубликовал свыше 1500 работ.

Почти все статьи, вышедшие в отечественных изданиях, включены в трехтомный сборник писателя «Война» (1941 – 1944 годы). По сути, они освещают каждый день военной жизни, и их справедливо называют «летописью войны». И еще это, безусловно, летопись героизма народа – как писал Эренбург, «подвиги стали будничными, а героизм был воздухом – им дышали и его не замечали».

Статьи для зарубежных агентств, которые Эренбург писал по просьбе Совинформбюро, вошедшие в зарубежные эренбургские сборники («Закал России» и другие), при жизни писателя на русском языке опубликованы не были. Лишь через семь лет после его смерти они вышли отдельной книгой «Илья Эренбург. Летопись мужества, публицистические статьи военных лет». (М., 1974).

Редактором первого издания книги был Б. Полевой. Спустя 9 лет вышло второе издание, дополненное обнаруженными за это время статьями. Составитель книги Л. Лазарев в послесловии пишет: «После смерти писателя рукописи его статей, писавшихся для Совинформбюро, были обнаружены (к сожалению не все) и переданы в его архив». Часть рукописей хранилась у Ирины Ильиничны Эренбург – дочери писателя, которая участвовала в подготовке книги.

В дополнение к упомянутым зарубежным изданиям составитель добавил еще английские «Ньюс кроникл» и «Ивнинг стандарт», французскую «Марсельезу», газеты, выходящие в Йоханнесбурге, Бейруте, Каире. Рукописи этих статей у писателя не сохранились. «Он вообще мало заботился о своем архиве, – пишет Л. Лазарев, – тем более в дни войны не было у него для этого ни времени, ни сил, ни охоты. Когда он писал свои статьи, он думал только о сегодняшнем их воздействии, о том, “как они работают на победу”. Сам писатель отмечал, что в его статьях “напрасно искать художественные описания и размышления. Это только боеприпасы”».

Эти «боеприпасы» весьма эффективно срабатывали и за рубежом.

А. Коллонтай, бывшая в годы войны послом в Швеции, сообщала начальнику Совинформбюро Лозовскому: «Здесь левые газеты просят статьи Эренбурга и его фронтовые заметки. Эренбурга здесь хорошо знают, и нам эти статьи будут весьма полезны». И лично писателю (1942 год): «Ждем с нетерпением ваших статей. Газеты не дают нам покоя. Телеграфьте день высылки. Посланник СССР Коллонтай». Позже при встрече Коллонтай рассказала Эренбургу, что некоторые его статьи «вывели из себя обычно спокойных, даже флегматичных северян».

Восторженно отзывались о его статьях знаменитые английские писатели Г. Уэллс и Д. Пристли. «С тех пор как я увидел военные статьи Ильи Эренбурга, – писал Пристли, – я читаю их с все возрастающим восхищением. Эти военные статьи, как мне кажется, лучшее, что могут дать в этом плане Объединенные Нации».

В 1941 году Главное политическое управление Красной Армии заказало писателю брошюру о фашистских главарях. Эренбург назвал ее «Бешеные волки» и с исключительной силой на основании собственного опыта и документов нарисовал в ней портреты этих главарей: Гитлера, Геринга, Геббельса, Гиммлера и прочих, написал об их крайнем человеконенавистничестве, мании величия, тупости, лживости, непорядочности, жажде власти и денег (все они имели счета в американских банках). Заканчивается брошюра следующими словами: «Вот главные представители той шайки, которая правит Германией. Говоря о них, будущий историк должен будет заглянуть в учебник зоологии – это звери. С ними нечего говорить, их надо уничтожать, как свору бешеных волков. Их не спасут ни танки, ни сейфы Рио-де-Жанейро».

Интересный факт: в том же 1941 году в Москве вышла книга известного немецкого психиатра, профессора Берлинского университета А. Кронфельда, эмигрировавшего в 1935 году в Советский Союз. Пациентами ученого в Берлине были

Гитлер и его окружение. Название книги весьма красноречиво: «Дегенераты у власти» (о ней см. «Лехаим», №3 (95), 2000, с.54).

Писатель и ученый никогда не встречались и, вероятно, не слыхали друг о друге. Однако содержание книг, характеристики фашистских главарей и даже стиль во многом похожи.

Вот какую особенность отмечает Эренбург, вспоминая начало войны. «Разговаривая с бойцами в первые месяцы войны, я то испытывал гордость, то доходил до отчаяния». Гордость он испытывал за воспитание детей и подростков в духе интернационализма и братства, а отчаяние от... того же! Многие красноармейцы распространяли эти качества и на немецких солдат, считали, что существует другая Германия, кроме гитлеровской, что солдат пригнали капиталисты и помещики, что если рассказать немецким рабочим и крестьянам правду, то они побросают оружие.

Бытовали и другие мифы, порой взаимоисключающие: о нашей силе («врага разобьем на его же земле»), о поддержке Германии другими капиталистическими странами (Англией, США) с целью уничтожения Советского Союза, о непобедимости фашистской армии, легко захватившей к тому времени страны Европы, в том числе Францию, о высокой немецкой культуре, которой якобы привержена Германия...

Эренбург пишет: в те дни его не меньше немецких танков страшили благодушие, наивность, растерянность, отсутствие столь необходимой лютой ненависти к врагу. И своей первоочередной задачей писатель считал разжигание этой ненависти, надо было открыть глаза народу на смертельную опасность. «Я знал, – пишет Эренбург, – что мой долг показать подлинное лицо фашистского солдата, который отменной ручкой записывает в красивую тетрадку кровожадный, суеверный вздор о своем расовом превосходстве, вещи бесстыдные, грязные и свирепые, способные смутить любого дикаря. Я должен был предупредить наших бойцов, что тщетно рассчитывать на классовую солидарность немецких рабочих, на то, что у солдат Гитлера заговорит совесть, не время искать в наступающей вражеской армии “добрых немцев”, отдавая на смерть наши города и села. Я писал: “Убей немца!”»

Одна из статей писателя так и называлась «Оправдание ненависти». В ней были такие слова: «Эта война не похожа на прежние войны. Впервые перед нашим народом оказались не люди, но злобные и мерзкие существа, дикари, снабженные всеми достижениями техники, изверги, действующие по уставу и ссылающиеся на науку, превратившие истребление грудных младенцев в последнее слово государственной мудрости... Они убивают потому, что уверовали, что на земле достойны жить только люди немецкой крови. Но теперь мы поняли, что на одной земле нам с фашистами не жить. Наша ненависть к гитлеровцам продиктована любовью к родине, к человеку, к человечеству».

Воздействие статей Эренбурга было огромно. У людей буквально открывались глаза, росло самосознание. Характерен отклик в «Красную звезду» на одну из статей: «Прочитав статью, мы невольно молчали. Мы прислушивались – каждому из нас как бы слышались стоны замученных и расстрелянных родных нам людей. Мы плакали сухими слезами. Жгучая ненависть кипела в наших сердцах, жгучая ненависть сушила нам слезы...»

В первые месяцы войны Эренбург один из первых давал понять, каково истинное положение дел. Газеты не могли сообщать об оставленных городах прежде

Совинформбюро. Был оставлен Киев – газетам сообщать об этом не разрешили. Но и не сообщать было нельзя. Для Эренбурга Киев был родиной, городом его молодости; там погиб муж его дочери писатель Б. Лапин.

Ортенберг вспоминает: «После долгого раздумья он сказал: “Хорошо, я напишу о Киеве... Без подробностей...” Часа через полтора-два Эренбург принес статью, которая была озаглавлена одним коротким словом “Киев”. Утром ее уже читали в армии и стране.

В статье не было боевых эпизодов, не было и рассказов о героях Киева. Не было никаких подробностей. Но то, что Эренбург сказал щемящими душу словами, звучало так горячо, так сильно! Эта статья как-то смягчала душевную боль, укрепляла волю к борьбе, веру в победу. Понятно, осталось горе. Но “горе, – писал Эренбург, – кормит ненависть. Ненависть крепит надежду”».

После падения Орла угроза Москве стала явной. Эренбург писал: «Надо выстоять», – и это его «выстоять» обошло газеты. Он первым употребил кличку «фриц», и она, как клеймо, осталась на немецких солдатах и офицерах.

О таких событиях в нашей стране, как уничтожение интеллигенции в

30-е годы, высшего командного состава армии перед войной, других известных фактах, Эренбург не писал. Он неоднократно подчеркивал, что над Родиной нависла смертельная угроза, вопрос идет о жизни и смерти, о самом существовании страны, и не время обсуждать наши ошибки и просчеты – надо уничтожать врага. Зато об упомянутых фактах писали немецкие листовки. Но после статей Эренбурга они исчезли за бесполезностью.

С первых дней войны писатель постоянно выезжал в прифронтовые города, на передовые позиции, в освобожденные от немцев населенные пункты. Он прошел с действующей армией всю войну (последние статьи в «Летописи мужества» датированы 26 апреля и 16 июня 1945 года). Его статьи – это по существу короткие рассказы о мужестве и героизме бойцов Красной Армии, жертвах и подвижничестве сражающегося народа.

«Я видел сотни героев, слышал сотни изумительных историй. Это только капли живого моря; за ними дышит, сражается, живет бессмертный народ», – писал он. Сообщая о победах Красной Армии, писатель одновременно высмеивает лживые сообщения гитлеровцев.

«Германские войска находятся в Сталинграде, и никакая сила не заставит их покинуть этот город», – вещал Гитлер в пору Сталинградской битвы, скрывая поражение немецких войск. «Действительно, – отвечал на это Эренбург, – значительная часть шестой германской армии зарыта в Сталинградской земле, но многие десятки тысяч немцев, включая две дюжины генералов, покинули Сталинград под надежным конвоем».

Статьи Эренбурга написаны простым, лаконичным языком, с большой любовью ко всем советским людям всех национальностей. Из множества рассказанных им историй трудно выбрать для примера какую-либо одну – все они уникальны. И теперь уже в книгах писателя они сохраняют дух той поры вместе с именами героев.

В числе этих имен немало и еврейских, а в одном из томов «Войны» есть глава «Евреи». И хотя название говорит само за себя, видимо для большей убедительности

писатель приводит только исконные еврейские имена. Среди них имя героя Советского Союза капитана подводной лодки Израиля Фисановича.

В наши дни о второй мировой войне известно всем, и эренбургские разоблачения изуверств гитлеровцев сегодня уже никого не удивят. Но тогда было иначе. Голос писателя был набатом и увещанием одновременно. И сказать об этом необходимо, в частности потому, что без этого не понять злобную реакцию на статьи писателя, реакцию, длящуюся годами, до нынешних времен.

Эренбург рассказывает, что при вступлении в города и села, освобожденные от фашистов, красноармейцы прежде всего видели виселицы. «В Волоколамске мы нашли посередине города большую виселицу: восемь повешенных, среди них молоденькая девушка. Такие же виселицы были в Калинин, в Ливнах... У себя к рождеству фашисты ставили на площадях елки, у нас они воздвигали виселицы... В Англии запретили детям до 16 лет смотреть фильм “Разгром немецких войск под Москвой”: зрелище виселиц, воздвигнутых гитлеровцами, и трупов, замученных немцами, признано для подростков безнравственным».

«Мы уничтожаем маленьких представителей страшного племени. Так велел фюрер!» – цинично говорили немецкие солдаты, и Эренбург реагировал на это особенно остро. Он цитировал типичное письмо одной немки, которая просила мужа прислать ей из России детские вещи, не стесняясь, если они запачканы кровью: «кровь можно отмыть». Эренбург пишет, как русские матери умоляли немцев в мороз впустить детей в дом, погреться. Но солдаты отвечали: «нет», и дети умирали на морозе. Уходя, немцы сжигали села, угоняли скот, а если не могли угнать, убивали животных.

«Почему немецкие факельщики убивают коров? – спрашивал Эренбург. – Может быть, они хотят этим остановить наши танки? Нет, даже самый глупый немец знает, что корова – не цистерна с горючим. Убивая коров, немцы хотят лишиться молока советских детей».

Что животные! Нацисты убивали родителей на глазах детей, убивали детей на глазах родителей.

Эренбург рассказывает о многочисленных гетто, организованных немцами в разных городах. Он приводит рассказ одного из узников рижского гетто, который находился в общем бараке со знаменитым автором «Истории евреев» – С. Дубновым. Дубнову исполнился тогда 71 год.

Одним из комендантов гетто был некий Иоганн Зиберт, учившийся когда-то в Гейдельбергском университете и бывавший на лекциях Дубнова по истории Древнего Востока. Этот Зиберт пришел к своему бывшему учителю и долго смеялся: «В молодости я был настолько глуп, что ходил на ваши лекции. Какой вздор вы нам рассказывали! Хотели, чтобы мы размякли и поверили в торжество гуманизма. Смешно!...» Зиберт лично присутствовал при убийстве своего учителя.

«Вот это страшнее всего, – писал Эренбург. – Значит мало всеобщей грамотности, университетских аудиторий, высокоразвитой техники, чтобы оградить людей от одичания».

А одичание представители «супернации» демонстрировали исключительное. Из многих немцев, с которыми разговаривал писатель, никто не знал имен Шекспира, Сервантеса, Гейне, Толстого. Зато все знали, что можно безнаказанно грабить, убивать, особенно евреев, издеваться над военнопленными, разрушать, угонять в рабство мирное население...

Нет необходимости говорить здесь о Катастрофе – ее история общеизвестна. Гестаповские застенки, виселицы, лагеря – смерти, трудовые, концентрационные – красноречивые вехи на пути немцев по Европе.

«В мире появилось нечто новое, – писал Эренбург, – фашизм или гитлеризм, или нацизм, представляющие абсолютную угрозу для жизни народов и людей, для человеческого достоинства, для свободы». Он спрашивал: «Что принесли немцы завоеванным народам, кроме виселиц, позорных бирок и неизбывного горя?»

Обличительные статьи Эренбурга приводили немцев в ярость. Не имея возможности опровергать правду, они начали злобную кампанию лжи против писателя, причем на самом высоком (или самом низком?) уровне. Илья Григорьевич рассказывает, что еще в 1944 году командующий армейской группой «Норд», желая воодушевить своих обескураженных отступлением солдат, писал в приказе: «Илья Эренбург призывает азиатские народы “пить кровь” немецких женщин. Илья Эренбург требует, чтобы азиатские народы насильствовали немецких женщин: “Берите белокурых женщин – это ваша добыча!” Подлостью было бы отступать, ибо немецкие солдаты теперь защищают своих жен». Главный лжец Геббельс распространял легенду о еврее Илье Эренбурге, который жаждет уничтожить немецкий народ, а его газеты изображали писателя толстым, косым, с кривым носом и очень кровожадным. Они писали, что Эренбург похитил в Испании музейные ценности на пятнадцать миллионов марок и продал их в Швейцарии... Реки грязи, моря!..

Писатель в «Красной звезде» ответил лжецу-генералу: «Когда-то немцы подделывали государственной важности документы. Они докатились до того, что

подделывают мои статьи. Цитаты, которые немецкий генерал приписывает мне, выдают автора, только немец способен сочинить подобные пакости. Мы идем в Германию за другим: за Германией».

Приказом от 1 января 1945 года к кампании лжи примкнул сам Гитлер: «Сталинский придворный лакей Илья Эренбург заявляет, что немецкий народ должен быть уничтожен»...

Весь этот вздор все же сделал свое дело: немцы стали считать писателя «исчадием ада». Рассказывают, когда пленным немцам объявляли, что их будет допрашивать Эренбург, они вздрагивали от страха.

В 1950 году некто Торвальд опубликовал историю войны, в которой писал: «В течение трех лет Илья Эренбург свободно, открыто, полный ненависти, говорил красноармейцам, что немецкие женщины будут их военной добычей». «Оказалось, – пишет по этому поводу Илья Григорьевич, – что этот автор в 1941 году выпустил книгу, восхваляющую Гитлера, и посвятил ее военному преступнику адмиралу Редеру».

Спустя 12 лет, в 1962 году, мюнхенская газета «Зольдатенцейтунг» начала кампанию против издания в Западной Германии автобиографической книги Эренбурга. Она напоминала о «призыве насилловать немок», называла писателя «величайшим в мировой истории преступником», а книгу «мемуарами убийцы и насильника».

Через 50 лет после окончания войны и почти через 30 лет после смерти Эренбурга в Мюнхене демонстрировалась выставка фотографий и документов под названием «Война на уничтожение. Преступления вермахта в 1941 – 1944 годах». Уцелевшие фашисты, протестуя против организации выставки, писали: «Выставка продолжает антинемецкую пропагандистскую кампанию Ильи Эренбурга, который представлял немецкий народ скопищем бесчеловечных садистов...»

Было известно, что фашисты грабили произведения искусства, разрушали памятники. Но что фашистские генералы могли руководить снятием позолоты с куполов церквей, этого не представлял себе никто. Эренбург описал такой эпизод. Откуда все это у граждан страны, где родились Гете, Бетховен, Гейне..?

В конце войны после вступления советских войск в Германию Эренбург побывал в немецких домах. В статье «Возмездие», опубликованной в «Правде» (в упомянутые книги писателя статья не вошла), он приводит названия книг в домашних библиотеках немцев: «Майн кампф», «Расовая гигиена», сборники, посвященные Гиммлеру, «Еврейская чума», «Русские недочеловеки», песенки для детей: «Падайте весело бомбы на Англию», «Да брызнет под ножом еврейская кровь» и т.д., и т.п. Дегенераты у власти стремились воспитывать дегенератов с детства...

С самого начала войны Эренбург подчеркивал, что Советский Союз воюет в одиночку. Существенная помощь – вооружение, станки, продовольствие, – поступающая с Запада, разумеется, не могла заменить второго фронта.

«Мы ждем второго фронта, как ждут на переднем крае хорошего товарища – вместе воевать веселей», – писал Эренбург в середине 1942 года. Но уже вскоре речь пошла не о «веселости». Из-за больших потерь на Восточном фронте Гитлер вынужден был перебрасывать сюда дивизии с Запада.

«Я прошу английских женщин, – обращался Эренбург, – подумать, как читают русские матери, потерявшие своих сыновей, сообщения о переброске немецких дивизий из Франции на Восточный фронт. Чтобы понять это, не нужно быть психологом».

Писатель обращается к своему другу, чилийскому поэту Пабло Неруде: «Вас не спасет океан... Скажите вашему народу, скажите всем народам Америки, что если Америка не пойдет походом на Германию, Германия пойдет походом на Америку, война придет в ваши города, к вашим детям».

В марте 1943 года он обращается к союзникам через западные агентства: «Все немецкие пленные – я разговаривал и с солдатами, и с крупными штабными офицерами, говорили: “Второй фронт был бы для нас концом. Но второго фронта не будет”. В этих рассуждениях не только отзвук длительной пропаганды Геббельса, в них известное самовнушение. Германия может выдержать еще десяток военных поражений, но она не выдержит морального потрясения, когда война на два фронта станет реальностью».

В конце 1943 года Эренбург предупреждает: «Мы можем прийти к победе с сердцами, полными дружбы, или с сердцами, опустошенными длительным разочарованием... Войну мы выиграем, но мы можем ее выиграть в силу боевой дружбы, и мы можем ее выиграть, несмотря на душевную рознь. От этого зависит лицо завтрашнего мира, судьба наших детей».

Уже в конце 1943 года Эренбург вместе с В. Гроссманом начал работу над «Черной книгой». «Много сил, времени, сердца я отдал работе над “Черной книгой”, – вспоминал он. – Порой, когда я слушал рассказы очевидцев или читал пересланные мне письма – к сыну, сестре, друзьям, мне казалось, что я в гетто, сегодня “акция” и меня гонят к оврагу или рву. Я писал в 1944 году:

В æèè éîãà-òî á ãðíãã,

È áúèè ì íá æèáúì ì èèù,

Òáí áðí í á ò áíèèù ò í áíò ùðÿ

В äíèæáí ðàçðúãàòúì ì ìèèù.

Òáí áðí ì í á èáæáúé ÿð çí æèì,

È èáæáúé ÿð òáí áðí ì í á äíì.

В ÿò íé æáí ùèí á èðáèì íé

Èíãà-òî ðèè òáèíãè,

Ïí òÿ, éíãà ÿ áúé ñæèáúì è,

В ÿò íé æáí ùèí ù í á çí æè.

Ì í á æèòÿ! Ì í è ðáí ÿí à!

Ì ÿ í áí à ò í áÿ ðíáíÿ!

В пѣуо́ еа̀ѐ е́с̀ ѐа̀а̀а̀тѣ̀ ѱ̀ѝ ѱ̀

А̀ѱ̀ ѱ̀ѐѐѐа̀а̀а̀а̀ѝ а̀ѝѱ̀...»

Эти стихи писатель поместил в пятую книгу «Люди, годы, жизнь» вместе со следующими словами: «Я хочу, чтобы мои слова о “несметной родне” были бы правильно поняты. Мне чужд любой национализм, будь он французский, английский, русский или еврейский. Я испытываю глубокое отвращение к расовой спеси, все равно к какой – к немецкой или американской». И еще он писал: «Я вырос в русском городе. Мой родной язык русский. Я – русский писатель. Сейчас я, как все русские, защищаю мою родину. Но гитлеровцы напомнили мне и другое: мать мою звали Ханой. Я – еврей. Я говорю это с гордостью. Нас сильнее всего ненавидит Гитлер. И это нас красит». (Стоит вспомнить, что книга «Люди, годы, жизнь» написана в начале 60-х годов – во времена правления Хрущева. В те годы Эренбург подвергался резким нападкам со стороны секретаря ЦК КПСС Ильичева и самого Хрущева, и книге угрожал запрет.)

После открытия второго фронта Эренбург все больше стал уделять внимания послевоенному устройству мира.

11 апреля 1945 года «Красная звезда» опубликовала статью Эренбурга «Хватит». В ней он писал, что в Германии некому капитулировать, страна «является одной колоссальной шайкой, в которой каждый стремится спастись как только может, все бегут, все мечутся, пытаюсь приблизиться к швейцарской границе». Фашисты куда более страшались советской оккупации, чем англо-американской. Вермахт продолжал переброску войск на Восточный фронт с Западного. По наблюдениям корреспондентов, «американцы в своем продвижении на восток встречают одно препятствие: толпы пленных, которые забивают все дороги». Писатель предупреждал: при попустительстве союзников фашисты снова поднимают головы, приводил примеры. Есть в статье и такие слова: «Близится день встречи с нашими друзьями. Мы крепко пожмем руки американским, французским, английским солдатам. Мы все скажем: “довольно”... Хватит!»

Статья появилась за месяц до окончания войны. Уже в это время намечались и создание ГДР, и «холодная война», была известна позиция Сталина в отношении немцев в целом: «Было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское – остается».

Саул Раскин. «Сказал негодяй в сердце своем: “Нет Б-га”».

Статья Эренбурга «Хватит» не могла понравиться Сталину. И через несколько дней (14 апреля) в «Правде» появилась ответная статья Г. Александра «Товарищ Эренбург упрощает». Мысль автора сводилась к директивному сталинскому: не все немцы одинаковы, не все в одинаковой мере будут отвечать за преступления гитлеровцев, население Германии нельзя рассматривать как некое единое целое. «Если признать точку зрения Эренбурга правильной, – писал Александров, – то следует считать, что все население Германии должно разделить судьбу гитлеровской клики. Незачем говорить, что товарищ Эренбург не отражает в данном случае советского общественного мнения». Кроме того, Александров утверждал, что переброска дивизий с запада на восток объясняется не страхом немцев перед Красной Армией, как пишет Эренбург, а является провокационным маневром Гитлера, попыткой посеять недоверие между участниками антигитлеровской коалиции.

Новый редактор «Красной звезды» (Ортенберга давно освободили) разговаривал с писателем по поводу его статьи «сурово, как с солдатом-штрафником», и статьи Эренбурга перестали печатать в газете.

Совсем иной была реакция фронтовиков. «Никогда в жизни я не получал столько приветственных писем», – вспоминает писатель. В утешение ему посылали даже подарки.

Письма фронтовиков отличались по тем временам большой смелостью. Вот некоторые фрагменты из них. «Неужели т. Александров только и делает, что слушает немецкое радио и делает из него выводы? Вы пишете правильно, что Германия есть одна огромная шайка»; «Для нас нет “упрощений”, мы сами все видели собственными глазами»; «Разумеется т. Александров говорит от имени ЦК и отражает линию партии, однако мой голос и голос моих товарищей с вами»; «Великий писатель нашей свободной страны, вы пишете не для “учителей морали”, а для нас, для народа. Мы ждем ваших статей». Из телеграммы от летчиков из Берлина: «Очень удивлены, почему не слышно вашего голоса? Кто тебя обидел?.. Не унывай, дорогой друг, шуруй так, как ты начал...»

Слава Эренбурга была все еще в апогее, но он уже испытывал грустное чувство: Илья Григорьевич опасался, что военные статьи затмят его прежние и будущие литературные работы. Это чувство он выразил стихами:

Óì óó- àì àñ'ìì íèòáñçàòú óíðíõ

Óæàññ úé ãä, éíòíðíé àñàì íàì

àíðíã

À ÿ òí÷ó ÷òíá ãéíñì íé çàì íééóéé

Í àí'ìì íéé ààì íá òíéñéí àñ'ìì ó

Àíéä...

Эти строки вошли в небольшую книгу стихов «Дерево», которую писатель издал в 1946 году, и в целом ее настроение, безусловно, не было пессимистичным, хотя, в противоположность пафосу военных публикаций, поражало глубокой лиричностью. «Многих она тогда удивила, – пишет Бенедикт Сарнов. – Никому даже в голову не могло прийти, что в страшные военные годы, работая едва ли не круглосуточно, постоянно выезжая на фронт, успевая написать порой в день три, а то и четыре статьи (для “Правды”, “Красной звезды”, радио и какой-нибудь западной газеты), он еще ухитрялся найти время и силы для лирических стихов».

Умер Илья Григорьевич в 1967 году, 4 сентября его похоронили на Новодевичьем кладбище. В некрологе говорилось, что он неоднократно избирался депутатом Верховного Совета СССР, был вице-президентом Всемирного Совета Мира, членом президентского совета общества «СССР – Франция», много лет был членом правления Союза писателей СССР. Было сказано также, что «советское государство высоко оценило творческую и общественно-политическую деятельность И.Г. Эренбурга, наградив его двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды и медалями». Добавим, что писатель был еще лауреатом Сталинских премий, а в 1945 году правительство де Голля наградило его крестом офицера Почетного легиона.

Без преувеличения можно сказать, за официальностью некролога чувствовалась теплота, но... Под ним не было подписей ни руководителей государства, ни деятелей культуры – только организации: правление Союза писателей СССР, Советский Комитет защиты мира, правление Московской писательской организации...

«Литературная газета», рассказывая о церемонии похорон, сообщила, что в почетном карауле стояли известнейшие писатели страны – Б. Полевой, А. Твардовский, А. Сурков, многие другие: «Отдать последний долг писателю пришли секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. Георгадзе, председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР Ю. Палецкис, ответственные работники ЦК КПСС и МГК КПСС». Газеты и журналы поместили многочисленные статьи, посвященные памяти Эренбурга.

К. Симонов узнал о смерти друга, находясь в Японии. Из Токио он прислал «Слово прощания»: «Мне кажется, без всякого преувеличения можно сказать, что из всех

нас, советских писателей, в борьбе против фашизма Эренбург сделал больше, чем кто-либо другой».

САКРАМЕНТАЛЬНЫЙ АЛЬЯНС

Германские нацисты на арабском Востоке после второй мировой войны

Béîá Yòéíáïð

В начале марта 2001 года в Париже состоялся заочный судебный процесс над нацистским военным преступником Алоисом Бруннером, виновным в отправке в годы второй мировой войны десятков тысяч евреев в лагеря уничтожения и бежавшим после краха гитлеровского режима в Сирию, где, по некоторым данным, и проживает до сих пор.

Карьера австрийца Бруннера, гауптштурмфюрера СС, началась в самом начале войны: уже в октябре 1939 года он организовал первую депортацию евреев из Австрии в лагерь смерти в Польше. Спустя пару лет им была организована депортация еврейской общины из Салоник в Освенцим, где погибло 50 тысяч салоникских евреев. С июня 1943-го по август 1944 года Бруннер был начальником концлагеря в Дранси под Парижем, из которого евреев направляли в газовые камеры. Палач никогда не раскаивался в содеянном. «Казненные евреи заслуживали смерть, – заявил он в 1987 году в интервью газете “Чикаго Санди Таймс”. – У меня на этот счет никаких сожалений. Если надо, я все повторил бы сначала».

Алоис Бруннер являлся личным секретарем и одним из главных подручных Адольфа Эйхмана, который высоко оценил «эффективность» его работы и после войны помог ему скрыться на арабском Востоке.

Бруннера дважды заочно судили – в 1954 году в Париже и в Марселе в 1956 году и приговорили к смертной казни, которая, как известно, была отменена во Франции в 1981 году. В течение нескольких десятилетий он разыскивался Францией и Германией, которая, со своей стороны, хотела предать его суду за расправы над евреями Австрии, Германии, Греции и Словакии.

Французские разведслужбы располагают свидетельскими показаниями, что Бруннер под вымышленным именем Георг Фишер проживал в Дамаске. Очередное расследование совершенных им преступлений началось в 1987 году, когда стали известны новые факты, основанные на показаниях свидетелей о депортации им двух групп французских евреев, среди которых находилось более 300 детей.

На протяжении многих лет Париж требовал от Дамаска экстрадиции Бруннера, но сирийские власти упорно отвечали: им якобы ничего не известно о его пребывании в стране. В 1996 году президент Жак Ширак просил лично президента Сирии Хафеза Асада

помочь в розыске преступника, но безуспешно: ответ был тем же. На протяжении длительного времени дело Бруннера отравляло франко-сирийские отношения. Несмотря на все препоны следователь Эрве Стефан (он вел и дело о гибели принцессы Дианы) довел дело до суда. (Сирийские власти намекали на кончину нациста, но так и не представили никаких доказательств.)

Процесс в марте 2001 года стал победой известного парижского адвоката Сержа Кларсфельда: вместе с женой Беатой на протяжении многих лет он является одним из главных «охотников за нацистами». Родители Кларсфельда по личному распоряжению Бруннера были отправлены из Франции в Освенцим и там погибли. Он занимается розыском Бруннера с 70-х годов, четыре раза посещал Сирию — несколько человек случайно видели его там в машине «скорой помощи» в 1992 году. Опознать Бруннера достаточно просто: у него нет глаза и пальцев на одной руке (как утверждает германский журнал «Шпигель», это последствия двух адских бандеролей от «Моссада»). Однажды Кларсфельду даже удалось поговорить с Бруннером по телефону.

Адвокат убежден: Бруннер, которому сейчас 88 лет, жив и скрывается в Сирии. Такого же мнения придерживается и знаменитый борец с нацистскими преступниками Симон Визенталь. Бруннер менял квартиры в Дамаске и псевдонимы, но как-то в середине 90-х годов германским туристам представился настоящим именем и долго с ними беседовал.

После смерти Хафеза Асада к власти пришел его сын, но положение не изменилось, отмечает Серж Кларсфельд, являющийся также председателем Ассоциации детей депортированных евреев Франции. «Мы сделали все, что могли, — говорит он, — но добиться желаемого результата так и не удалось». Парижский суд заочно приговорил Бруннера к пожизненному тюремному заключению.

В 1990 году я был в Париже и встречался с Сержем Кларсфельдом. Он рассказал, что многие нацисты — убийцы сотен тысяч евреев скрываются в арабских странах. Мне приходилось заниматься этим вопросом еще в советское время, когда я работал в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, но все попытки опубликовать статью на данную тему (а материалов собралось достаточно много) неизменно заканчивались неудачей. Лишь в 90-е годы впервые удалось об этом написать.

Мне не пришлось ломать голову, почему советские органы печати наотрез отказывались от публикации таких материалов. Существовала строжайшая цензура, и все предназначенные для печати статьи подвергались детальному изучению в Главлите, тесно связанном с КГБ. Советские власти и прежде всего КГБ были прекрасно осведомлены о роли бывших нацистов и офицеров вермахта в арабских странах в послевоенный период. Именно в эти страны бежало после войны наибольшее количество нацистских военных преступников, гестаповских чинов и офицеров вермахта, игравших в руководящих кругах арабских стран значительную роль. А как раз с этими кругами в конце 50-х годов Кремль установил и стал развивать тесное военно-политическое, экономическое и идеологическое сотрудничество, важнейшими элементами которого были ненависть к Западу, к демократии, тоталитаризм и враждебное отношение к Израилю.

Последнее обстоятельство имело особое значение. Юдофобия в течение многих лет была связующим звеном между советским руководством и реакционными полуфашистскими режимами ряда арабских стран. Большой вклад в формирование этого сотрудничества внесли бежавшие на арабский Восток после разгрома гитлеровской Германии тысячи нацистов и офицеров германской армии, нашедшие в Египте, Сирии, Ираке, Саудовской Аравии не только политическое убежище, но и работу в их правительственном, военном и пропагандистском аппаратах.

Как известно, накануне и во время второй мировой войны многие арабские националисты ориентировались на Германию, стремясь использовать противоречия между Берлином и европейскими колониальными державами – Англией и Францией. Эта ориентация превратила часть арабских националистов в прямую политическую и военную агентуру гитлеризма на арабском Востоке и оказала пагубное влияние на формирование идеологических воззрений влиятельных кругов арабского мира, воспринявших многие элементы нацистской идеологии – тоталитаризм, шовинизм, в первую очередь юдофобию, ненависть к ценностям западной демократии. Все это после второй мировой войны, когда в 1948 году было создано Государство Израиль, «облегчило» переориентацию многих арабских политиков на другое антидемократическое тоталитарное государство – СССР, чье руководство придерживалось сходных воззрений.

Такого пронацистского курса придерживались великий иерусалимский муфтий Хадж Амин аль-Хуссейни, бывший премьер-министр Ирака Рашид Гайлани, шейх Арслан в Сирии и многие другие арабские политики.

Особую активность проявлял Хадж Амин аль-Хуссейни, всю свою жизнь посвятивший борьбе против возвращения евреев на их историческую родину в Палестине. Он установил контакты с нацистами еще в 1933 году, благодаря чему получил военную и финансовую помощь во время известных событий 1936 года в Палестине, когда там произошли крупные еврейские погромы. Гитлер обещал муфтию поддержку в борьбе с англичанами и евреями.

В 1939 году муфтий оказался в Багдаде и активно содействовал приходу к власти ставленника нацистов Рашида Гайлани в 1941 году. После подавления английскими властями прогерманского восстания, организованного Рашидом Гайлани, муфтий бежал в Тегеран, а спустя некоторое время, в октябре 1941 года, прибыл в Италию, откуда Муссолини переправил его в Берлин. Он устанавливает тесные связи с Адольфом Эйхманом. В сопровождении Брунера муфтий посещает концлагерь Заксенхаузен и лагеря смерти Освенцим и Майданек, где лично наблюдает за уничтожением евреев.

Он ежемесячно получал в Берлине 75 тысяч марок, которые частично использовались для внедрения гитлеровской агентуры в арабских странах, а также способствовал созданию мусульманских формирований в составе войск СС. Некоторые формирования воевали в рядах германской армии на Северном Кавказе. Из югославских мусульман состояла добровольческая горнострелковая дивизия СС Боснии и Герцеговины.

После войны муфтий был внесен югославскими властями в список нацистских военных преступников, подлежащих суду. Однако ему удалось избежать наказания. Лига арабских стран обратилась к маршалу Тито с просьбой не настаивать на выдаче муфтия, который в тот момент находился в руках французских властей. И Тито пошел навстречу: муфтию был вынесен заочный приговор. А летом 1946 года он прибыл в Каир к египетскому королю Фаруку, который оказал ему восторженный прием.

Германской разведкой накануне второй мировой войны была создана в арабских странах широко развитая шпионская сеть, куда вербовали представителей самых различных слоев населения. Гитлеровская пропаганда пыталась внушить арабской общественности, что Германия является «лучшим другом арабских народов», и что избавление от англо-французского колониального правления они смогут получить лишь из рук германского руководства, которое так же, как и арабские политики, решительно выступает против любых планов создания еврейского государства в Палестине. В 1937 году видный нацист, руководитель «Гитлерюгенд» Бальдур фон Ширах посетил ряд арабских стран. В 1939 году в Каире побывал Йозеф Геббельс, а перед самой войной Адольф Эйхман приезжал в Палестину на встречу со своими арабскими единомышленниками.

11 марта 1941 года барон фон Вайцзекер, статс-секретарь нацистского МИДа, передал личному секретарю великого иерусалимского муфтия в Берлине: «Немцы и арабы имеют в англичанах и евреях общих врагов и стали союзниками в борьбе против них». А 23 мая 1941 года Гитлер подписал приказ № 30, в котором говорилось, что «арабское освободительное движение на Среднем Востоке является нашим естественным союзником против Англии». Как это напоминает бесчисленные заявления советских руководителей 60–70-х годов о том, что «национально-освободительное движение в Азии, Африке и

Латинской Америке – естественный союзник мирового социализма в борьбе против империализма»!

Поражение Германии в 1945 году вовсе не означало крах германо-арабской дружбы, направленной против западных демократий и «мирового еврейства». Пронацистские настроения в арабском мире продолжали существовать и после войны. И не случайно, что именно арабский Восток, наряду с Латинской Америкой, стал главным убежищем для беглых нацистских преступников, руки которых были в крови миллионов евреев, многих народов Европы, прежде всего СССР. В арабских странах гитлеровцы не без основания рассчитывали встретить теплый прием у своей политической агентуры. Бежавшие нацисты установили тесные связи со штаб-квартирой Хадж Амин аль-Хуссейни в Каире. Кстати, нынешний председатель Организации освобождения Палестины (ООП) Ясир Арафат – один из племянников муфтия, умершего в 1974 году в Бейруте. Руководители арабских стран прислали на похороны своих представителей, был там и Ясир Арафат.

Многие бывшие германские офицеры принимали самое активное участие в нападении арабских государств на Израиль в мае 1948 года после провозглашения независимости Еврейского государства. Мне удалось в зарубежных архивах обнаружить материалы, свидетельствующие о том, что во главе многих подразделений Арабского легиона, которым командовал британский генерал Глабб, находившийся на службе у тогдашнего короля Трансиордании Абдаллы, были полковники бывшей германской армии.

Бегство нацистских военных преступников приняло особенно большой размах в конце 40-х — начале 50-х годов. Для их переброски в арабские страны был создан специальный «Арабо-германский центр по вопросам эмиграции», занимавшийся в частности вербовкой бывших офицеров вермахта на военную службу в армиях арабских государств. Руководителем центра стал бывший офицер штаба фельдмаршала Роммеля подполковник Ганс Мюллер: он перешел в ислам и действовал под видом сирийского гражданина Хасана Бея. С его помощью на арабский Восток было переправлено 1500 гитлеровских офицеров, а всего, по данным зарубежной прессы 50-х годов, в арабские страны бежали около 8 тысяч офицеров вермахта, поступивших на службу в вооруженные силы различных стран региона. «Нью-Йорк Таймс» от 9 февраля 1952 года отмечала в связи с этим, что на Ближнем Востоке находится большое количество германских летчиков.

Многие крупные германские инженеры, близкие к известному конструктору ракетного оружия Вернеру фон Брауну, принимали самое активное участие в создании современной военной промышленности в Египте. В конце 50-х годов израильская контрразведка сфокусировала свое внимание на немецких ученых-ракетчиках, устремившихся в Египет. Президент Египта Насер хотел, чтобы эти ученые помогли ему в создании ракет класса «земля-земля», которые могли быть использованы в будущей войне с Израилем. Руководитель «Моссада» Иссер Харел счел это частью нового плана немцев по уничтожению евреев и ответил операцией «Домокл». По сути это был меч, подвешенный им над головой каждого немецкого специалиста, прибывающего в Египет. Израильские агенты в этой стране направляли им письма со взрывными устройствами.

Харел был убежден, что проводимая им кампания принесет успех, но у него возникли трения с премьер-министром Давидом Бен-Гурионом, не желавшим портить отношения с Западной Германией, с которой в то время завязывались экономические и политические связи. Для изгнания немцев из Египта Харел был готов на

экстраординарные меры. Он направил группу своих сотрудников в Испанию для встречи с бывшим нацистским офицером Отто Скорцени, поддерживавшим дружеские связи с некоторыми немцами в Каире. Выступая под «чужим флагом» как представители разведки одной из стран НАТО, израильтяне попытались убедить его помочь в выдворении из Египта немецких специалистов ради интересов Запада. Трудно было поверить, что спустя всего два года после похищения Адольфа Эйхмана, которое было осуществлено под непосредственным руководством Харела, израильская разведка вела переговоры с другим известным немецким нацистом. Однако Харел разделял мнение послевоенного трибунала о том, что Скорцени был солдатом, а не военным преступником.

Можно сказать, что использование другого необычного агента — австрийца доктора Отто Йоклика — привело операцию «Домокл» к финалу. Вербовка Йоклика была немалым достижением Харела: тот был одним из ракетчиков, работавших у Насера. Эксперт в области баллистики, он сумел убедить египтян, что может создать для них сверхмощную «кобальтовую бомбу». Однако Харелу удалось уговорить Йоклика работать на Израиль из материальных соображений и переехать из Египта в Израиль, где он подробно информировал «Моссад» о состоянии секретной египетской ракетной программы. Йоклик предупредил: Египет полным ходом идет к созданию ударной силы под кодовым названием «АВС». Эта аббревиатура имела довольно зловещий символ и означала «атомное, биологическое и химическое оружие». Боеголовками такого типа предполагалось оснастить ракеты, создаваемые при участии немецких специалистов. Так что обеспокоенность Харела оказалась весьма обоснованной.

Харел считал, что Египет близок к созданию оружия массового поражения, угрожавшего самому существованию Израиля. Из-за дела Йоклика возникли разногласия в израильском руководстве. Харел надеялся убедить мировое или по крайней мере израильское общественное мнение в том, что последователи нацистов используют Египет в качестве базы, представляющей смертоносную угрозу государству, созданному людьми, пережившими Холокост. Статьи, появившиеся в результате этой операции, проводившейся под эгидой «Моссада», вызвали в Израиле настоящую панику. Бен-Гурион резко критиковал Харела за несанкционированную утечку информации, обвинив его в осложнении отношений Израиля с ФРГ. Из-за конфликта вокруг немецких ученых в отношениях главы «Моссада» и премьер-министра появились трещины, и в марте 1963 года Харел подал заявление об отставке, хотя надеялся, что Бен-Гурион отклонит его просьбу...

Когда-то маленький еврейский мальчик из Белоруссии, он стал одним из главных действующих лиц на мировой шахматной доске. Ему приходилось встречаться с такими влиятельными людьми, как директор ЦРУ Аллен Даллес, доверенное лицо президента Эйзенхауэра, и генерал Бахтияр, который руководил иранской секретной службой «Совак», одновременно являясь премьер-министром Ирана. Харел внес огромный вклад в борьбу с попытками Насера использовать немецкий научно-технический потенциал для уничтожения Израиля.

Тысячи гитлеровцев «переходили» в мусульманство, брали арабские фамилии и тщательно изучали новый для себя язык. «Вплоть до Йемена, — писала в августе 1957 года парижская газета “Монд”, — не было арабской страны, где бы ни отмечалось присутствие германских военных». В западной печати были сообщения о том, что в начале 50-х годов Адольф Эйхман некоторое время находился в Кувейте, будучи «своим человеком» в окружении местного властителя.

Основными странами, где осели нацисты, были Египет, Сирия и Саудовская Аравия. «Каир, – писала германская газета “Ди Вельт” 28 декабря 1958 года, – получил славу Эльдorado для беглых нацистов». Уже в 1951 году в Египте начала работу неофициальная германская военная миссия в составе 60 офицеров во главе с гитлеровским генералом Фармбахером. Его заместителем был видный германский авторитет по вопросам танковой войны генерал Мунцель.

Особое внимание миссия уделяла подготовке десантных частей египетской армии. Бывшие офицеры германского военно-морского флота Бехтольсгейм и Шпрехер пытались внедриться на британскую военно-морскую базу в Александрии. Тогда же бывшему сотруднику войск СС Тифенбахеру была поручена подготовка и обучение каирской полиции. В египетскую армию вступил бывший начальник отрядов специального назначения войск СС на Украине гитлеровский палач Оскар Дирлевангер, которому, после свержения в июле 1952 года короля Фарука, правительством Насера была поручена подготовка диверсантов для внедрения в Израиль.

После военного переворота деятельность германских военных советников в Египте особенно усилилась. Этому в немалой степени способствовало то, что некоторые активные участники переворота в годы второй мировой войны придерживались прогитлеровских взглядов. Так, по сообщению американского журнала «Нью Рипаблик» от 14 декабря 1953 года один из ведущих членов Революционного совета, созданного в Египте после свержения короля, майор авиации Хассан Ибрагим признавал, что в 1942 году он и другие офицеры египетской армии направили в штаб Роммеля в район Эль-Аламейна военный самолет с курьером, передавшим немцам секретные документы о расположении и движении британских войск. А будущий президент Египта Анвар Садат за деятельность в пользу Германии находился в английской тюрьме два с половиной года. Вот что писала в связи с этим газета «Ди Вельт» 31 марта 1976 года: «Отношение Садата к немцам сложилось главным образом под влиянием отца, считавшего, что “на немцев можно положиться”, и восхищавшегося ими. Во время второй мировой войны Садат был на их стороне. Он занимался шпионажем для фельдмаршала Роммеля... Находясь за решеткой, он изучил немецкий язык. Когда Садат пришел к власти, то занимался организационными вопросами в стиле настоящего немца».

Его глубокое уважение к нацистам выразилось в довольно странной форме. Когда в 1953 году египетская газета «Аль Мусавар» попросила Садата написать гипотетическое письмо умершему Гитлеру, он писал: «Мой дорогой Гитлер. Я приветствую тебя от всего сердца. Хотя ты, судя по всему, теперь проиграл войны, все же ты подлинный победитель. Тебе удалось вбить клин между старым Черчиллем и его союзниками – отродьем сатаны». Садат имел в виду Советский Союз.

В разное время в европейской и американской печати было помещено немало статей о якобы существовавших в годы второй мировой войны связях молодого офицера египетской армии Гамалея Абделя Насера с германской агентурой. В связи с этим один американский журнал писал, что «политическая карьера Насера была тесно связана с агентами германского верховного командования и нацистской партии. В качестве молодого офицера Насер усердно работал в пользу нацистского дела во время второй мировой войны».

Вскоре после свержения режима короля Фарука в Каире появился крупный гитлеровский разведчик Отто Скорцени, привлеченный Насером, по словам журнала «Нью Рипаблик» от 14 декабря 1953 года, для «работы в службе государственной безопасности». Позднее правительство Насера поручило ему организацию особых

войсковых соединений для операций в зоне Суэцкого канала. Тогда же полковник войск СС Иоган Демлинг, бывший в годы войны начальником гестапо в Рурской области, приступил к очередной реорганизации египетской службы безопасности. Посетивший в феврале 1953 года Каир тогдашний статс-секретарь боннского МИДа Вестрик заявлял, что «германские военные советники оказывают определенное влияние на правительство Египта». Характерно, что еще весной 1958 года в Египте продолжала действовать группа германских военных экспертов в составе 15 офицеров, которая, как отмечала «Ди Вельт» 15 марта 1958 года, «тесно сотрудничала с египетскими военными кругами».

В Сирии во главе германской военной миссии, руководившей обучением местной армии, находился бывший полковник гитлеровского генерального штаба Крибль. Офицер гестапо Рапп одновременно проводил реорганизацию разведывательной службы сирийской армии. Окопавшиеся в военных структурах Сирии гитлеровцы установили тесные связи с наиболее яркими антиизраильскими элементами в стране и принимали активное участие в многочисленных государственных переворотах. Так, Рапп, например, был одним из организаторов военного путча в Дамаске в марте 1949 года.

Большую роль в Сирии играли нацисты и в период диктатуры генерала Шишекли. 11 гитлеровцев из числа германских военных советников составили специальную группу советников по осуществлению его плана объединения всех арабских стран.

В Ираке в состав созданного после свержения монархического режима в июле 1958 года республиканского правительства входил бывший офицер гитлеровской дивизии «Бранденбург» Джабар Омар, занимавший пост министра просвещения. Тесно связан с германской агентурой своим прошлым был и тогдашний иракский министр национального строительства Саддик Шаншал.

В конце 50-х годов деятельность бывших нацистов на арабском Востоке оказалась в поле зрения боннского правительства. 1 августа 1958 года близкая к кругу канцлера Конрада Аденауэра влиятельная газета «Рейнишер Меркур» опубликовала некоторые сводные данные о тогдашней деятельности нацистов в Египте. Дело в том, что эта деятельность ставила Бонн в неловкое и двусмысленное положение, и германские власти стремились от нее отмежеваться. Данные «Рейнишер Меркур» совпадали с более ранними сообщениями одной из наиболее информированных европейских газет – швейцарской «Нейе Цюрихер Цайтунг», опубликовавшей 13 августа 1957 года развернутый материал о деятельности нацистов на Ближнем Востоке. Согласно данным газеты координатором всей этой деятельности с осени 1956 года являлся принявший ислам бывший сотрудник Геббельса и Розенберга, видный пропагандист расистских теорий, бывший главный редактор нацистского журнала «Вилле унд тат» Иоганн фон Леерс. В первые послевоенные годы Леерс находился на службе у аргентинского диктатора Перона. В столице Аргентины он издавал журнал «Дер дейче вег». В Каире Леерс руководил «устройством» бежавших в арабские страны немецких военных преступников. В этом ему помогал секретарь Исламского конгресса Салаб Гафа – в действительности известный нацист Ганс Апплер.

Одновременно Леерс являлся советником министерства национального руководства Египта. При активном участии специалиста по арабским делам в ведомстве Риббентропа барона фон Мильденштейна он много работал по насаждению на арабском Востоке идей нацизма. Как сообщала 30 марта 1956 года германская социал-демократическая газета «Форвертс», Леерс, в частности, стремился создать в Египте «постоянную арабскую нацистскую организацию».

В этот период служба госбезопасности Египта находилась в руках «арабизированных» нацистов. Так, одним из ее руководителей был полковник Аль-Нахер — бывший начальник гестапо в Варшаве Леопольд Глейм, заочно приговоренный польским судом к смертной казни. Пост начальника отдела пропаганды службы госбезопасности Египта занимал Хусса Налисман — обергруппенфюрер СС Мозер, возглавлявший в Каире объединение типа союза гитлеровской молодежи. Его ближайшим помощником являлся бывший группенфюрер СС Бубле, также носивший арабскую фамилию.

Экономический отдел службы госбезопасности был точной копией бывшего отдела Имперского управления СС. Начальником египетской тайной государственной полиции был подполковник Хамид Сулейман — бывший шеф гестапо в Ульме (Бавария) группенфюрер СС Генрих Зельман. Политический отдел полиции возглавлял полковник Садам — оберштурмбанфюрер СС Бергард Бендер, командовавший во время войны разведчастями службы госбезопасности по борьбе с партизанами в Польше и на Украине, теперь он создал в Каире тюрьму по гитлеровскому образцу. Этот список несложно продолжить. Как сообщала газета «Рейнишер Меркур», из 2000 бывших сотрудников СС и германской службы госбезопасности, бежавших на арабский Восток, большинство находилось в Египте.

Многие гитлеровские специалисты по созданию концлагерей нашли применение своему чудовищному опыту в различных концлагерях, созданных в Египте и других арабских странах, в которых томились десятки тысяч представителей оппозиции. В 1958 году в Каире находился гитлеровский военный преступник — врач лагерей смерти доктор Эйзеле. Медицинскую часть администрации концлагеря, расположенного в 200 километрах к югу от Александрии, возглавлял эсесовский врач Виллерман.

В Египте и в ряде других арабских стран свободно распространялась нацистская литература, в первую очередь «Майн Кампф» Гитлера. Этим, в частности, занимался нацист Эль-Хадж, он же Гейден, руководивший в свое время отделением германского информационного агентства в Каире. Газета «Дойче цайтунг» сообщила 5 ноября 1959 года, что осенью этого года в одном из книжных магазинов Каира только в течение одного дня было продано 1000 экземпляров «Майн Кампф». По сообщениям печати это сочинение широко расходилось среди офицерского состава египетской армии. С помощью Леерса нацисты проникли в аппарат каирского радио. По этому поводу журнал «Нью-Йорк Таймс Мэгэзин» писал 27 июля 1958 года: «Египетские пропагандисты с помощью нескольких германских специалистов, уцелевших после краха нацистской Германии, превратили каирское радио в необычайно мощное орудие нацистской пропаганды, направленной против Израиля».

Важной сферой активности нацистов была и Саудовская Аравия, где им удалось установить тесные связи с влиятельными кругами вакхабитов. Влиятельная каирская газета «Аль-Ахрам» писала: «Бывшие немецкие офицеры проявляют большой интерес к Саудовской Аравии. Вакхабиты рассматриваются ими как одно из наиболее перспективных направлений в исламе. Офицерами СС в этой стране созданы военно-тренировочные центры, где проходят подготовку молодые вакхабиты. Во главе центра стоит бывший офицер СС». И кто знает, не сыновья ли и внуки курсантов этого центра приложили «свою руку» к кровавым событиям в Чечне?

В этой связи следует отметить, что нацисты сыграли немалую роль в формировании арабского терроризма. Характерно, что эти традиции, заложенные еще в первые послевоенные годы, оказались весьма живучи. Достаточно вспомнить о тесных связях германской террористической группы Баадер-Майнхоф с палестинскими террористами.

Возникает вопрос: известно ли было советскому руководству, КГБ с его Первым Главным управлением, Главному разведывательному управлению (ГРУ) о деятельности германских нацистов в арабских странах? Безусловно, но на это сознательно закрывали глаза, поскольку арабские националисты были партнерами на Ближнем Востоке в совместной борьбе против свободы и демократии, «международного сионизма» и Запада. Можно даже предположить, что многие бывшие нацисты, бежавшие в арабские страны, были затем завербованы КГБ.

Подлинные масштабы тройственного сотрудничества между германскими нацистами, арабскими националистами и советскими разведывательными службами станут известны лишь тогда, когда будут рассекречены документы, хранящиеся в государственных архивах арабских стран и в соответствующих досье бывшего КГБ в Москве.

Á î ô ð ï ä á í è è è ì ï í è ü ç î ä á í ú ð è ñ í è è

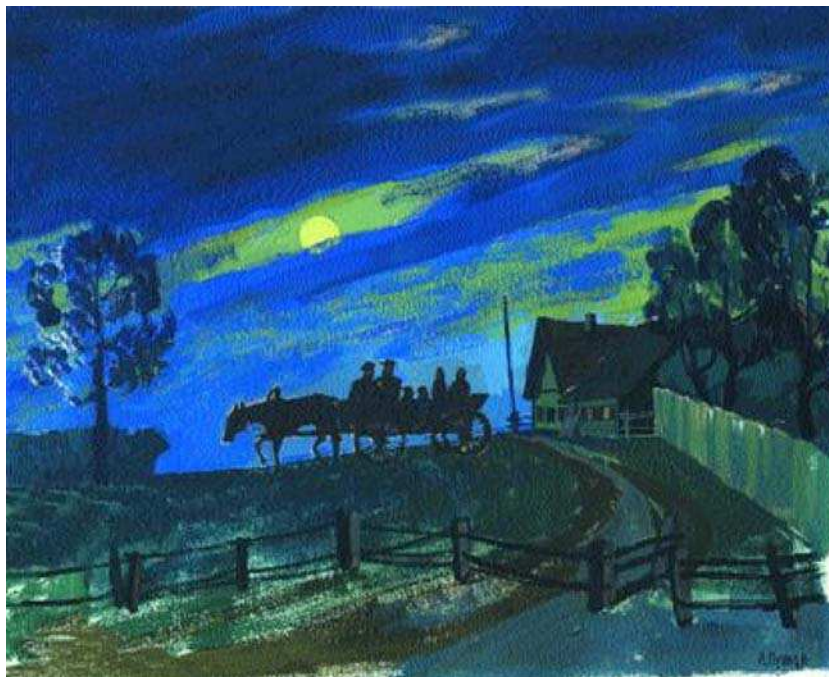
Á î ä à Á ä ä ð è (Ñ è : è í ñ è î ã)

è È î ñ ä à Á ä ó

ЗВОН УЗДЕЧКИ НА ЗАКАТЕ

Àðeãðeé Èáííàe:-

Уже по-хозяйски над местечком кружили самолеты не со звездами, а с другими могущественными и зловещими знаками на крыльях; уже на окраинах открыто гуртовались повстанцы, которые опоясывали рукава белыми, еще не обрызганными еврейской кровью повязками, и терпеливо, в предвкушении желанных перемен, дожидались новых победителей; уже тяжелые, крытые брезентом грузовики с нехитрыми гарнизонными пожитками, комсоставскими женами и детьми в спешном порядке отправлялись с военного полигона Гайжюнай на Восток, уже на улицах и в лавках Йонавы нельзя было услышать ни одного звука непривычной русской речи; уже благоразумные, осмотрительные евреи, обладавшие проверенным в веках чутьем на беду, оставляли свои дома и – кто пешком, кто на велосипедах, кто на повозках – подтягивались к границам Белоруссии, но мой отец – несмотря на все уговоры мамы – ничего не замечал и вроде бы никуда уезжать не думал. И не потому что дядя Шмуле, уехавший в начале года на высшие чекистские курсы в Москву, своими рассказами задурил ему голову о непобедимости Красной Армии, а потому, что не верилось в то, что немцы такие изверги, какими неистовый Шмуле их малюет...

Отец помнил немцев по первой мировой войне и, когда о них заходил разговор, превозносить их не превозносил, но грязью обливать не давал. Он старался каждому спокойно и вразумительно втолковать, что главное для них – во всяком случае так ему тогда в молодости казалось – вовсе не то, какому Б-гу, еврейскому ли, христианскому ли человек молится, а то, что он умеет делать.

– Мастера они! – твердил отец. – Трудяги. Пусть лентяи их побаиваются. А нам-то чего?

– А ты его спроси! – срывалась на крик мама. – Велвла! Он еле-еле из своей Польши ноги унес!

Велвл был портной – беженец из Белостока. В начале сорокового он появился в местечке с маленьким рыжеволосым сыном и красивой богомольной женой, нанявшейся нянькой в многодетную семью рабби Мендла. Отец с радостью взял Велвла к себе в подмастерья вместо отбывшего на учебу в Москву начинающего чекиста Шмуле.

– У меня своя голова на плечах, – сердился на нее отец. – В четверг последняя примерка.

– Какая примерка? Война на дворе. А он – примерка!..

– Придет реб Йехезкель... – как ни в чем не бывало продолжал отец. – Все готово.

– Все готово, все готово... Да ты совсем рехнулся! Бежать надо. И чем быстрее, тем лучше... Пока они на всех нас могильную глину не примерили.

– Ну зачем, Геня, паниковать? – уже не так рьяно защищал себя отец.

– Ты как хочешь, а я беру Гиршке и убираюсь отсюда... Жизнь дороже, чем штаны реб Йехезкеля. Хоть ты ему, Велвл, объясни, что к чему, – обратилась она к беженцу.

– Жизнь, понятно, дороже, – вздохнул Велвл. – Но боюсь, Геня, что мы уже вряд ли от них убежим.

– От штанов? – рассмеялась мама, пытаясь скрыть свою тревогу и обиду: искала в нем союзника, а Велвл вон куда оглобли повернул.

– От немцев, – сказал Велвл. – Страшно вымолвить, но такое чувство, что всюду нас найдут.

– Если будем сидеть, как зайцы на полянке. Я договорилась с балагулой Пинхасом... Телега у него большая, все уместится...

Хотя отец и считался главой семейства, последнее слово всегда принадлежало матери. Одолела она его и на сей раз. Всю ночь они о чем-то шептались в спальне, не раздеваясь и не ложась спать. Не мог уснуть и я. Сон, как мушиная липучка, манил меня своим медовым цветом; я каждую минуту был готов поддаться искушению и прилепиться к нему, но, приблизившись вплотную, вздрагивал и мотал головой. Несколько раз я вставал и, стараясь не скрипеть половицами, подходил к приоткрытой двери, прикладывал к ней свое утомленное любопытством ухо, но оттуда, из теплой, залитой звездным сиянием глубины, до моего слуха доносилось только шу-шу-шу, как будто в сене шуршали жучки или зерно просыпалось из сита.

Я понятия не имел, что предпримут наутро родители, куда балагула Пинхас повезет нас; у меня из головы не выходили слова подмастерья Велвла, у которого в глазах никогда не догорал фитилек задумчивости и страдания: «Мы уже вряд ли от них убежим». Мне было невдомек, почему немцы за нами, евреями, гоняются по всему миру. Чем их обидел мой отец, который все человечество делил только на тех, кто шьет себе одежду у

мужских портных, и тех, кто шьет ее у дамских, как у его брата Мотла? Чем их обидел холостяк Пинхас, у которого и лошадь, как уверял дядя Шмуле, была холостячкой – он ее к жеребцу и за версту не подпускал? Чем их обидел лавочник Иехезкель, который стоит за прилавком, как Б-г, и всем бесплатно улыбается?

Я чувствовал: случится что-то такое, что перевернет всю мою жизнь – наступит утро, и у меня больше не будет моей реки; моей рыночной площади; моего клена, на верхушку которого я по нескольку раз на дню забирался, чтобы за крышами домов разглядеть не только парящего у самого горизонта коршуна, не только проплывающие над головой облака, но и то, что ни в какой бинокль не увидишь – себя самого, взрослого, в фетровой, как у доктора Рана, шляпе, с тростью в руке, в блестящих лакированных ботинках и обязательно с дочерью лавочника Иехезкеля Рейзеле, которая играет не на скрипке, не на флейте, а на большом черном ящике с белыми и сладкими, как головки рафинада, клавишами. Г-споди, разве в телегу Пинхаса усадишь всех евреев? Евреев вон сколько, а телега одна. И лошадь одна...

Под утро отец не сел, как бывало, за швейную машинку, а вместе с мамой и подмастерьем Велвлем бросился вынимать из шкафа, снимать с удивленных манекенов недошитые пиджаки, развешивать их на деревянные, замусоленные плечики, доставать с полка полуготовые брюки и, распределив все поровну между своими помощниками, отправился вместе с ними разносить заказчикам по встревоженному, изнуренному бессонницей местечку.

Первым в этой печальной, чуть ли не похоронной очереди был лавочник Иехезкель. Но когда отец поднялся на крыльцо его бакалеи, то ткнулся носом в огромный, похожий на заржавевший полумесяц замок. Окна лавки были заколочены крест-накрест. Не было ни души и в жилой части дома. На крыльце сидела осиротевшая кошка и лапками терла глаза.

– Кис, кис, кис, – сочувственно позвал Велвл.

Но кошка, видно, в чужом сочувствии не нуждалась. Чужое сочувствие, как спичка, – вспыхнет и тут же, не согрев, погаснет.

Не удалось отцу рассчитаться и с большинством других своих заказчиков.

Возле покинутых домов молча, с многозначительным видом расхаживали мужчины в пиджаках, которые подозрительно топорщились (не от оружия ли?) на поясице.

Только пекарь Файн, с которым мой отец когда-то, в далекой молодости, играл в одной команде в футбол: Берл – левым полусредним, а Шлейме – правым, получил свой раскроенный отрез.

– Ты уж на меня не сердись, Берл, – промямлил отец.

– Что поделаешь, Шлейме! – вздохнул Берл. – Весь мир раскроен на кусочки, а сшить его никто не берется. Все только об одном думают: как бы ножницы в ход пустить.

Прощание с тем, что называется домом, далось мне легче, чем я думал. Может потому, что своего дома у нас и не было. Мы снимали трехкомнатную квартиру в доме

Капера напротив костела, все настоятели которого свою партикулярную одежду шили у моего отца.

Мама снова напялила на манекен пиджак лавочника Иехезкеля, а остальное шитье завернула, как в саван, в большую белую наволочку и сунула в шкаф.

В дорогу отец приготовил утыканную иголками бархатную подушечку, привезенную ему, в подарок кстати еще из той, не охотившейся за евреями Германии; свои любимые ножницы; четыре мотка ниток и два отреза из аглицкой шерсти, купленные впрок на случай, если заказчик явится без материала. Мама аккуратно сложила в холщовую торбу еду на первые изгнаннические дни, а в отдельный сверток – платья: одно простое, другое выходное; связала веревочкой ключи, спрятала их куда-то за лифчик; мне на выбор было позволено взять две пары коротких и две пары длинных штанов, одну рубашку с длинными рукавами, другую – с короткими, летнюю шапочку и легкие сандалии.

– А теперь спать! – приказала мама.

Но никому не спалось. Где-то вдали, как весенний гром, ворчала канонада. За окнами в небо взлетали одна за другой ракеты, и их светящийся хвост вился над перелесками.

Я притворялся, что сплю. Мама и впрямь дремала, но дремота ее была чуткой и уязвимой. Она то и дело просыпалась, испуганно оглядывалась и, отыскав взглядом меня и отца, снова закрывала глаза.

Отец сидел за швейной машинкой. Сперва – прямо, потом сгорбившись. Он смотрел на светящуюся, как таящая в ночи ракета, надпись «Singer» и тихо, почти неслышно нажимал на педали.

До той памятной ночи я ни разу не видел, чтобы он так работал – без ниток, без сукна, вслепую, наугад. Швейная машинка строчила воздух, но отец не поднимался, склонялся над ней и что-то сбивчиво, как на кладбище, у края могилы, шептал.

И так длилось до самого утра, пока на его сгорбленную спину не упали лучи восхода, пока игла его боли не затупилась. Наконец он встал, погладил «Singer» и сказал:

– Спасибо.

Постоял над машинкой с облупленной краской, оглянулся и выдохнул:

– До свиданья!

– До свиданья! – слышалось в тиши.

Я понимал, что это эхом во мне откликнулся отцовский голос, но позже, когда я немного подрос, я частенько ловил себя на мысли, что это он научил говорить и ее, свою швейную машинку. Мало ли чему после такой прикованности можно за долгие годы друг у друга научиться!

На телегу Пинхаса мы погрузились на рассвете, когда в полноводной Вилии только-только, как сбжавшая голышом с мостков крестьянская девка, начало купаться

солнце. Отец и Велвл примостились впереди, я и сын беженца Ассар – посередке, а Мириам – жена подмастерья и мама устроились сзади.

Телега выкатила на дорогу, запруженную отступающими красноармейцами и нашими земляками, снявшимися с насиженных мест и двинувшихся куда глаза глядят – только бы подальше от не встречавших почти никакого сопротивления немцев.

Пинхас лениво помахивал кнутом, что-то насвистывал по обыкновению, время от времени он доставал из кисета махорку и сворачивал козью ножку, но в разговоры не вступал; молчали и другие; над повозкой вился едкий дымок, и, как болезненный Велвл ни отгонял его руками, неслух упрямо змеился портновской ниткой в воздухе. Порой лошадь заливалась тревожным ржанием, и все невольно съеживались в ожидании близкой беды.

Беда на первых порах нас миловала, обходила стороной; в Паневежисе возница сделал привал, распряг лошадь и пустил ее на лужок – пусть полакомится травкой; размяли затекшие ноги и мы, всласть повалялись в пахучей, насквозь простреленной кузнечиками траве, подкрепились и в сумерках двинулись дальше – к Двинску.

Ночью ехать было небезопасно, но Пинхас настаивал на своем: зато, дескать, дорога свободна, можно к утру и до самой латышской границы добраться. Б-г милостив – не даст в обиду ни лошадь, ни детей.

Колыхались звезды, колыхалась телега, колыхались утратившие очертания фигуры седоков; колыхалось и высыпалось, как из песочных часов, само вселенское время. Казалось, телега катила по нему, словно по пыльному проселку, в иное, расположенное за горизонтом время – без немцев и без красноармейцев, без литовцев и евреев, но чем больше мы ехали, тем оно делалось отдаленней, а остановиться мы не могли, ибо каждая остановка могла обернуться для нас смертью. Молчание и мрак, забеленный светом луны, как свекольник сметаной, сплачивали всех воедино, счастливо обезличивали, и никому из нас не хотелось их нарушать и рассеивать. Только Ассар изредка вскрикивал во сне, и Мириам прижималась к нему теплой щекой и ерошила его вьющиеся кудри, как ветерок весеннюю листву.

Три раза на дню Пинхас слезал с облучка, отходил в сторонку, поворачивался лицом к Востоку и, забыв обо всем на свете, вкушал пряность и терпкость молитвы.

В такие минуты для него, кроме Всевышнего, ничего не существовало. Б-г правил миром, как Пинхас строптивой и норовистой лошадей. Пинхас и сам тогда как бы превращался в лошадь – прядал ушами и прислушивался то к щелканью кнута над головой, то к ласковому слову Всевышнего.

Однажды молитва чуть не погубила нас. Пока Пинхас, раскачиваясь из стороны в сторону и не сводя глаз с молитвенника, творил ее где-то на обочине, вдали от потока беженцев, к телеге подошли двое в запыленных солдатских шинелях, в помятых пилотках с потускневшими звездочками.

– Ваша телега? – спросил сержант.

Отец мотнул головой.

– А чья? – не унимался тот.

– Его, – сказал отец и метнул взгляд на обочину.

– У нас есть ордер. Все повозки и лошади реквизируются на нужды Красной Армии.

– Ничего не знаю, – буркнул отец.

– А ну-ка слазьте все! – приказал сержант.

Велвл и Мириям вдруг засуетились, обняли Ассара, но тут голос подала мама:

– Пусть сперва этот самый ордер покажет!

Что-то смекнув, сержант взял лошадь под уздцы.

– Что вы делаете? – закричал отец и соскочил на землю. – Не имеете права!

– Помолчи, пархатый, – огрызнулся красноармеец, но злости в его голосе было больше, чем уверенности.

– Пинхас! Пинхас! – завопила мама. – Лошадь уведят! Лошадь!

Ее крик привлек внимание беженцев – они столпились, сгрудились вокруг телеги, преградили угонщикам дорогу.

И тут подоспел Пинхас.

Увидев уздечку в руке сержанта, он перестал молиться и сломя голову бросился на выручку к своей гнедой.

Он не стал совестить красноармейцев, требовать от них ордера, взывать к их великодушию, а вцепился руками в горло грабителю и под одобрительные крики и улюлюканье беженцев принялся его душить. Тот задыхался, дрыгал ногами в тяжелых, заскорюзлых сапогах, пытался что-то выкрикнуть, но Пинхас железного кольца вокруг его короткой, жилистой шеи не отмыкал до тех пор, пока тот не отпустил уздечку.

– Пристрелю как собаку! – шипел сержант. – На кого, паршивый жидяра, руку поднял? На Красную Армию! А ты, дурень, чего zenки вытарашил? – напустился он на своего однополчанина. – Почему не хлопнул его, раззява?!

Когда Пинхас снова забрался на облучок, старший по званию красноармеец, сыпавший проклятьями, навел на балагулу винтовку, прицелился, но выстрелить так и не отважился. Слишком много вокруг свидетелей, да и про ордер он сбrehнул. Просто захотелось как можно скорее выбраться из этого пекла, из этой треклятой Литвы, из этого – который день подряд – бредущего на убой стада. Пальнул бы в бородатого еврея – даже глазом бы не моргнул. Но не при всех... Поднимут шум, и под трибунал попадешь. А что в оправдание скажешь? Что от части отбился? Что, как и эти пархатые, от немчурь драпаешь? Что боишься больше, чем они?

– Он мог вас убить, – тихо, не скрывая своего восхищения, промолвил Велвл, когда телега забралась на косогор, с которого открывался вид на занавешенную ивами, безмятежную литовскую деревню.

Там, в тишине, поскрипывали колодезные журавли, и на крышах хлопали крыльями молодые, только что научившиеся летать аисты.

– Ну и что? И я мог его убить, – пробурчал Пинхас. – Господи, прости и помилуй!

Он помолчал и добавил:

– Жалко всех.

– И этого... с винтовкой? – несмело спросил Велвл.

– Да. И им бы место нашлось... Если бы по-людски попросили... – Пинхас стегнул лошадь. – Как подумаешь – что такое Б-жий мир? Разве не одна большая телега? Но почему-то каждый хочет, чтобы колеса крутились только в ту сторону, куда ему надо, и потому вырывает у другого вожжи или уздечку.

Из придорожной деревни потянуло сытным, утренним дымком.

Над плакучими ивами кружились молодые аисты.

Я с завистью следил за тем, как они летают, как садятся на скошенный луг, как вышагивают между копен своими тонкими ногами, ломкими, как праздничные, усыпанные сахаром, сдобные палочки. Порой я совсем забывал про войну, про оставленный в Йонаве дом и невольно упивался тем, что впервые за свои тринадцать лет видел: задумчивыми пашнями, сверкающими в высоких лесных рамках озерами, древними литовскими курганами. Как я ни старался, мне никак не удавалось связать воедино эту проплывающую мимо красоту с собственной усталостью; с немногословным отчаянием отца; с какой-то, чуть ли не прощальной нежностью подмастерья Велвла и его жены Мириам к вечно зевающему от тряски Ассару; с озабоченной бойкостью мамы; с дорожной пылью, в которой брели деморализованные солдаты и беженцы с котомками за плечами.

– Долго еще нам ехать? – спросила – не у самого ли Б-га? – мама.

Никто ей не ответил.

– Давайте где-нибудь остановимся. Вы только посмотрите – какая вокруг тишина! Что если Шмуле прав – и Красная Армия выгнала немцев из Литвы? Может, переждем войну в какой-нибудь деревне или местечке и через недельку живыми и здоровыми вернемся в Йонаву?

Тишина и впрямь была завораживающе непостижимой. – Еврей жив, пока куда-нибудь едет, – пробасил балагула Пинхас, но против предложения мамы возражать не стал. Правда, в том, что русские сумеют отбросить немцев и что мы все живыми и здоровыми вернемся на родину, он сильно сомневался. Забота о лошади, не знавшей которые уже сутки отдыха, перевесила все его сомнения. Место временной стоянки балагула выбрал самолично: Литву он знал как свои пять пальцев.

Городишко, в котором мы остановились, назывался по-литовски Обеляй – Яблоневка.

Он в самом деле весь утопал в яблоневои цвете. Белые кружевные пушинки носились по главной улице, падали на крыши изб, на шпиль белого, как бы в тон тем же преобладавшим среди деревьев яблоням, костела, устилали притвор, где одиноко возвышался памятник не то священнику, не то ратнику. Хозяин, к которому Пинхас привел нас на постоя, долго разглядывал деньги – смятые, скукожившиеся русские рубли, прославленную бородку Ленина, его потускневшую лысину, – как будто ему сунули фальшивку, и не спешил прятать задаток в карман полотняных штанов. Он, видно, предпочел бы получить вместо них что-то из серебра и золота, но, кроме обручальных колец Велвла и Мириам, у нас ничего не было.

Пока Пинхас расплачивался, отец выхватил взглядом ручную швейную машинку, и впервые за последние четыре дня на его лице появился промельк радости. О, если еще удастся найти какого-нибудь заказчика, он с удовольствием что-нибудь сошьет. Он был готов шить не только из отрезов, которые прихватил в дорогу, но из обыкновенного рядна, из лоскутов, из яблоневого цвета, из чего угодно, только бы шить!

Мама и Мириам, не мешкая, занялись готовкой. Тем паче что хозяйка – Катре – принесла всякую всячину – свежие яйца, картошку, молоко и простоквашу, сыр, липовый мед.

– Ешьте, ешьте, – приговаривала Катре.

Заказчиков не было, и отец с Велвлом, томившимся от безделья, отправились с Пинхасом к озеру купать гнедую.

Вода в озере была холодная, и лошадь фыркала от удовольствия.

Когда она выбралась на берег и немного обсохла, мужчины принялись расчесывать ее гриву, соскребывать скребком прилипшую к коричневому крупу и к мохнатым ногам грязь, выдергивать из хвоста колючки. Казалось, не было в мире дела важнее этого, оно вдруг затмило все – и безысходность, и неприкаянность; казалось, это не гнедая, отряхивая усталость, фыркала от нечаянной радости, а ликовала сама жизнь, которую Г-сподь даровал всем тварям не для того, чтобы они уничтожали, а чтобы холили и берегли друг друга. Я с Ассаром сторожил привязанную к опрокинутой лодке лошадь, прислушиваясь, как барахтается в воде отец, как размашисто гребет Пинхас, как, набирая полные пригоршни воды, обливает себя не умеющий плавать Велвл, и над всеми нами сияло щедрое, миролюбивое солнце, и запряженные в золотую колесницу рысаки пророка Элиягу мчались к нам на помощь и перекликались с выкупанной, неожиданно помолодевшей гнедой.

Это была первая ночь, когда мы снова спали в постелях.

Еще рассвет не забрезжил, как закукарекали петухи.

Г-споди, неужто так будет каждое утро – кукареканье, теплая от снов подушка, яичница, яблоневый цвет за окном, как пух ангелов с неба?

Но в полдень пришел хмурый хозяин, отозвал в сторонку Пинхаса и что-то прошептал ему.

– Хорошо, – сказал балагула.

Между тем ничего хорошего в том, что услышал Пинхас, не было. Оказывается, за Обеляй высажен десант – соседи, латыши-айзсарги, переодетые в форму энкаведистов, собираются выловить и перестрелять отступающих в одиночку красноармейцев и заодно евреев.

– Но тут Литва, – напомнил подмастерье Велвл.

– Нет сейчас ни Литвы, ни Латвии... – отрубил Пинхас. – Надо немедленно уходить.

– Но тут тихо, – вступился за своего подмастерья отец.

– На кладбище тоже тихо. Но там, кроме сторожа, никто не живет.

– Легко сказать – уходить. Но куда? – прохрипел отец, крутившийся возле покрытой ржавчиной швейной машинки.

– Я вижу только одно спасение – Белоруссию... Добраться бы до Себежа!.. – бросил Пинхас.

Он вышел во двор, запряг лошадь, потрепал ее за холку, наклонил к себе ее широкое, как лопух, ухо и что-то доверительно пробормотал. Перед тем как куда-нибудь поехать, Пинхас всегда объяснялся ей в любви. Больше было некому. Только ей, избалованной, и избалованному любовью Б-гу.

Чтобы сократить расстояние до Себежа, Пинхас вместо того чтобы двигаться напрямик, надумал пуститься наискосок и переправиться на пароме через реку.

– А если парома нет?.. – насторожился отец, не очень-то и суше доверявший.

– Не беда. В случае неудачи времени потеряем немного, а если повезет, то выигрыш будет о-го-го!

– Мы, пожалуй, останемся, – вдруг объявил подмастерье Велвл. – Будь что будет... Сколько можно мотаться из страны в страну. Сил нет.

– Велвл! – напустилась на него мама. – Мириам и Ассар поедут с нами, а ты как хочешь!..

– Сил нет, – повторил подмастерье и заплакал.

– Перестань! Чему ты детей учишь? – озлился и мой отец. Обеляй мы покинули после полуночи. Днем устраивались в каком-нибудь укромном местечке, а ночью безостановочно двигались вперед.

На исходе пятого дня нашего странствия в низине сверкнула незнакомая река.

Еще издали Пинхас увидел натянутый через водную гладь канат и углый, сколоченный из сосновых досок паромик с колокольчиком под железным купольцем, смахивающим на шляпку боровика.

К паромику сверху, с осыпавшегося утеса, вел высланный – видно, на случай дождя – валежником пустой проселок.

Колокольчик молчал.

Не видно было и паромщика.

Телега съехала вниз. Пригорюнившийся Пинхас огляделся, в сердцах сплюнул, но тут же взял себя в руки и что есть мочи закричал:

– Эй, есть тут кто-нибудь?

– Эй, – размножила его голос тишина. – Э-э-эй!

И вдруг из кустов вылез какой-то верзила с перевязанной щекой и распатланными рыжими волосами.

– Перевезешь на другой берег?

– Почему бы нет. Золотишко гоните!

– А что, без золотишка ни в какую?

– Нет.

Верзила потянулся, зевнул и, подбирая штанины, зашагал к кустам.

– Постой! – вскричал подмастерье Велвл и стал сдирать с пальца обручальное кольцо.

– Только давайте условимся: кольцо наперед.

– Ладно, – выдавил Велвл.

– Что ты делаешь? – ужаснулась мама.

– А что прикажете делать?

– Мы помолимся за тебя... – тихо произнес Пинхас.

Телега вкатила на паром; верзила дурашливо дернул колокольчик, тот ржаво затренькал, и сразу же на всех повеяло целебной речной прохладой.

Когда паромик скользнул на стремнину, в небе появился самолет. Он летел на малой высоте, упиваясь своим безопасным одиночеством.

– Он летит прямо на нас, – сказал я.

Отец глянул вверх, и тут небо брызнуло пулями.

Летчик старался перерезать канат, затеяв дьявольскую, доставлявшую ему удовольствие игру; пули чиркали по жгуту, по настилу, но немец не унимался, переходил в пике и весело нажимал на гашетку.

Мы с Ассаром лежали под телегой, мама и Мириам накрывали нас своими телами.

Наконец трюк с канатом немцу, видно, удался – паром стало относить вниз по течению, мы услышали, как затрещали оглобли, как лошадь рухнула на настил, как застонал протяжным стоном, похожим на ржание, Пинхас.

Вскоре мы причалили к берегу.

Паромщик, босой, с закатанными штанинами, лежал у купольца с замолкшим колокольчиком. По правой его щеке к небритому подбородку струилась тоненькая струйка крови; мой отец рылся у него в карманах, пока не нашупал кольцо Велвла; сам Велвл поцелуями промывал от страха глаза Ассара, а Пинхас сидел на корточках перед мертвой лошадью и перебирал пальцами, как струны, ее волосы.

Косари помогли зарыть гнедую в теплую землю; Пинхас снял с нее сбрую, часть отдал добровольцам-могильщикам, а уздечку накиннул себе на шею.

Так, с уздечкой на шее он и вошел на закате солнца в Себеж.

Закат багровел, как свежая рана, уздечка звякала, и ее звон перекатывался из одного угла в другой, с одной улицы на другую, из страны в страну, с одного земного полушария на другое.

Звякает она на закате и посейчас; и посейчас паромщики повсюду требуют от беженцев золотишко за переправу с берега смерти на берег жизни, и убитые лошади и посейчас смотрят остекленевшими глазами в бескрайнее небо, где, словно засушенные в гербарии листья, висят готовые перейти в пике самолеты; и пули и посейчас чиркают по канату, протянутому над миром, как над той захолустной рекой, и снова толпы – чуть ли не все человечество – прячутся под скрипучим днищем телеги, груженной только

надеждами, и, как когда-то я и несмышленный Ассар, боязливо гадают, куда отнесет всех никому не подвластное течение.

Уздечка звякает на закате. Звякает, звякает, звя...

УЧИТЕЛЬ-ПОЭТ

Î eddà Àm'èç

Учительский стаж Семена Рувимовича Богуславского без малого полвека,
а поэтический – и того больше.

В dīæèñŷ à Î îñéâí, á áî î á

Ádàçŷdì áí à

Í à Dīæááñò ááí éá áî dīñ

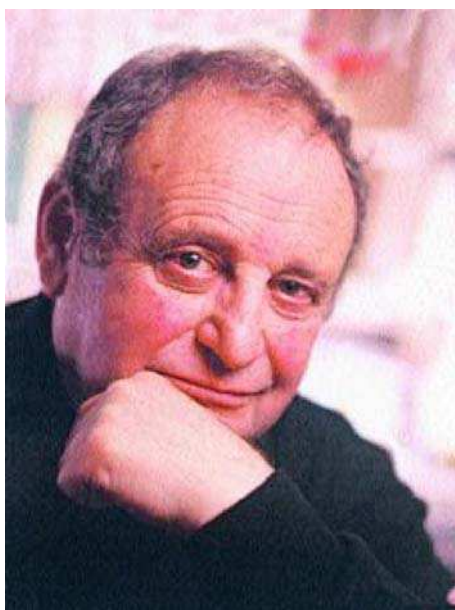
Í à Áúá dī áéá æ è áú

Áúé á ádúæð ã dī áàð, æéáæ dāçí ú á

ñò dāí ú,

Áîñò î dāèñŷ, áçáúðæ. Í î èpáèp ŷ

Î îñéâí

Появился он на свет 31 марта 1926 года.

Родители Семена были портными. Отца в 1937-м арестовали и расстреляли. Пострадал он из-за брата М.С. Богуславского, который при Ленине был Председателем Малого Совнаркома.

Одиннадцатилетним мальчиком Семен начал посещать литературную студию при Московском ДOME пионеров, где такие маститые писатели как С.Я. Маршак, Р.И. Фраерман, А.П. Гайдар, К.Г. Паустовский, здесь не только вели занятия, но и читали свои

новые произведения. Из студии вышли известные впоследствии прозаики Ю. Трифонов, С. Баруздин, А. Алексин, поэт Н. Гребнев.

Когда началась Великая Отечественная война Семен окончил семилетку, и они с матерью и сестрой эвакуировались сначала в Татарию, а потом в Оренбург, где он окончил 9 классов и поступил на завод токарем.

В 1943-м семья возвратилась в Москву, и 17-летний Семен поступил в железнодорожный техникум, учащиеся которого освобождались от призыва в армию. Несмотря на то, что учился на одни пятерки, в 1944 году он пошел добровольцем в армию. Служил на Дальнем Востоке, принимал участие в Маньчжурской операции; был радиотелеграфистом, радистом. В 1947-м его как еврея и сына репрессированного перевели из артиллерийского полка в стройбат. В это время он часто печатался в местной прессе. В 1950-м в чине сержанта, награжденный орденом Отечественной войны II степени и медалью «За победу над Японией», он демобилизовался и поступил на факультет русского языка и литературы Московского педагогического института им. Ленина. Двадцатичетырехлетний студент в военной форме выделялся среди вчерашних школьников. С ним учились Ю. Коваль, ставший детским писателем, Ю. Ким и Ю. Визбор – известные всем сегодня авторы и исполнители бардовских песен.

Окончив в 1954 году институт, Семен получил назначение в школу Оренбургской области. Она находилась на месте Белогорской крепости, той самой, где разворачивались события, описанные Пушкиным в «Капитанской дочке». С этого и началась его педагогическая деятельность. Через год его снова призвали в армию на полгода, а затем он вернулся в Москву.

Младший сержант С.Р. Богуславский. 1946 год.

Здесь он, тщетно пытаясь устроиться в школу, совмещал работу учителя и инспектора районного отдела образования. Это дало ему возможность ознакомиться с работой директоров разных школ, и он решил создать свою школу.

36 лет назад С.Р. Богуславский стал директором той самой 1274-й школы, которую он возглавляет и сейчас (в разные годы она имела разные номера). Ему очень хотелось организовать в школе музей В.В. Маяковского, поэзией которого он увлекался с детства. И эту мечту ему удалось осуществить. Причем, музей – это не только прекрасная экспозиция, где три с половиной тысячи экспонатов, среди которых и личные вещи поэта,

и прижизненные издания его произведений, даже карта со всеми маршрутами его поездок, но это и клуб, и место для читательских конференций, литературных диспутов и конкурсов чтецов. Ежегодно школьники выпускают литературный альманах «Маяковцы», где печатаются их стихи, рассказы, сказки и даже пьесы. Уже вышло 30 альманахов. При музее есть драматическая секция. Для учащихся организуются экскурсии по стране в места, связанные с жизнью и творчеством писателей – Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тютчева, Есенина и, конечно, Маяковского.

В музее неоднократно бывали Лиля Брик, Лев Кассиль, Виктор Ардов, Вас. Катанян, близко знавшие Маяковского.

В музее есть раздел, посвященный писателям, погибшим на войне. В его экспозиции отражена судьба экипажа танка «Владимир Маяковский». Есть там и письмо бывшего узника концентрационного немецко-фашистского лагеря Маутхаузен. Он пишет, что заключенные часто декламировали стихи Маяковского.

Семен Рувимович осуществил свою уникальную задумку – СОВА: Спрашивай, Отвечаем Все Абсолютно. В течение нескольких недель до заседания СОВА школьники могут опускать в ящик свои вопросы, и затем получить исчерпывающие ответы. Причем отвечают им не только учителя, но и приглашенные писатели, поэты, ученые, политики, артисты.

И еще одна примечательная традиция – ДУСЯ: Добровольные Учительские Собрания, на которые тоже приглашаются разные специалисты. Два раза в году учителя получают трехдневные путевки в дом отдыха. Это приурочивается к Женскому дню и Дню учителя. И учителя, и ученики неоднократно бывали в зарубежных поездках.

Семен Рувимович любит природу. Несмотря на занятость, выкраивает время для прогулок, участвует в походах:

На заседании СОВА. Слева – направо: Ю. Ким, доктор исторических наук А.П. Ненароков, С.Р. Богуславский

È - Êâââç îîâî î îîé... -

Í õĩ ãáúò è á úò ï
Í á ðáĩĩè à æ á õ ù è í á : á
× á ï ãĩ á à ì è ï ï ú ò à
Β õĩ æ ó ó æ è æ ÿ ð ã
Ê à ï á è ñ ò ú ï í á à è à ï ,
Á ï è ó á ù ï è á ï ì è à ï
È ï ð è : ó æ è á ù ï ã è è à ï .

В 1976 году С.Р. Богуславский защитил кандидатскую диссертацию на интереснейшую тему – «Школьный литературный музей-клуб в современном преподавании литературы в школе». Много лет он сотрудничал с Всесоюзным обществом «Знание», был членом совета Педагогического общества. Однажды его вмешательство способствовало тому, что запрещенный спектакль Ю. Любимова «Послушайте!» по Маяковскому вышел в театре на Таганке к зрителям. Он внес свою лепту и в защиту фильма Р. Быкова «Чучело», который хотели запретить.

Семен Рувимович имеет звание заслуженного учителя Российской Федерации. Свой принцип воспитания он изложил в стихах:

Í á í á à ï á ï á à ò ú ï ñ ð á ÿ ò à ï è ,
Ñ ï á ò è è á ù ï è è ï è ó ï á à ò ú ï è ,
Ñ à ï ï è ð á è á ù ï è , è ï ò ï à ò ú ï è ,
Ç à ñ ò á ï : è á ù ï è , ó æ ï á à ò ú ï è ,
Í á à ï á ï í ú ï è à è ñ ï è á ð à ò à ï è ,
Ò ð á ñ è è á ù ï è è ò à ï í á à ò ú ï è ,
Í á ñ ò ú ï è , ñ è ð ú ò í ú ï è , ï á ñ ñ è á ï ú ï è ,
Ê ð á ñ è á ù ï è è í á è ð á ñ è á ù ï è ,
Í ð ÿ ï ú ï è , á ñ ï ú è ù : è á ù ï è , á á ð ç è è ï è
Ñ ï á ñ ï è è ò ñ è ï á à ï è á à ò ñ è è ï è ,
Ê ï ò ï ð ú á ç à ï ï ï è í á ò ú
È ï ï ñ è á è ï ï ð è ï ï ï è í á ò ú
Í á í á à ï ...

Êâé æá èõ ì õĩ ñò è ò ù?!

Àà ò àé âĩ ò...

È í á í àã ì ñò è ò ù

Í á í àã ã ã à ò ù ñ ð à ÿ ò à ì è -

Âĩ âĩ ù, ê ì á ã í î, æ ì í à ò ù ì è.

С.Р. Богуславский среди учеников.

Он знает всех учеников в лицо и поименно. Может выдать эпиграмму, переименовав имя или фамилию так, что класс хохочет – смешно, но совершенно не обидно. Чувство юмора он ценит и у учителей.

А житейское кредо у него такое:

Æèâè, ò ñ ñ è ó í á æ à è ó ÿ.

Í ù ò ù ì è ç è ñ ñ ò ù - ã ì è.

À ð à ã ñ ñ ò ù, à à æ á ì à è ç ð,

Ê â è ã ì á ð ù é ñ ñ ò, ò á ì è.

Весьма примечательно, что 15 учителей школы, то есть четверть педагогического состава, ее бывшие выпускники. Учатся здесь дети и даже внуки бывших выпускников.

Практически все выпускники поступают в высшие учебные заведения. С грустью расстанется директор со своими питомцами.

Вот уже в течение 10 лет Семен Рувимович часто бывает в Израиле, там живет его дочь.

Ê ì ã ã à à ã ã ð ì ð è õ ì à è ò, ê ì ã ã à ì à ñ ÿ

â ì ñ ñ ì à è ò,

Çaĩĩĩ àþ è ææóĩĩĩæéáĩĩ ù:

В á Èçðàèèá - çí à: èò, çèì à

í à èĩĩĩää

В á Ì ìñää - ýòì çí à: èò: í à: àèĩ

ääĩ ù.

С.Р. Богуславский в Иерусалиме у Стены Плача.

Годы идут, иногда нездоровится, редет круг близких, но Богуславский не унывает:

Ñàì íá æääí íá - àíéòè èç àĩì ó

Ñëääöý ì ðàæèó ì: àí ù ì ðĩ ò ì ì ó

Áíäðì çääé, èèñèĩ ðĩ àĩ ì àùøà

Ñíèĩ ùøéĩ àñääò, à æèçí ù òĩ ðĩ øà

Творческих успехов учителю-поэту!

ГЛЮКЕЛЬ ФОН ГАМЕЛЬН: РАССКАЗ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Продолжение.

Начало в № 103 – 111.

V

С каждой почтой я получала письма от сына Лейба и слышала, что он успешно занимается коммерцией. Все хвалили его деловые качества. Он побывал на Лейпцигской ярмарке, где сделал прекрасные закупки, и приобрел большой магазин в Берлине. Другие мои дети тоже вели с ним коммерческие дела.

Я часто писала его тестю Гиршелю Рису и спрашивала, доволен ли он моим сыном, ведь молодой человек еще не приучен к делу. До сих пор он проводил все свое время в хедере и в бейс а-мидраше (комнате для занятий при синагоге). Гиршель Рис регулярно отвечал мне, что оснований для беспокойства не имеется. Я довольствовалась этим и считала, что с моим сыном все в порядке.

Тем временем подросла дочка Генделе, добрая и красивая девушка. Тут брачный посредник реб Йосеф предложил нам еще один несчастливый брачный союз в Берлине. В Берлине в то время жила вдова Боруха Вейта, богатого и всеми уважаемого человека, после смерти которого остались двое сыновей и две дочери.

Посредник предложил выдать мою Генделе за старшего сына Вейта. Он заверил, что это отличный молодой человек, склонный к занятиям, имеющий пять тысяч талеров наличными, владеющий половиной дома стоимостью еще в 1500 рейхсталеров, серебряными украшениями для Торы и всяким прочим. Его мать намеревалась держать его при себе, так как она все еще активно занималась коммерческими делами, обещая кормить и поить молодых в течение двух лет.

Я отвечала посреднику, что не отклоняю это предложение, но хочу все обдумать и дать ответ позднее. После чего я посоветовалась с моим деверем Йосефом и другими добрыми друзьями. Все они хором советовали мне соглашаться, но сказали, что сын мой, живущий в Берлине, лучше сможет информировать меня обо всем.

Итак, я написала сыну Лейбу и велела ему прислать мне полный отчет. Он рекомендовал соглашаться на этот брак, потому что у жениха имеется капитал в 5 тысяч рейхсталеров и все остальное, как и утверждал брачный посредник. Тогда я уполномочила сына подписать договор об обручении – увы, это принесло мне впоследствии много горя! Свадьба должна была состояться через полтора года.

Я полагала, что все обстоит хорошо, и сказала себе, что если уж у меня один ребенок в Берлине, пусть и другой едет туда же – обоим это будет приятно. Но увы, все обернулось не так!

Сын мой Лейб, как я уже говорила вам, был молод и в коммерческих делах неопытен. А его тесть, вместо того чтобы приглядывать за ним, отпустил вожжи и позволил ему бегать, как потерявшемуся ягненку.

Как я упоминала, Лейб стал вести дело на широкую ногу, открыв большой магазин, полный разных товаров. Его тесть женил своего сына Моделя на дочери моего деверя Йосефа. Этот Модель тоже был неопытный и к тому же дурно воспитанный парень. Однако все его приданое – 4 тысячи рейхсмарок – отец Йосефа влил в дело моего сына.

Сын мой Лейб держал Моделя в магазине для общего надзора. Но что это был за «надзиратель»! Приказчики, мужчины и женщины, крали товар у него из-под носа. Другие бесчестные люди, коих немало и в самом Берлине, и вокруг него, лебезя перед ним и якобы торгуясь, тоже тащили добро у него из-под носа.

Кроме того, сын мой Лейб ссудил несколько тысяч рейхсталеров польским евреям – и этих денег больше не видел!

Мне с детьми все это было неизвестно: мы-то думали, что Лейб возглавляет хорошее большое дело, и выписывали ему большие авансы. В то время у меня была чулочная фабрика, и я продавала чулок на многие тысячи талеров, записывая доход на свой счет. Вдруг мой незадачливый сын пишет письмо, в котором просит прислать ему тысячу талеров и большую партию чулок, что я и сделала.

Потом на ярмарке в Брауншвайге я встречаю неких амстердамских купцов, которые показывают мне выданные им моим сыном Лейбом векселя на 800 рейхсталеров. Лейб пишет мне, чтобы я, не сомневаясь, выкупила эти векселя, обещая перевести мне деньги в Гамбург. Поскольку я всегда поддерживала честь своих детей, я сказала себе, что не стану позорить его, опротестовывая эти векселя, и гордо их оплатила.

Гамбург. Еврейская биржа.

Я рассчитывала, что по возвращении с Брауншвайгской ярмарки найду перевод от Лейба. Но ничего подобного! А когда я запросила его письмом, он ответил отговорками, которые мне совсем не понравились. Но что было делать? Приходилось довольствоваться этим.

Спустя две недели пришел один мой добрый друг и сказал: «Не могу скрывать от вас: дела сына вашего Лейба вызывают у меня беспокойство! Он влез в долги! Свояку Моделью он должен 4 тысячи рейхсталеров. Модель сидит у него в магазине – предполагается, что он должен за всем наблюдать, но он еще юнец и не справляется с порученной ему задачей. Он все время уходит из магазина – то поесть, то попить, — а тем временем все, кому не лень, воруют! Хозяина в магазине нет! Сын ваш Лейб слишком порядочный человек, и приказчики водят его за нос. Сверх того, берлинцы тянут с него огромные проценты. А слева и справа у Лейба два волка: один из них – Вольф Мирельс, сын гамбургского раввина Соломона Мирельса, другой волк – это Вольф, родственник ученого Веньямина Мирельса. Каждый день второй Вольф (игра слов: «вольф» по-немецки «волк». – Прим. перев.) идет в магазин и забирает там бесплатно все, что захочет. В заключение скажу, что ваш сын ведет дела с польскими евреями, и, насколько мне известно, они уже облегчили его кошелек больше чем на 4 тысячи талеров».

Вот такие новости, и еще многое в том же роде рассказал мне мой добрый друг. Сердце у меня защемило, и помутился рассудок.

Когда мой друг увидел, как я потрясена, он пытался утешить меня, говоря, что если кто-то поддержит Лейба, то сына моего еще можно спасти.

Все это я рассказала сыновьям Натану и Мордехаю. Они сжались от страха и рассказали мне, что Лейб и у них занял несколько тысяч. Один Б-г знает, что это означало для меня – ведь одной мне Лейб был должен свыше 3 тысяч рейхсталеров. Но я не стала бы принимать это так близко к сердцу, если бы в дело не были впутаны его братья. Что нам было делать? Мы не смели ни с кем посоветоваться.

Решено было, что я поеду вместе с Мордехаем на Лейпцигскую ярмарку и посмотрю сама, как обстоят дела. Прибыв в Лейпциг, мы обнаружили, что Лейб уже там и скупает всякий товар.

Я завела с ним разговор: «О тебе говорят то-то и то-то! Подумай о Б-ге, о твоём добром и честном отце! Смотри, не опозорь нас!» «Незачем вам беспокоиться из-за меня, — отвечал он. — Совсем недавно, меньше месяца тому назад, мой тесть ездил к своему родственнику Вольфу из Праги. Мы вместе подбили итоги моим счетам, и он, слава Б-гу, пришел к выводу, что мои дела в отличном состоянии». На что я сказала ему: «Покажи мне твой баланс». «Со мной его нет, — ответил Лейб, — но, сделай милость, приезжай в Берлин, и я покажу тебе все, чтоб ты успокоилась». «Во всяком случае, — сказала я, чтобы закончить разговор, — не приобретай больше товаров ни на копейку».

Но стоило мне повернуться спиной, как реб Ицхок и реб Симон, сын рабби Манна из Гамбурга, всучили ему товаров в кредит больше чем на 1400 талеров. Услышав об этом, я пошла к ним и просила их, ради всего святого, аннулировать эту сделку, ибо мой сын должен перестать заниматься коммерцией, иначе он разорится. Но все напрасно: они вынудили Лейба взять товар.

После ярмарки я вместе с сыном Мордехаем, Гиршелем Рисом и другими берлинцами поехала в Берлин.

Только я вошла в его дом, сын мой Лейб сказал: «Думается, моя единственная ошибка заключалась в том, что я слишком много денег вложил в товар». На что я отвечала: «Ты должен мне свыше 3 тысяч рейхсталеров. Что до меня, я согласна получить эту сумму не деньгами, а товаром по той же цене, по которой ты сам платил за него». «Мамочка, дорогая, — сказал он, — если ты сделаешь это, я выкручусь из трудного положения и никто из-за меня не потеряет ни гроша».

На следующий день я пошла вместе с сыном в его магазин и действительно увидела, что он слишком затоварился. Он дал мне товару на 3 тысячи рейхсталеров, считая по закупочной цене. Можете себе представить мое настроение! Но как бы то ни было, я всегда стремилась только к одному — помочь своим детям.

Мы распорядились упаковать товар в тюки и отправить в Гамбург. Тут я заметила два тюка товаров, которые мой сын купил в Лейпциге у гамбургских купцов реб Ицхока и реб Симона. Я сказала сыну: «Эти два тюка отправь назад, а я позабочусь о том, чтобы их приняли, даже если мне придется заплатить за них из собственного кармана. А теперь, когда ты вернул мне свой долг, как насчет долга моим сыновьям Натану и Мордехаю?» У Лейба имелись векселя и польские ценные бумаги на сумму свыше 12 тысяч рейхсталеров. Их он отдал Мордехаю в уплату долга.

Ротенбург. Дом строительного цеха.

Просидев целый день в его магазине, мы вместе вернулись домой. Как вы понимаете, никакого удовольствия от ужина я не получила.

Рано утром на следующий день мой сынок является ко мне в комнату и говорит, что тесть не дает согласия, чтобы товар был отправлен из Берлина в Гамбург, поскольку Лейб-де должен Моделю 4 тысячи рейхсталеров, но если я уплачу последнему эти деньги, то могу забрать этот товар и отправлять куда душе угодно. Рассказывая все это, сын плакал.

Тут меня охватили смертельный страх и боль. Мне сделалось дурно, и до самого отъезда из этого проклятого города я не могла подняться с постели.

Я пригласила Гиршеля Риса прийти ко мне и спросила его, что он делает – неужели хочет одним ударом убить меня и моего сына?..

Но стоит ли писать об этом в подробностях? Их не вместили бы и десять листов бумаги! Я была вынуждена дать Гиршелю Рису вексель на 2500 рейхсталеров – вексель, который через две недели в Гамбурге должен быть предъявлен к оплате.

Тут Гиршель Рис сказал: «Надеюсь, никто не понесет убытка! Ведь у вашего сына еще большой запас товара! Помимо того что на здешнем складе, у него есть еще товар на 2 тысячи рейхсталеров во Франкфурте-на-Одере, не считая векселей и разных других документов, находящихся в руках вашего сына Мордехая».

Что оставалось делать? Приходилось все принимать с покорностью. Я подписала векселя, после чего отправила мои товары в Гамбург. Затем в сопровождении Гиршеля Риса пошла в магазин, показала ему два тюка товаров от реб Айзика и реб Симона и просила немедленно вернуть их, чтобы освободить сына по крайней мере от этого обязательства.

Векселя и документ, имевшийся на руках у Мордехая, принесли нам мало пользы – их мы передали Гиршелю Рису, который клятвенно обещал перевести в Гамбург все, что удастся выручить за них.

Еще около двух тысяч рейхсталеров сынок мой был должен Лейбу Бешере и Лейбу Гослару. Он дал мне векселей на достаточную сумму, чтобы им уплатить. Я могла бы удержать эти векселя в покрытие моего собственного счета, но если бы это сделала, мой сын, безусловно, был бы объявлен банкротом. Поэтому я передала их кредиторам Лейба.

В очень дурном настроении поехали мы домой. Я была совсем больна. Сыночек Мордехай пытался меня утешить, но, Б-гу известно, что он сам был удручен еще больше меня и не скрывал этого!

Приближалась ярмарка во Франкфурте-на-Одере, и на ней мы надеялись покрыть наши убытки и поправить пошатнувшиеся дела. Но вместо этого Гиршель Рис явился в магазин моего сына и наложил руку на все, что тот имел, – не только на товары, но и на все его векселя и на те два тюка товаров, что было обещано отправить в Гамбург. Ни нам, ни Лейбу не осталось и пфеннига.

Увы! Этим дело не кончилось, поскольку мой сын оказался должен еще какому-то купцу тысячу рейхсталеров и собирался дать ему на эту сумму векселя с покрытием в Гамбурге. Однако купец этот, узнав как обстоят дела, проявил бессердечность и хотел засадить Лейба за решетку.

Что было делать сыну? Его тесть позволил бы ему гнить в тюрьме за сотню талеров, не говоря уже о тысяче. Поэтому сын сказал купцу: «Сами видите, что здесь вам ничего не светит! Давайте поедem вместе в Гамбург, где мать и братья не бросят меня. В конце концов, если захотите, сможете упрятать меня в тюрьму и в Гамбурге». После чего сын пишет мне: «Прибываю в пятницу. Причину сообщить не могу. Расскажу все при встрече».

Письмо было получено за день до его приезда. Нетрудно представить себе, как я была удручена. Я поняла, что это не предвещает ничего хорошего, что тесть забрал у него все, в Гамбурге у сына остались большие долги и расплатиться ему нечем.

Однако времени на печальные размышления не оставалось. В пятницу рано утром пришло известие, что Лейб находится в Купеческом собрании и просит меня или кого-то из братьев прийти к нему. Я была безмерно напугана и не могла сделать ни шагу. Вместо меня пошел сын Мордехай, который и принес печальное известие.

Я обратилась за советом к своим деверьям Йосефу и Элиасу. Если затягивать дело и кредиторам станут известны наши обстоятельства, тогда мой сын погиб! В конце концов мы пришли к решению взять тысячу талеров под залог недвижимости, чтобы спасти Лейба из рук купца. До наступления темноты Лейбу следовало оставаться в Купеческом собрании, а с наступлением вечера перебраться в наш дом и пробыть там до

воскресенья. Рано утром в воскресенье, согласно нашему плану, я должна была отправить его вместе со своим свояком Шмуэлом Бонном в Гаммельн, где он мог оставаться у моего зятя Самуила Гамельна, пока не выяснится, что намерены предпринять наши супостаты.

Так и было сделано, и снова это стоило мне многих денег.

Лейб отправился в Гамельн; на пути туда ему необходимо было остановиться в Ганновере. Хотя мой племянник, богатый Яков Ганновер, сын Лефмана Беренса, очень сочувственно отнесся к нему, никакой реальной помощи он не оказал. Они с отцом писали мне утешительные письма, я отвечала приличествующим образом и благодарила их за утешения, но указывала, что, кроме утешений, нужна еще и реальная помощь и предлагала им похлопотать за моего сына, чтобы он смог выпутаться из затруднительного положения. В ответ Яков Ганновер предложил помочь пятьюстами талеров при условии, что мои сыновья Натан и Мордехай дадут письменную гарантию, а деньги будут ему возвращены.

Еврейский уличный торговец. XVIII век.

Еще подтверждение, что нельзя считать человека другом, пока его не испытаешь. А я-то верила, что Яков Ганновер, считавшийся близким другом Лейба, мог бы сделать больше в память о моем покойном муже, мог бы дать несколько тысяч, чтобы сохранить честь своего дяди. Увы!..

Прошло шесть месяцев, а Лейб все еще оставался в Гамельне. Спустя некоторое время в Ганновер приехал курфюрст Бранденбургский. Услышав об этом, я написала своему деверю Лефману Беренсу, чтобы он раздобыл для Лейба охранную грамоту. С такой грамотой Лейб мог бы вернуться в Берлин, узнать, как обстоят его дела, и постараться умиротворить своих кредиторов.

Ибо моего сына любили и евреи, и неевреи, и все прекрасно знали, как злые люди – пусть имя их будет стерто из памяти людской – ограбили его, пользуясь его великодушным и доверчивым характером.

Оставались еще разные мелкие претензии к нему, из которых он мог бы выпутаться. Он надеялся, что Г-сподь пожалеет его и позволит снова встать на ноги. Но, видно, Небо все еще гневалося на нас.

Сын Лейб поехал в Берлин, где попытался заняться коммерцией в скромных масштабах. Но, затыкая одну дыру, он создавал другую, – все время думая, как все подобные люди, что он поправляет дела.

VI

Как я уже рассказала вам, договоренность об обручении моей доченьки была достигнута, когда мы считали, что сын процветает. Но после того, как все обернулось так несчастливо, мысль выдать ее за берлинца стала мне отвратительна. Кроме того, Лейб рассказал, что жених был намного беднее, чем он писал ранее. Сын хотел предупредить меня об этом с самого начала, но поскольку уже тогда он испытывал денежные затруднения, а родители этого молодого человека помогли ему деньгами (что только способствовало его дальнейшему краху), он чувствовал себя обязанным писать о женихе одобрительно.

Я решила посоветоваться с моими друзьями и другими опытными людьми, ибо срок несчастной свадьбы быстро приближался. Из Берлина меня известили, что весь капитал жениха равнялся 3500 талерам плюс половина дома, после чего я сочла себя вправе разорвать соглашение, сославшись на то, что обещания, содержащиеся в договоренности о помолвке, не были выполнены.

Обмен письмами, требованиями и контртребованиями занял более года, и в конце концов – Б-г мне судья – меня буквально за волосы втянули в эту историю, и я была вынуждена повезти дочь в Берлин и выдать там ее замуж.

Приданое ее было положено в банк под процент в Гамбурге, приданое жениха тоже было отдано в руки заслуживающих доверия берлинцев под процент. Хотя я отправлялась в Берлин без всякой радости, – не только из-за сына Лейба, но и потому что перспектива этого брака не радовала меня, – однако я превозмогла себя и не допустила никаких промахов, которые могли бы отравить жизнь моего ребенка.

Я помирилась с Лейбом. Его участь была достойна сожаления. Ведь он делал все, что мог, – можно сказать, с ног сбил, стараясь выпутаться (о результатах я уже говорила). Хотя меня томили дурные предчувствия, я твердо решила не показывать, как удручена. Поэтому свадьба была веселой, и все было честь по чести. Богач Иегуда Берлин, его супруга и все друзья его дома почтили нас своим присутствием на свадебной церемонии – ко всеобщему великому удивлению, ибо до сих пор Берлин никогда не снисходил до личного присутствия на свадьбах венских евреев. Он сделал невесте дорогой подарок, а после свадьбы дал в честь молодоженов пышный обед.

После свадьбы мы стали собираться восвояси; я уезжала с тяжелым сердцем, ибо судьба сына все еще не выходила у меня из головы. Все же я цеплялась за надежду, что Б-г придет ему на помощь.

Итак, я простилась со своей доброй и милой дочуркой, и мы выехали в Гамбург. Увы, больше я ее никогда не видела. Словами не описать, как трудно было нам расставаться: как будто мы знали, что в этом мире уже не свидимся! Так и получилось: мы простились навек!

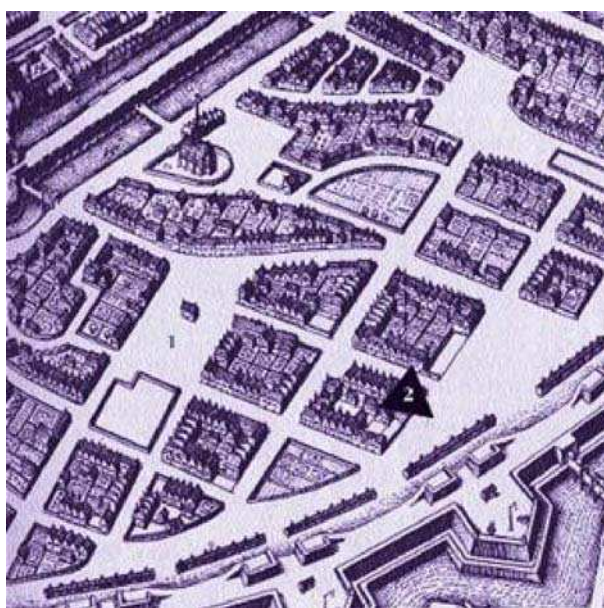
По прибытии домой я с каждой почтой стала получать письма от доченьки, и, казалось, это были счастливые письма. Хотя она тоже беспокоилась и огорчалась из-за

Лейба, но добрая и благочестивая девочка ни словом не касалась этой темы, стараясь оградить меня от новых печалей. Она схоронила это горе в собственном сердце.

Положение Лейба быстро сделалось таким, что ему было необходимо покинуть Берлин. Он нашел убежище в Альтене, под защитой Президента. Хотя Альтена находилась под властью Дании, ею управлял Президент. Находясь в Альтене, Лейб был вне досягаемости своих гамбургских кредиторов.

Пусть страдания, которые я перенесла, горя о его судьбе, и неприятности, которые причинили его кредиторы, будут зачтены мне как наказание за грехи! Ежедневно мне приходилось отрывать деньги от себя и детей, чтобы платить по счетам сына.

Затем мой сын тяжело заболел, и я ежедневно посылала в Альтену двух врачей, а также людей, чтобы ухаживать за больным. Это тоже стоило больших денег. Но в конце концов Лейб поправился.

План «Нейштадта» – еврейского района Гамбурга: 1 – районный рынок; 2 – синагога.

В это время в Берлине заболела моя добрая доченька Генделе, и к моему ужасному горю и горю всех ее знавших эта юная девушка умерла! Кара эта была больше, чем я могла вынести! Такой чудный, искренний ребенок, тонкая и изящная, как сосенка, полная невинной любви и благочестия, напоминающая святых женщин иудейского племени. Весь Берлин оплакивал ее! Очень горевала и свекровь, любившая ее как собственную дочь. Но материнского сердца это не исцелило. Ведь прошло всего 17 недель после ее свадьбы! Но не стану вновь беречь свои раны...

Прошло семь дней траура, и Лейб прислал мне письмо, в котором просил приехать в Альтену. Я отправилась к нему. Мы оба поплакали. Он старался утешить меня как мог. Потом он сказал: «Мамочка, чем кончится мое плачевное положение? Я – молодой человек, а мне приходится томиться здесь в бездействии. Моя дорогая сестра умерла бездетной, поэтому муж ее обязан возратить приданое, которое пойдет моим братьям. Если они в последний раз пожалеют меня и помогут из этих денег, чтобы я удовлетворил претензии кредиторов и смог вернуться в Гамбург, верю, что с Б-жьей помощью я смогу снова встать на ноги».

Сердце мое сжалось при этих словах; горькие слезы помешали ответить. Наконец я сказала: «Как могло тебе в голову прийти так обидеть своих братьев? Ты прекрасно знаешь, что они уже и так пострадали из-за тебя. По правде говоря, они до сих пор не могут оправиться от того ущерба. А сейчас, когда немного омытых слезами денег возвращается к ним, ты хочешь их выхватить, чтоб они оторвали их от сердца, которое и так горько обижено».

Целый час мы спорили, кричали и жаловались друг на друга, и наконец слова иссякли.

Молча я завернулась в свою гамбургскую шаль и пошла домой в слезах и с тяжелым сердцем. Ни словом я не обмолвилась об этом случае в разговорах с детьми, но Лейб послал за братьями и так донимал их своими просьбами и мольбами, что эти великодушные люди обещали выполнить его желание.

Вскоре он договорился со своими кредиторами и вернулся ко мне в Гамбург. Как только его тесть узнал об этом, он отправил свою дочь, жену Лейба, вместе с их ребенком ко мне, и стал давать своей дочери два рейхсталера в неделю на булавки. Мне ничего не оставалось, как принять их всех и постараться быть с ними приветливой.

В то время я занималась торговлей, и мой ежемесячный оборот составлял от пятисот до шестисот рейхсталеров. Дважды в год я ездила на Брауншвейгскую ярмарку и каждый раз получала несколько тысяч прибыли. Поэтому если бы меня оставили в покое, я скоро бы компенсировала убыток, который понесла из-за Лейба.

Дело мое процветало. Я заказывала товары в Голландии, закупала товары в Гамбурге, а продавала их в собственном магазине. Не щадя себя, я работала и летом, и зимой, сама ездила по делам и день-деньской бегала по городу.

Более того, я торговала и речным жемчугом. Я скупала его у евреев, сама отбирала и сортировала жемчужины, а потом перепродавала там, где, как я знала, на него был большой спрос. Кредиторы доверяли мне. Если бы во время сессии биржи мне понадобилось 20 тысяч рейхсталеров банко, я получила бы их!

Но все это было мне ни к чему. Я видела, как мой сын Лейб, человек благочестивый и добродетельный, знаток Талмуда, гибнет на моих глазах.

Однажды я сказала ему: «Увы, я не вижу для тебя будущего. Что до меня, у меня большое дело, даже больше, чем мне по силам. Давай, поработай на меня, а я стану платить тебе два процента от продаж». Лейб принял это предложение с большой радостью. Он так усердно принялся за работу, что мог бы вскоре встать на ноги, если бы его природные склонности не привели его к краху. Через моих клиентов он стал хорошо известен купцам, которые полностью ему доверяли. Почти все мое дело было в его руках.

VI

Сыну моему Йосефу было тогда четырнадцать лет. Это был отличный мальчик, очень способный к учению, стремившийся к изучению Талмуда. Поэтому мне хотелось отправить его учиться, как он того заслуживал, только я не знала куда.

В то время в доме Ицхока Полака был учитель, надежный молодой человек из Лисы (Польша), большой знаток Талмуда. Он услышал, что я хочу отдать сына в школу, и

предложил поручить мальчика ему. Он не станет брать ни копейки ни за питание, ни за обучение в течение двух лет, сказал он, а по истечении этого срока обещает вернуть мне моего сына, обученного толковать Алоху и Тосафистов (тойсфойс – комментарии на комментарии Раши, сделанные его внуками. – прим. ред.).

Я навела о нем справки. Все советовали принять его предложение. Тогда я заключила с ним контракт и проводила сына вместе с его учителем в Лису.

Сын благополучно туда прибыл, о чем безотлагательно сообщил мне, а потом стал регулярно раз в неделю писать, что он доволен учителем и старательно учится. А большего я от него и не требовала!

Спустя две недели Йосеф написал мне письмо, в котором просил прислать деньги, чтобы оплатить пансион за полгода и жалованье учителю. Конечно, я не обязана делать это, писал он мне, но жизнь в Лисе очень дорога, и учителю приходится изыскивать средства, что, естественно, мешает успешным занятиям. Однако, если бы его учитель был освобожден от этой необходимости и от других своих забот, учење шло бы быстрее. Были у учителя и другие дети из Гамбурга – их родители уже прислали деньги, поэтому сын просит меня от других не отставать.

Мне в общем было все равно, когда платить – месяцем раньше, месяцем позже – поэтому я отправила ему деньги за полгода. Все шло хорошо, и от приезжих я узнавала, что сын учится усердно.

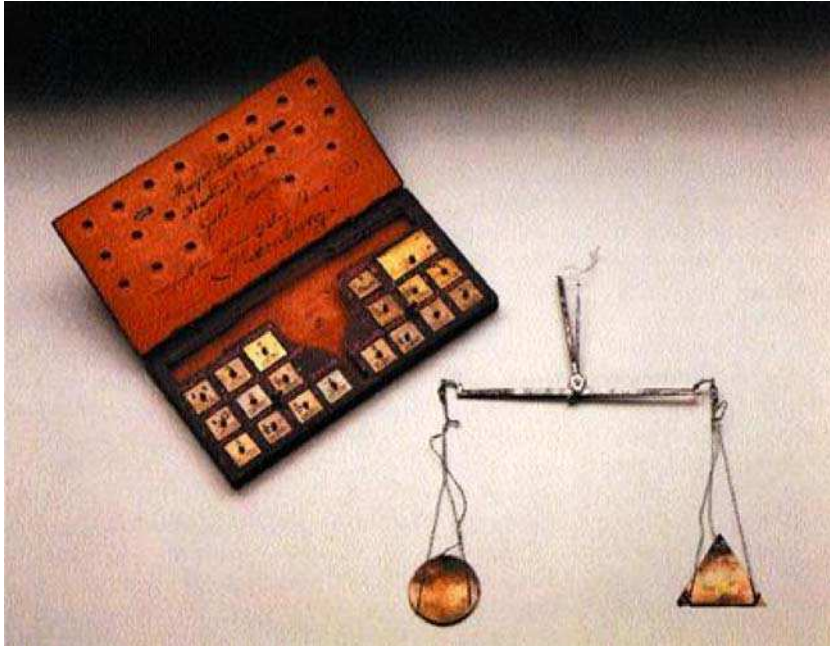
Однако по прошествии шести месяцев я получила от Йосефа – помню, это случилось в канун субботы, мы как раз собирались идти в синагогу, – такое письмо:

«Дорогая мамочка, тебе известно, что я всегда был хорошим мальчиком и никогда не делал ничего против твоего желания. Поэтому надеюсь, что и сейчас ты не лишишь меня своей любви и не допустишь, чтобы я попал в руки неевреев.

Тут я должен сообщить тебе, мамочка, что еврейская община Лисы очень много задолжала церковным властям и не в состоянии вернуть ни долг, ни проценты. Община не видит другого выхода, как отдать детей немецких евреев церковным властям в качестве заложников, предоставив затем их родителям выкупать их, как знают. Парнас общины по секрету раскрыл этот план всем учителям, имеющим немецких учеников, и студент, изучающий Талмуд – это мой добрый друг, – сообщил мне это шепотом. Я не смею сам писать тебе об этом, так как мой учитель бдительно следит за мной и читает все письма, поэтому я и попросил этого молодого человека написать тебе от моего имени. Ради Б-га, дорогая мамочка, напиши зятю Токеля, чтобы он дал мне 50-60 талеров, чтобы я мог заплатить учителю; тогда он тайно отправит меня домой и таким образом я ускользну из их рук.

Прошу тебя ради всего святого поспешить. Если ты помедлишь, я попаду – упаси Б-же – в руки поляков, и в таком случае выкуп обойдется нам вдесятеро дороже. Прошу тебя, не бросай своего сына ради этой небольшой суммы на произвол судьбы, чтобы я не попал в руки, из которых будет трудно впоследствии освободиться».

Когда я прочла это, силы оставили меня. Я вызвала своего сына Мордехая и показала письмо. Он тоже пришел в ужас. Суббота еще только началась. Мы решили, что как только пройдет праздник, Мордехай отправится в Лису и заберет Йосефа домой.

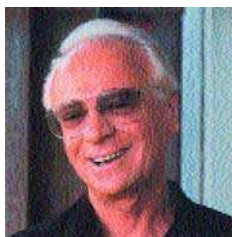

Весы. Германия, XVIII век.

Мордехай тут же выехал в Берлин, а оттуда во Франкфурт-на-Одере. Выезжая из городских ворот, он увидел, что навстречу ему на маленькой польской тележке едет Йосеф. Мордехай остановил его и спросил, чем объяснить, что он едет во Франкфурт, и что означает его странное письмо. Тут он показал это письмо.

Прочтя его, Йосеф сказал: «Что это означает? Не имею ни малейшего представления! Должно быть, мой учитель – пусть имя его будет вычеркнуто из нашей памяти – сам написал это письмо, чтобы выкачать из меня побольше денег, хотя он уже выжал из меня все, что мог. Он забрал все мое имущество, срезал серебряные пуговицы с моей одежды и все спрятал. Когда я захотел уехать, он сказал, что я должен ему много денег, хотя все это была ложь, – я, дескать, жрал, как свинья, объедал его и совсем разорил! Убедившись, что с ним невозможно разговаривать, я обратился к зятю Токеля с просьбой как-то договориться с учителем. Он уплатил 30 рейхсталеров, забрал меня, посадил на эту тележку и отправил домой в Гамбург. Слава Б-гу, я освободился от этого мошенника! Мало того, что он обобрал меня, ведь он ничему меня не научил!

Мордехай был рад тому, что встретил брата в воротах Франкфурта, и оба моих сына вместе вернулись в Гамбург. Я была счастлива снова видеть Йосефа, немедленно подыскала ему честного учителя, и с тех пор сын учился дома под моим наблюдением.

Израильский сказочник Гофман

Читателю предстоит познакомиться с творчеством удивительного писателя и человека. Представляя Эфраима Кишона, следует, наверное, упомянуть, что суммарный тираж его произведений, изданных в мире на 34 языках, уже превысил 42 миллиона экземпляров. Даже великий Ш.Й. Агнон и самый популярный в последние десятилетия израильский прозаик Амос Оз не могут и приблизиться к таким тиражам. Автор более 50 книг, десятков популярнейших киносценариев и пьес, Кишон и сегодня, в свои 78 лет необыкновенно энергичен, остроумен и, что, наверное, очень важно для художника, продолжает с неиссякаемым интересом всматриваться в окружающую жизнь, отражая ее на страницах своих произведений.

Эфраим Кишон (настоящие имя и фамилия Ференц Гофман) родился в Будапеште в 1924 году в ассимилированной еврейской семье. Он учился в венгерской столице в Академии художеств на отделении живописи и скульптуры, а также в местном университете на отделении истории искусств. Еще живя в Венгрии, Гофман начал писать на венгерском языке юморески, которые вскоре принесли ему известность. Тогда литературным псевдонимом молодого сатирика было имя Киш Хонт.

В 1949-м писатель поселяется в Израиле (чиновник иммиграционной службы в хайфском порту, недолго думая, поменял Киш Хонт на Кишон) и около года живет в кибуце Эйн а-Хореш, где интенсивно изучает иврит в ульпане. Переехав в 1950 году в Тель-Авив, Э. Кишон продолжает учить иврит, так необходимый ему для литературной работы. Друживший с Кишоном в те годы ныне известный израильский драматический актер и певец Хаим Тополь вспоминал: «Кишон необыкновенный упрямец, и в силу этого ему удалось великолепно овладеть ивритом. Каждый день он заучивал наизусть три-четыре страницы словаря и через год знал его весь».

Вскоре Кишон начинает вести юмористическую колонку «А я говорю...» в газете на облегченном иврите «Омэр».

С 1952 г. он ведет такую же колонку под заголовком «Один козленок» в популярной газете «Маарив». К середине 50-х годов Кишон стал самым известным юмористом Израиля, чьи рассказы и повести расходились по стране в десятках тысяч экземпляров (огромный тираж для маленькой страны), переводились почти на все европейские языки, а также на японский, турецкий и многие другие.

В 1955 году вышло первое издание повести «Нет нам подобных», которая стала необыкновенно популярной и с тех пор неоднократно переиздавалась. Так, в 1972 году она вышла под названием «Лиса в курятнике» и в 1975-м была переведена на русский язык. Среди множества сборников юморесок, фельетонов, рассказов и водевилей писателя наиболее широко известно издание «Универмаг Кишона» (1972).

Кишон – автор многих спектаклей, поставленных им самим: «Его слава идет впереди него» (поставлен в театре «Завит» в 1958 году), «Черным по белому» (поставлен «А-Бимой»), «Вьнь штепсель, вода кипит» (поставлен в театре «Камери»), «Брачный контракт» (театр «Огэль», 1961) Последней пьесе принадлежит рекорд по количеству постановок на израильской сцене.

По произведениям Кишона снят ряд кинокомедий, как, например, «Салах Шаббати» (1964, до настоящего времени продолжает оставаться одним из самых кассовых фильмов израильского проката), «Эрвинка», «Канал Блаумильха».

Широкая популярность произведений этого автора за пределами Израиля тем более примечательна, что все творчество Кишона связано исключительно с израильской действительностью.

В России до настоящего времени сборники рассказов Кишона не издавались.

ПАРТАЧИЯ, ЛЮБОВЬ МОЯ

На восточном побережье Средиземного моря, в районе кинотеатра «Мограби»¹¹, расположена маленькая, но заметная республика – Верхняя Партачия. Климат в этой стране очень субтропический, особенно высоки там влажность и налоги, поэтому в этом месте образовался новый вид населения, отличающийся ярко выраженным галицийско-восточным образом мышления. Это и есть знаменитое племя партачианцев.

Среднего партачианца легко узнать по характерной особенности – в 3.30 он должен быть в Хайфе. Помимо этого, он опаздывает. То есть не то чтобы опаздывает, он просто не приходит. Если где и можно его обнаружить, так это, как правило, в местах, обозначенных табличкой «Вход категорически воспрещен». Если маленький партачианец куда-нибудь входит, он сразу начинает все трогать, чтобы проверить – настоящее ли это. Увидит бутерброд – отхватит кусочек, увидит выключатель – включит. Любит копаться – в карманах, в ящиках стола, в носу.

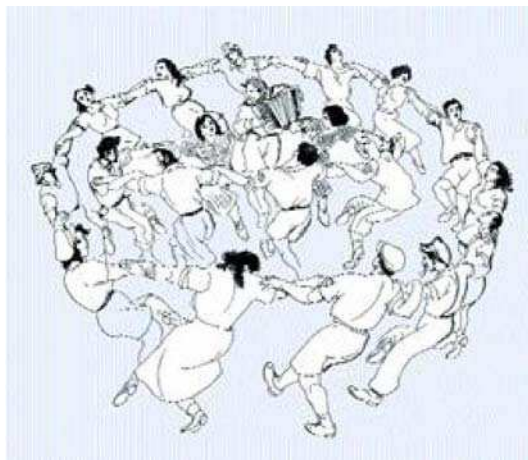
Национальный признак подданного Верхней Партачии – бутылка под ногами. В любом месте мира, там где сидят – в концертном зале или кинотеатре, – если вы слышите громкий звук катящейся по полу пустой бутылки, сразу понятно – там сидит партачианец.

Еще одна национальная особенность – ключи. В кармане партачианца находится в среднем двадцать один ключ, из которых двенадцать – неизвестно от чего. Когда партачианец вечером возвращается домой, он каждый раз начинает вставлять в замок восемь разных ключей, пока не обнаружит нужный, но его это не беспокоит – он партачианец. Хотя решение-то очень простое – потерять всю связку.

Он вообще любит терять. В этом месяце один партачианский агент правительственной службы безопасности прибыл в Стамбул с секретными разведдокументами, а когда стал открывать саквояж с дипломатической почтой, оказалось, что это косметичка его жены Зельмы, в девичестве Фридман. Так он заявил, этот партачианский агент, что ему так сказали – доставить косметику, да еще добавил: «А в чем дело-то?» Ну, получил порицание и выходное пособие. Сейчас он страховой агент.

– Очень характерно для типичного партачианца враждебное отношение ко всяким инструкциям по использованию. Если на коробке написано «Этой стороной вверх!», он ставит ее этой стороной вниз. Если красными буквами написано «Осторожно: стекло!», он подбрасывает коробку вверх, затыкает уши пальцами и отбегает в сторону... Если написано «Хранить в сухом прохладном месте», он ставит коробку на электрический водонагреватель в ванной. Ничего не происходит, так как водонагреватель не работает. Партачианец пригласил слесаря еще два месяца назад, но тот не приходит (он ведь тоже партачианец). Тогда он заново покрасил бойлер.

Чистокровный партачианец любит, когда свежепокрашено. Если что-нибудь пачкается, он это красит. Если ржавеет – еще слой краски. При ремонте, когда нужна электросварка, он использует канцелярский клей, а вместо шурупов применяет клейкую ленту. Если уж завинчивает шурупы, то только один, максимум – два, и так будет держать!

Партачианец ест шумно, идет – топает, разговаривает – громко. Жалуется на шум. Если его радиоприемник начинает хрипеть, то спустя год он звонит в бюро ремонта. Мастер говорит: попробуйте приподнять одну сторону. Партачианец приподнимает, и хрип пропадает. Он подкладывает спичечный коробок под левый край приемника. Если хрип возобновляется – меняет коробок. Или пристукнет по аппарату – сбоку и сверху, так, несильно. И вообще, если что-нибудь ломается, партачианец стучит по этому. Особенно – по проигрывателю. Если диск не крутится, ждет день-другой и еще стукнет по корпусу, сбоку. Обычно начинает вращаться. Стерео...

По большим механизмам он бьет ногой. Вот уже лет двенадцать система отопления у него в доме начинает работать, только если хорошенько врезать ногой по термостату. Каждое утро партачианец спускается в подвал и пинает. Наконец, он сломал большой палец на ноге и уж тогда вызвал слесаря. Тот не приходит – уехал в Хайфу в 3.30. Вместо неисправного центрального отопления партачианец покупает шесть новых отопителей, работающих на солярке. Два из них действуют – произведено в Партачии.

Если кран у партачианца не капает, так это потому, что отключили воду. И электричество отключают изо дня в день. Турбины на электростанции установлены наоборот. Сейчас их красят. Йоске.

В товарах местного производства часто попадаются сопутствующие компоненты. В хлебе – гайка, в пакетах с молоком – помой, в пите – таракан, в банке консервов – часы.

Партачианцы – народ книги. Поэтому можно сразу определить, что книга принадлежит партачианцу – на полях отпечатки пальцев пролетария.

Настоящий партачианец верит в переселение душ у вещей. В футляре косметического набора он держит шурупы, ногти чистит – карандашом, пишет – горелыми спичками. Обычно он записывает номер телефона на той части сигаретной пачки, которую отрывает и выбрасывает, – чтобы потерять.

Если партачианец нервничает, он начинает звонить по телефону, поскольку сигнал «занято» успокаивает его. А если не занято, то сразу кладет трубку, понимая, что ошибся номером. Если нервозность нарастает, он берет машканту^[2] и уезжает из страны.

Гордый партачианец любит свободу, свиные отбивные. Покупает в рассрочку, обычно – миксеры. Любит гигиену, чистоту: заворачивает творог только в свежую утреннюю газету. Партачианцы обладают развитым эстетическим чувством: опоры электролинии ставят обязательно перед главным входом. Любят давать указания. Часто вскрывают асфальтовое полотно шоссе – кабели, трубы – им любопытно.

В партачианском языке много устойчивых выражений. «Все будет хорошо», то есть – катастрофа. «Рядом!» – то есть недосыгаемо. «Сразу» – два часа. «День-два» – год. «После праздников» – никогда. Если партачианец отказывается, он говорит «позвоните». «В чем дело?» – действительно «В чем дело?» То есть – чепуха.

В войнах он обычно побеждает. Партачианец едет в танке в направлении, противоположном нужному, – ну, слегка задремал. Разбивает врага наголову, возвращается, победитель. Едет на войну колонной грузовиков, все у него есть – пушка, снаряды, консервный нож – все, кроме баллонного ключа. Если по дороге прокалывает колесо, он застревает на полпути к фронту. Но, если не прокалывает, – побеждает.

Главное для него – национальная безопасность, ну, правда, после турнирного положения «Макаби» (Яффо) и празднования бар-мицвы Авиغدора. Еще любит пикники. Сыр. Всякие бумаги. Если республика Партачия высадится на Луне, то там можно будет увидеть американский флаг, советскую эмблему в виде серпа и молота, полпачки маргарина, завернутую в спортивную газету, и 138 пустых бутылок из-под «Швепса».

Вообще-то хороший он парень, этот обычный партачианец. Загорал бы себе целый день на пляже, если бы шезлонг не сломался. Он закрепил ножку пластилином, но не держало. Нужно покрасить. А в остальном все в порядке. Так что вполне возможно жить по-партачиански, это только вопрос привычки.

Èç ìáíðí èèà «Ýòí» (Òáèü-Áàèá «Ñèòðèýò Ì ààðèá», 1974)

^[1] Кинотеатр «Мограби» – популярный в 60–70-е годы кинотеатр, находившийся недалеко от моря в южной части Тель-Авива.

^[2] Машканта – долговременный крупный заем в банке на покупку жилья.

РУССКИЕ ИДУТ!

-Уважаемый господин, я хочу быть первым, кто от имени правительства и его учреждений сообщит вам радостную новость: Горбачев сдался!

– Свободный выезд евреев из России?

– Да, под предлогом воссоединения семей. Двадцать тысяч людей каждый месяц, начиная с после обеда в четверг. Они будут прибывать прямым рейсом из Москвы. Никакой промежуточной посадки, никакого статуса беженцев в США, никакого отсева по дороге, никаких проблем – они прибывают!

– Вот это новость! Можно мне поцеловать вас, друг мой?

– Разумеется.

– Наконец-то мы дождались... Но это точно?

– Что за вопрос?! Первые две тысячи уже прибыли сегодня утром в Лод и ожидают исхода субботы. Остальные – в дороге.

– Пусть все приезжают. Не важно как, не важно когда, не важно зачем, лишь бы приехали. Все!

– Ура!

– Я всегда ждал этого, друг мой. Подписывал все петиции не глядя. «Отпусти народ мой!»

– Господин из России?

– Нет, я только сочувствующий. Какие это люди! Большие, здоровые, умеют выпить и закусить, радуются жизни!

– Да, они замечательные.

– А как они танцуют, поют целый день. И главное: в каждой семье два-три ребенка.

– Точно.

– А какие они старательные, господин мой, какие дисциплинированные. Слава Б-гу, что они выросли при коммунистическом режиме. Для них привычно вставать спозаранку и сразу за работу. Эти евреи – сила! Просто спасение для нашей страны, говорю вам, это просто чудо. Они изменят карту нашего региона, оздоровят экономику, поднимут наш моральный дух, в общем – даже трудно предсказать их влияние на ход истории человечества.

– Три миллиона!

– Вы молодцы, наши руководители, слава правительству национального единства.

– Большое спасибо.

– Продолжайте в том же духе! Мое горячее благословение тысячам новых олим.

– Вы сможете передать его им лично.

– К сожалению, я уже поставил автомобиль в гараж...

– Не нужно никуда ехать, они идут к вам.

– Кто идет?

– Русские идут.

– К кому?

– К вам. Ну, не три миллиона, разумеется, всего одна семья.

– У меня там нет родстве

нников.

– Не важно. В эти дни каждая израильская семья должна принять одну семью из России. Вообще-то я и пришел, чтобы сообщить вам это.

– Это обязательно?

– Пока только по желанию.

– Так что значит «сообщить»? Попросите меня...

– Мне показалось, что господин так рад...

– Конечно, рад. Я всегда был за советских евреев, даже когда еще всякие пройдохи ехали в Америку. Меня не нужно учить! Дверь моей квартиры всегда будет широко открыта для могучего потока наших братьев из СССР, а как же иначе?

(Раздаются звуки пианино).

– Ого...

– Это Двора упражняется.

– Простите?

– Сейчас я вам объясню. Единственное свободное место в нашей квартире – это комната для гостей, но как раз там стоит пианино. Моя дочь дважды в неделю берет

частные уроки у госпожи Пресбургер, которая преподает также в консерватории. Мы два года ждали, пока она согласится взять нашу дочку в качестве ученицы. Поэтому сейчас я не могу отменить все это...

– А что, нельзя ли передвинуть пианино в другое место?

– Я думал об этом. Но куда? В гостиной стоит большой буфет. А потом, вы пробовали двигать пианино – это вам не шутка...

– Ну, всего лишь на некоторое время...

– Если бы вы сообщили мне хотя бы две недели назад, когда Двора еще не начала заниматься на пианино, я бы смог сделать что-то ради алии из России, но сегодня уже очень трудно. А вы говорили с соседями?

– Говорил...

– Ну?

– Тоже упражняются: скрипка, труба, контрабас.

– М-да... А разве я получил что-нибудь, когда приехал в страну?

– Трехкомнатную квартиру.

– Ну, третья комната совсем небольшая. Кстати, ваши коммунисты, если я не ошибаюсь, они ведь привычные к стесненным жилищным условиям. Они выросли в жуткой нищете, поверьте мне.

– Итак – «нет»?

– Я не сказал «нет». Я всегда готов на жертвы, если есть необходимость. Например, я годами покупал акции государственного займа на абсорбцию, которые правительство должно оплатить мне. Так ведь? Ну вот, пожалуйста, я от этих денег отказываюсь – можете не возвращать мне, передайте их русским.

– И тем не менее?

– И тем не менее мне нужен покой в доме. А они встают рано, начинают шуметь, вы ведь знаете этих пьяниц – поют и пляшут весь день. От них можно с ума сойти. Более того: у них в каждой семье по два-три ребенка. Они совсем не как наши евреи...

– Так что же делать?

– Это действительно проблема. А вы ничего не платите за их проживание?

– Нет.

– Ну, я не знаю...

– А может пусть себе едут в Америку?

– Ну что ж, в нынешней ситуации...

– Очень жаль.

– Но это лишь временно. Через пару лет, я надеюсь, моя дочка забросит пианино, или госпожа Пресбургер выйдет на пенсию. Ну а пока, держите меня в курсе.

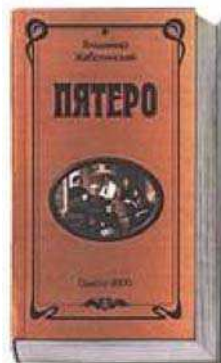
Èç ìáí ðí èèá «Áÿçáí áÿ èèí à è áìá í áñéí èíéí ìò è ðè-áñèò í ðí èç ðáè èíñèò ðáñèáçí á»

(Èáðíñèèì : «Ñè ó ðèÿò ááèò ÿèü», 1993).

Í ðáèèñéíáèá è í áðáíä Á. Èðèéíáà ðèñ Ñáóèá ðáñèéíá

ЗНАК ПЯТЕРЫХ

Владимир Жаботинский. «ПЯТЕРО». Одесса, «Друк», 2000.

Кто из нас в детстве не испытал — хоть ненадолго — прилива счастья, прочитав впервые катаевский «Белеет парус одинокий»? Пенная волна бьет о борт ялика, два мальчика надежно защищены от суровостей жизни отцовской любовью и семейным достатком; и «Ешь землю, что никому не скажешь», и благодостное южное солнце равно освещает всех — и «барчука» Петю, и «босняка» Гаврика, и торговку мадам Стороженко, и ее «бичков» — «посмотрите, разве ж это бички? — это воши...»

Роман Владимира Жаботинского «Пятеро» — это, если можно так сказать, «Белеет парус одинокий» для взрослых.

Автор этого замечательного русского романа гораздо больше известен в Израиле, нежели в России. Отечественные энциклопедии и словари о русском писателе Владимире Жаботинском (1880-1940) долгие годы хранили осторожное молчание. Первым, насколько мне известно, его нарушил биобиблиографический словарь «Русские писатели» — он среди прочего о Жаботинском вот что сообщает: «Теоретик, публицист, один из идеологов сионизма», стоявший, добавим, у истоков создания государства Израиль. Любое из этих определений на много десятилетий перекрыло книгам (и имени) Жаботинского путь к отечественному читателю. Кстати, и зарубежные биографы Жаботинского в перечне его дарований и достоинств обычно редко упоминают (а то и совсем избегают разговора) о его литературных заслугах. Может быть, потому что биографии эти написаны в Израиле, и их авторы были увлечены жизнью «видного деятеля сионизма» Зеева (такое имя он взял, начав заниматься еврейскими проблемами) Жаботинского, не заметив при этом жизни русского литератора Владимира Евгеньевича Жаботинского. А она была.

Боевой (и литературный) путь Жаботинский прошел от «Сказания о погроме» (так называется поэма Бялика, которую Жаботинский блестяще перевел в 1903 году) до «Слова о полку» (1928), автобиографического романа о создании еврейского батальона в составе британской армии во время первой мировой войны. Начав печататься в начале века под псевдонимом Altalena (итальянск. «качели»), Жаботинский вскоре стал одним из ведущих российских журналистов — и сегодня понятно, почему: его фельетоны и публицистические статьи ритмически организованы (как стихи) и драматургически выстроены (как пьесы)...

Современники литературный талант Жаботинского оценили: на «этом» берегу — сентиментальный Горький, на «других берегах» — желчный Осоргин. Корней Чуковский, друг юности Жаботинского, назвал его «самым талантливым» из людей, встреченных в юности, и был уверен, что его ожидает широкая литературная дорога...

Во времена перестройки, когда была мода на эмигрантскую литературу, Жаботинского как-то проглядели, не попал он «в обойму», и в постперестроечной России его книги тоже печатают не очень-то охотно. Только сейчас добралось до отечественного читателя, может быть, лучшее сочинение Жаботинского - роман «Пятеро».

Издательская судьба романа причудлива. Написанный по-русски, являющийся частью русской культуры, роман, как ни парадоксально, никогда до сих пор в нашем отечестве не издавался. Впервые он был опубликован в Париже в 1936 году. К этому времени Катаев уже начал писать «Белеет парус одинокий», Житков закончил «Виктора Вави-ча», а Чуковский издал повесть «Гимназия» («Серебряный герб») — три сочинения, объединенные с «Пятеро» временем и местом действия. В

1990 году роман был переиздан в Израиле, в издательстве «Библиотека Алия», ориентирующемся на русскоязычную диаспору.

Нынешнее издание первое на постсоветском пространстве. В этот том Жаботинского, помимо романа «Пятеро», вошел раздел «Приложения», содержащий статьи о творчестве писателя.

В жанровом отношении роман «Пятеро» представляет собой нечто среднее между семейной хроникой и мемуарным романом, но эти понятия мало что в нем описывают и проясняют.

Какая-то удивительно полнокровная и разноцветная жизнь увлекает нас в первых главах — освещенная щедрым солнцем юга и подпитанная щедрым временем больших ожиданий (а действие романа начинается в Одессе накануне событий 1905 года). Многонаселенный, многоголосый, дружественный к людям мир доверительно окружает главных героев — пятерых детей семейства Милыром (похожий уютный мир окружает героев булгаковской «Белой гвардии»).

Это добротная проза в хорошем, старомодном смысле слова. Здесь нет игры с читателем, «концептуального романа», как сказали бы сегодня, нет и «романа с тенденцией», как сказали бы в прошлые времена. Последнее случилось скорее вопреки, чем благодаря авторской воле: строго говоря, изначально Жаботинский хотел написать роман о том, как «...на примере одной семьи... свела с нами счета... вся предшествующая эпоха еврейского обрусения». К счастью, роман вышел из берегов авторского замысла—и вот перед нами вольная, ликующая, бурливая городская жизнь начала века. Первые главы романа -взволнованный гимн этой жизни. «Книга ликований», как сказал бы Аким Волынский. Импульс к написанию сочинения — любовь к этому городу, к этому времени, к своим героям, любовь, то и дело переходящая в нескрываемое любование.

Пожалуй, самое неожиданное в этой опьяняющей любви — ее трезвость и зрячесть (это вообще в любви бывает редко). Жаботинский обладал каким-то иммунитетом к иллюзиям и оболъщениям своего времени. На протяжении романа перед читателем проходит парад мифов и модных оболъщений, владевших умами современников (и каких современников!) Владимира Жаботинского. «Народничество», «эмансипация», «р-революционность», «еврейская самооборона», «золотой век Одессы»,

«проблема пола»... Взять хотя бы один из краугольных эпизодов новейшей истории — восстание на броненосце «Потемкин», кем только не описанное — от Катаева до Чуковского, прославленное эмблематичными кадрами из фильма Эйзенштейна. Но нигде не доводилось встречать воспоминаний, подобных тому, какое оставил об этом дне Жаботинский. А он говорит о том, что после потемкинского дня, дня надежд, наступила потемкинская ночь, ночь разочарований: «...в порту еще с захода солнца шибко текет монополька; уже давно, махнув рукой, подались обратно в город обманутые агитаторы... а то уж их барышень хотели пробовать вприкуску...». «Глупые, неопытные, молодые, мы не предвидели, что хорал его (восстания. — О.К.), начавшийся набатом, в тот же вечер собьется на вой кабацкого бессмыслия...». Как похоже это на блоковское ощущение послереволюционных дней — сначала восторженное: «слушайте музыку революции!», потом недоумевающее: «но не эти дни мы ждали», и наконец отчаянное: «было бы кощунственно и лживо припоминать рассудком звуки в беззвучном пространстве». Совпадает даже по акустическому ощущению происходящего.

Вот описывает он создание отряда еврейской самообороны (после кишиневского погрома они стали возникать в России, и Жаботинский сам был одним из организаторов такого отряда в Одессе). Опоэтизированные Бабелем налетчики - герои «Одесских рассказов» — прямая производная этих «вооруженных еврейских формирований», и Жаботинский видит опасность, исходящую от «человека с ружьем». Едва вооружившись, вчерашние потерпевшие сами становятся налетчиками и бандитами (и такой налетчик в романе «Пятеро» уже появляется). «Называлась эта система финансирования безденежных начинаний "экс" и применялась уже просто и открыто для пополнения личной кассы налетчиков. ...Всего любопытнее было то, что свирепствовал "экс" у нас в городе только среди евреев. "В два кнута хлещут еврейскую массу, — меланхолично писал мой коллега по газете, фельетонист на серьезные темы, — ночью, дубинками — чужая сволочь, днем — своя"».

Вот рассказывает о том, что на языке советской критики называлось бы «пробуждением революционного сознания в массах»: «Дворницкое сословие стремительно повышалось в чине и влиянии, превращалось в основной стержень государственной власти. Гражданин думал, будто он штурмует бастионы самодержавия; на самом деле осаду крепостей вело начальство, миллионов крепостей, каждого дома, и авангард осаждающей армии уже сидел в подвальных своих окопах по сю сторону ворот».

И этот спокойный голос, комментирующий трагические события эпохи, — «и так было» — слышен на протяжении всего романа.

Как всякий настоящий художник, Жаботинский остро чувствовал слом времени. Дети семьи Мильромов — это и дети «страшных лет России». И если в первых главах романа описан как бы «зенит» счастливого жизненного уклада, то в последних — его «закат». Трагический отсвет заката ложится на каждую из пяти судеб. Нелепо гибнут любимцы автора — Маруся и Марко. Лика становится то ли профессиональной революционеркой, то ли профессиональной шпионкой.

Вопрос, мучивший и Достоевского, — «все позволено?» — Жаботинский ставит в эпоху, когда в России прочли Ницше и Вейнингера. Одна из главных сюжетных линий романа — история Сергея Мильгрома, «человека, родившегося не в свое время». Он становится заложником витающей в воздухе идеи всеобщей вседозволенности — вступает в любовную связь с Нюрой и Нютой, матерью и дочерью, и постепенно переходит на их содержание. В конце романа его ждет возмездие воистину античное — он слепнет от руки мужа (и отца) своих возлюбленных...

Казалось бы, будущее в этой семье есть только у Торика — примерного сына, прилежного ученика и убежденного сторонника ассимиляции. Но это будущее тоже можно представить: талантливый и честолюбивый еврейский юноша, выкрестившись, закончит с блеском юридический факультет, сделает стремительную карьеру при коммунистах, войдет в новый советский истеблишмент (партийная работа, а может, работа в органах) - и в конце концов будет уничтожен революционным Молохом, как это было с тысячами подобных ему...

«Пятеро» — это роман о том, как «время больших ожиданий» становится «концом прекрасной эпохи» (которая скоро перейдет в «окаянные дни»...).

И все-таки, «Пятеро» для Жаботинского - что это было? Попытка ответить на призвание своей молодости? Жаботинский навсегда уехал из России в 1916 году, влекомый мечтой о создании еврейского государства. Бабель в лубяньских застенках вспоминал о свидании с ним в Париже в 1935 году, и речь о литературе не заходила. Казалось, художественное творчество не было средоточием его интересов. Оказалось, что было. И не случайно ведь секретарю своему в последние годы жизни сказал: «Я — человек волею Б-жьей умелый лишь в одном — писать...» Невольно проговорился?

В молодости Жаботинскому, владевшему более чем десятком языков, прочили карьеру первого языковеда Европы (так утверждают его биографы). Языками, так сказать, светского общения Жаботинского были французский, итальянский, испанский, иврит... Но вот по прочтении романа «Пятеро» складывается впечатление, что языком его духовной — а значит, подлинной — жизни был русский. Так же, как его истинной родиной была русская литература. Публикация романа дает повод подумать о том, что литературная судьба Владимира Жаботинского — это драма не то чтобы незаслуженно забытого, а, скажем так, добровольно не состоявшегося русского писателя.

Ἰ εὐὴν Ἐὰν οἱ ἰ εὐὴν

ИЗ НАШЕЙ ИЮНЬСКОЙ ПОЧТЫ

Глубокоуважаемая редакция!

С гордостью хочу сообщить вам, что в моей личной библиотеке, насчитывающей более полутора тысяч книг, хранятся почти все номера журнала «Лехаим», начиная с 24-го, датированного апрелем-маем 1994 года. Для меня они стали своеобразным учебником. По ним я изучаю историю, традиции и быт евреев, Тору, знакоюсь с весомым вкладом, который внесли мои соплеменники в развитие мировой науки, литературы, искусства, медицины. В последнее время с особым интересом стал читать и делать выписки из материалов вашего журнала, связанных с Великой Отечественной войной, с вкладом евреев в победу как на фронте, так и в глубоком тылу. Этот интерес связан прежде всего с тем, что я начал собирать материалы о ратных и трудовых подвигах евреев-казахстанцев, чтобы попытаться написать о них хотя бы небольшую брошюру, тем более, что в казахстанской историографии это одна из почти неисследованных тем.

В связи с этим меня очень заинтересовало письмо в редакцию Бориса Фридмана из Уфы о его отце Фридмане Пинкусе Абрамовиче, опубликованное в № 3 (107) журнала за этот год. Оно меня не только заинтересовало, но и подкупило той особой теплотой, с которой сын пишет об отце. Так может писать только человек с большим добрым сердцем. И еще одна мысль. Мне кажется, что если бы каждый сын или дочь написали по письму такого плана, то получилось бы очень интересное повествование по истории еврейской семьи.

Заинтересовал же меня в письме тот факт, что во время Великой Отечественной Пинкус Фридман организовал в тыловой Алмате производство витаминных концентратов для армии.

Конечно же, мне хотелось бы получить от автора более детальное описание этого в полном смысле слова подвига. В частности, меня интересует: в каком году было начато производство, на базе какого предприятия, сколько (хотя бы приблизительно) было произведено продукции, работали ли на этом предприятии другие евреи (хорошо бы знать их имена и фамилии) и т.д.

Поэтому, если это возможно, убедительно прошу переслать г-ну Фридману данное письмо и мой адрес.

Заранее благодарен за помощь.

Ń ōāāēāī ēāī ,

Ōēūī āī Āāōōī Ēēūē±,

Āēī āōū

Дорогая редакция журнала «Лехаим»!

Дело, которое вы делаете, бесценно. Мы, даже люди с высшим образованием, в иудаизме безграмотны. Как ничтожно мало знаем о великом нашем народе! Огромное вам спасибо и низкий поклон за то, что вы восполняете пробелы в нашем воспитании и образовании. Гордость наполняет сердце за наш народ, который дал миру столько гениальных, замечательных, праведных, образованных и культурных людей. Жаль, что количество журналов, поступающих в нашу синагогу, уменьшилось, и его все труднее получить, а выписать мы, пенсионеры, не можем – неплатежеспособные.

Недавно был один из наших самых главных праздников – Пейсах. И мне хочется назвать человека, который много сделал для евреев в свете этого праздника. Это Ямпольский Михаил Наумович.

В 80-е годы многие евреи нашего города посылали по его адресу деньги на мацу – по 5 рублей за 1 кг. Я собирала деньги у своих друзей, и спустя 10–15 дней на мой адрес приходила маца с печатью «кошерная». И я обеспечивала ею и свою семью, и друзей.

Не помню, в каком это было году, но точно, что до 1990 года, – мацу я не получила. В это время я везла маму в клинику Федорова в Москву. Зная адрес Ямпольского, нашла телефон, позвонила, мне сообщили, что его арестовали. Позже в Донецке меня вызвали в правоохранительные органы, требовали письменное объяснение о посылке денег на мацу. Я никогда не была робкого десятка и сказала: «Вам хорошо, можете к своему празднику купить в магазине пасху. А как быть нам?». Ответ был: печите сами. Я популярно объяснила, что в домашних условиях это невозможно, так как мы не знаем, как печь кошерную мацу. Я там видела большие списки евреев, которые пользовались услугами Ямпольского.

Будучи недавно в Москве, я и мама поехали в синагогу покупать мацу. Там за ней была большая очередь, но моей маме, ветерану КПСС, персональной пенсионерке, дали вне очереди (много мы с родственниками смеялись по этому поводу). Обеспечили мацой себя, родственников и привезли друзьям, чьи деньги, как и наши, пропали с арестом Ямпольского.

Может быть, редакции удастся что-либо узнать о судьбе этого праведного человека? Меня до сих пор волнует его судьба.

Заранее благодарна.

Ėĕĕĕö Ÿĕĕĕ ĀĀĀĀĭ ĭĀĭĀĭ

ĀĭĭĀĕĕ

Шалом, дорогая редакция нашего любимого журнала «Лехаим»!

«Лехаим» – журнал для общения. Вы стремитесь, чтобы людям было интересно, вам удастся радовать нас увлекательными и полезными статьями. Спасибо. Уже само слово «Лехаим» многое объясняет. Если говорить откровенно, то мы почти не бываем нараспашку. Наше обычное состояние – застегнутость на все пуговицы. Вы помогаете нам, читателям, раскрепоститься. Кстати, это и есть ключик к тайнам нашей

еврейской природы. Колдовская дверца наших душ открывается с помощью такого вот ключика.

Журнал «Лехаим» интересен и нужен. Каждый номер читаем с удовольствием, обсуждаем, спорим. Вы даете нам возможность обратить внимание на то, к чему мы, бывает, приглядимся и перестаем замечать, сужая мир, в котором находимся. Благодаря журналу незначительное перерастает в неизмеримо большее. Мы благодарим вас. Иногда мелочи – это самое главное.

Сегодня мы прочли «Лехаим» за май 2001 года (№5/109), где в статье «Литература или политика?» писатель Идо Нетаньягу говорит, что было бы хорошо, если бы журнал напечатал одну из его статей, а автор статьи В. Дынькин спрашивает: «Стоит ли? Ответ за читателем». Думается, действительно было бы хорошо, если б журнал напечатал одну из статей Идо Нетаньягу. Как говорит А.Е. Бовин (там же): «Не прочитав книгу, трудно о ней говорить...».

Книга Нетаньягу поднимает политические вопросы, проблему взаимоотношений двух противостоящих друг другу народов на земле Израиля. Я лично и мои родные и близкие «болели» за Ариэля Шарона. (Читали в «Еврейском слове» №6 (28) 5761/2001 7–13 февраля «Ястреб мира», «Старый солдат, множество раз ходил на штурм...»). Нам хочется верить, что Ариэль Шарон — отличный политик, а у настоящего политика-еврея не может быть мира с арабами. Книга Идо Нетаньягу важна, в любом случае нам нужно знать разные мнения. Уверены, прочесть было бы интересно.

Представьте, что будет с кем-либо из наших, если Иерусалим будет арабским? Мы это принять да и понять, увы... да просто – этого не может быть!!! Господа, Израиль – для евреев (весь Израиль)!

Принято считать, что спокойствие и уверенность нам дарит согласие с другими людьми. Но вот с арабами? Конечно же, нет! Заблудшие, увы, живут своей жизнью и веками стараются уничтожить нас – такова цель примитивных арабов. Мы есть не тогда, когда что-то обсуждаем, а когда делаем и все вместе, и лишь в этом случае мы вернем себе свою индивидуальность. Мы должны формировать свое общество через сообщество.

Давайте вспомним Марка Твена: «Терпимости не существует. Ей нет места в сердце человека, но по древней заплесневелой привычке все, захлебываясь и брызгая слюной, бормочут о ней. Нетерпимость – это все для себя и ничего для других... Такова основа природы человека».

Именно так! Давайте крепко задумаемся...

Благодарим за то, что вы даете возможность высказывать наши мнения на страницах журнала.

Най ие Адїї е о а е і і а Е а о а і і а І о а е а а і е о

І а о а а о а

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ИЮНЯ

2 ИЮНЯ

185 лет со дня рождения писательницы, автора работ по еврейской религии и истории, романа «Кедровая долина, или Мученик», новелл «Домашнее влияние», «Дух иудаизма» и др. **Грации (Мирьям) Агиляр** (1816, Лондон – 1847, Франкфурт-на-Майне).

3 ИЮНЯ

75 лет со дня рождения поэта, автора поэм «Вопль», «Кадиш», ставших программными для «битников», сборников «Падение Америки», «Дыхание души», «Плутониевая ода» и др. **Аллена Гинзберга** (1926, Патерсон, США – 1997, Нью-Йорк).

9 ИЮНЯ

80 лет со дня рождения гимнастки, олимпийской чемпионки по спортивной гимнастике 1952—1956 годов, обладательницы 11 олимпийских медалей **Агнеш Келети** (р. 1921, Будапешт).

10 ИЮНЯ

10 лет со дня смерти писателя, автора повести «Молчание моря», мемуаров «Битва молчания», «Движение Сопротивления», романов «Люди или животные?», «Нежное крушение» и др. **Веркорса** (наст. имя и фамилия Жан Брюллер; 1902–1991, Париж).

25 лет со дня смерти одного из создателей американской кинопромышленности, а также одного из основателей и председателей совета директоров кинофирмы «Парамаунт» **Адольфа Цукора** (1873, Рикше, Венгрия – 1976, Лос-Анджелес).

14 ИЮНЯ

15 лет со дня смерти поэта и писателя, автора сценариев фильмов «Американец в Париже» (премия «Оскар» за лучший сценарий 1951 года), «Жижи» (девять премий «Оскар», включая одну за лучший сценарий 1958 года), «Моя прекрасная леди» (семь премий «Оскар» 1964 года), «Камилот» и др. **Аллена Лернера** (1918 – 1986, Нью-Йорк).

15 ИЮНЯ

80 лет со дня рождения хирурга, академика РАН, Героя Социалистического Труда, заслуженного изобретателя СССР, директора филиала Ленинградского НИИ травматологии в Кургане, директора и профессора Курганского НИИ экспериментальной и клинической ортопедии и травматологии, впервые начавшего практику бескровного лечения переломов трубчатых костей с помощью сконструированного им аппарата, а также создавшего аппарат для замещения дефектов трубчатых костей путем удлинения одного из обломков, благодаря чему стало возможным восстанавливать недостающие части конечностей и удлинять конечность, автора труда по травматологии и ортопедии, лауреата Государственной премии СССР **Гавриила Абрамовича Илизарова** (1921, Кусары, Азербайджан – 1992, Курган).

85 лет со дня рождения экономиста и социолога, члена Американской национальной академии наук, профессора и заведующего кафедрой Чикагского университета, автора трудов в

области психологии, переработки информации, компьютерного моделирования процессов познания, теории организации искусственного разума и принятия решений, лауреата Нобелевской премии по экономике 1978 года **Герберта Александра Саймона** (р. 1916, Милуоки, США).

16 ИЮНЯ

120 лет со дня рождения философа, академика АН СССР, директора института философии АН СССР, члена Президиума АН СССР, автора трудов по истории социально-политических учений нового времени, истории философии марксизма **Абрама Моисеевича Деборина** (наст. фамилия Иоффе; 1881, Упино Ковенской губ. – 1963, Москва).

17 ИЮНЯ

20 лет со дня смерти инициатора и одного из руководителей еврейского подполья и еврейской боевой организации в оккупированной нацистами Варшаве, одного из организаторов и руководителей антифашистского блока и Еврейского национального комитета в Варшаве **Ицхака (Антека) Цукермана** (1915, Вильна – 1981, кибуц Лохамей а-гетаот, Израиль).

20 ИЮНЯ

10 лет со дня смерти финансиста, члена Британского королевского общества, председателя Объединенного еврейского призыва, президента совета ортодоксальных еврейских общин в Великобритании, основателя фонда в пользу здравоохранения и культуры, **сэра Айзика Вольфсона** (1897, Глазго – 1991, Реховот, Израиль).

22 ИЮНЯ

80 лет со дня рождения режиссера, экспериментатора и реформатора театра, основателя Шекспировской мастерской, Нью-Йоркского Шекспировского фестиваля, Нью-Йоркского Публичного театра **Джозефа Паппа** (наст. фамилия Папировский; 1921-1991, Нью-Йорк).

95 лет со дня рождения режиссера, сценариста, продюсера, автора сценариев фильмов «Восьмая жена Синей бороды», «Полночь», «Задержите рассвет», постановщика фильмов по собственным сценариям «Двойная страховка», «Потерянный уикенд» (четыре премии «Оскар», включая одну за лучший фильм 1945 года, премия Мкф в Канне, 1946 год), «Сансет бульвар» (премия «Оскар» за лучший сценарий 1950 года), «Лагерь для военнопленных № 17» (премия «Оскар» за лучшую режиссуру 1953 года), «Сабрина», «Зуд седьмого года», «Некоторые любят погорячее» (в советском прокате «В джазе только девушки»), «Квартира» (три премии «Оскар» – за лучший фильм, лучшую режиссуру и лучший сценарий 1960 года) и др., обладателя премии Американского института кино 1986 года и премии им. Тальберга Американской киноакадемии **Билли Уайлдера** (р. 1906, Суша, Австрия).

25 ИЮНЯ

65 лет со дня смерти математика, профессора Ленинградского университета, автора трудов по дифференциальной геометрии, теории изгиба и топологии, популярной книги (совм. с Д. Гильбертом) «Наглядная геометрия» **Стефана Эммануиловича Кон-Фоссена** (1902, Бреслау, Германия – 1936, Москва).

28 ИЮНЯ

170 лет со дня рождения скрипача, педагога, композитора, профессора и директора Высшей музыкальной школы в Берлине, основателя струнного квартета **Йозефа Иоахима** (1831, Китси, Словакия – 1907, Берлин).

75 лет со дня рождения киносценариста, режиссера, актера, продюсера, автора сатирических фильмов «Продюсеры» (премия «Оскар» за лучший сценарий 1968 года), «Сверкающие седла», «Молодой Франкенштейн», «Страх высоты», «История мира. Часть I» и др. **Мела Брукса** (наст. имя и фамилия Мелвин Каминский; р. 1926, Нью-Йорк).

30 ИЮНЯ

75 лет со дня рождения биохимика, одного из основателей генной инженерии, члена Американской национальной академии наук, Американской академии наук и искусств, профессора Вашингтонского и Стэнфордского университетов, изучавшего роль транспортной РНК в биосинтезе белков, получившего рекомбинантные молекулы ДНК (содержали ДНК бактериального вируса лямбда и обезьяньего вируса 40), на которых исследовал структуру отдельных генов, лауреата Нобелевской премии по химии 1980 года **Пола Берга** (р. 1926, Нью-Йорк).